

содержание

П. Ф. Лысенко

ОТКРЫТИЕ БЕРЕСТЬЯ

МИНСК
«НАУКА И ТЕХНИКА»
1989

ББК 63.4(2)
Л 88

Рецензенты:
доктор исторических наук М. А. Ткачев,
кандидат исторических наук Т. Н. Коробушкина

Лысенко П. Ф.
Л 88 Открытие Берестья.— Мн.: Наука и техника, 1989.— 159 с.
ISBN 5-343-00424-5.

Книга расскажет о поисках и открытии Берестья, его изучении, труде археологов, уникальных находках и создании единственного в СССР археологического музея древнерусского города — музея Берестья.

Л $\frac{0504000000-148}{М 316(03)-89}$ БЗ № 135—89 ББК 63.4(2)

ISBN 5-343-00424-5

К читателю

Время летит быстро. Лишь оглянувшись назад, замечаешь его стремительный бег. Вот и сейчас, к своему удивлению, отмечаю, что с моего первого знакомства с удивительным древнерусским городом Берестьем прошло почти тридцать лет.

О Берестье тогда было известно немного. Скудные летописные сообщения упоминали его лишь в связи с теми или иными политическими событиями и совершенно не касались внутренней жизни города и его населения. И лишь по сходству с другими древнерусскими городами можно было предположить, каким был уровень его экономического развития и догадываться о занятиях горожан.

Археологическое изучение городища Берестья сопровождалось неожиданными открытиями, редкими и совершенно уникальными находками. Они вызывали огромный интерес специалистов и широкой общественности. К месту раскопок приходили туристские группы, местные жители, отдельные посетители. И мы не только давали пояснения, но и вы-

слушивали их собственные, иногда довольно оригинальные, предположения и догадки по поводу вскрытых сооружений. Постоянный приток посетителей говорил о большом интересе к историческому прошлому нашего народа, и уже тогда зародилась мысль о создании после завершения исследований археологического музея. Выполнению этого замысла были отданы годы напряженного труда. Изучались многочисленные коллекции разнообразных вещей и находок, полученных в процессе раскопок, и производилась подготовка научной публикации о проведенных исследованиях.

С 1982 г. археологический музей «Берестье» открыт, опубликована научная работа по результатам исследований. Ежегодно музей посещают сотни тысяч посетителей. Они узнают много интересного и полезного о древнем городе и его эпохе. И тем не менее множество вопросов остается за пределами краткой экскурсии. В этой книге я попытаюсь дать любознательным читателям более обширные сведения об этом удивительном городе.

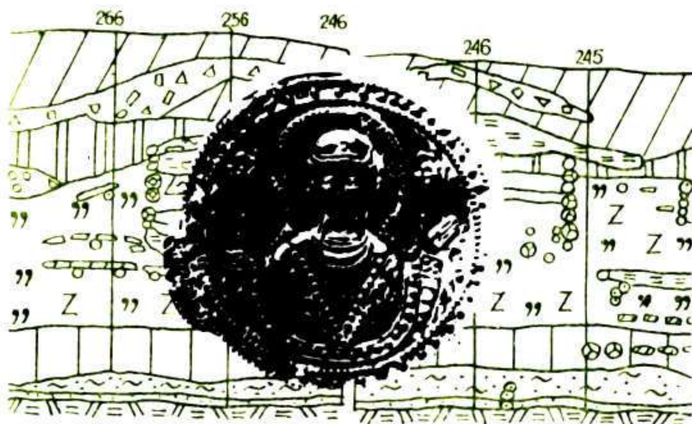
В книге нет вымыслов. В основу ее легли подлинные чертежи и фотографии, дневниковые записи и воспоминания коллег по работе.

В этой книге, дорогой читатель, я старался ответить на вопросы, которые неоднократно приходилось слышать от посетителей музея во время экскурсий: как обнаружили этот памятник, когда возник город Берестье, почему он так называется, что нашли во время раскопок, есть ли ценные находки и клады, как жили и чем занимались далекие предки современных брестчан, как выглядел город и почему так близко друг к другу стоят постройки, как они оказались под землей.

Исследования Берестья еще не закончены. Дальнейшие работы позволят полнее осветить те стороны истории древнего города, которые на сегодняшний день недостаточно изучены. Но это дело будущего.

ЧТО ТАКОЕ АРХЕОЛОГИЯ

На страницах книги будут неоднократно встречаться слова «археология», «археологический памятник». Познакомимся с этими понятиями. Археология — это наука о древностях, о древней истории. Она входит в состав исторических дисциплин. Археология отличается от классической истории, которая изучает прошлое по письменным документам, хроникам, сообщениям. Она изучает прошлое человечества по вещевым материалам и предметам, оставшимся от повседневной жизни и деятельности человека,— орудиям труда, предметам вооружения, древним жилищам, различным остаткам поселений и погребений, используя также доступные письменные источники. Круг исследуемых археологией вопросов и источников значительно шире, чем у классической истории. Более широк у археологии хронологический диапазон исследований. Он включает в себя и миллионные хронологические пласты человеческой истории (от происхождения человека), когда не было письменности и нет по этой причине

письменных источников. К тому же археология получает в исследованиях материалы об экономическом и социальном развитии общества, которые, как правило, гораздо слабее отражены в письменных источниках по сравнению с описаниями политических событий.

Перед классической историей археология имеет еще одно серьезное преимущество. Письменные источники в значительной степени уже изучены и использованы в исторических исследованиях. Рассчитывать в настоящее время на серьезное пополнение корпуса письменных источников новыми крупными оригинальными материалами трудно. В то же время современная археология благодаря активному исследованию археологических памятников постоянно пополняется все новыми, а в ряде случаев совершенно уникальными материалами. Они позволяют существенно дополнить труды, написанные лишь на основе письменных источников, и дают возможность вторгаться в сферу, не обеспеченную письменными документами, ставить и разрешать вопросы, ранее совершенно недоступные из-за отсутствия источников. В ряде случаев выявление новых археологических материалов и фактов идет столь бурно и интенсивно, что, по выражению академика Б. А. Рыбакова, напоминает «лавинообразный процесс».

На своем счету археология имеет множество серьезных достижений. Вспомним успешные поиски и раскопки древней Трои Генрихом Шлиманом, что позволило перевести из области поэтического и полулегендарного творчества в область исторически достоверных явлений события великого гомеровского эпоса «Илиада». Археологическими исследованиями Эванса введена в свет великая крито-микенская культура на островах Средиземноморья. Существенно расширяют наши знания о жизни и быте древних римлян раскопки засыпанной пеплом Помпеи. Вскрытое неразграбленное погребение фараона Тутанхамона дополняет сведения о Древнем Египте. А раскопанные в Индии города Мохенджо — Даро и Хараппа рассказывают о совершенно неизвестной высокоорганизованной городской жизни в 3-м тысячелетии до н. э. Раскопанные города Месопотамии и Ближнего Востока дополняют сообщения

клинописных глиняных таблиц. Новые цивилизации открыты археологами в Латинской Америке.

Русская и советская археология также имеет серьезные достижения в изучении исторического прошлого нашей страны. Археологами изучаются исторические вопросы заселения территории Восточной Европы, формирования исторических общностей, происхождения восточнославянских племен. Исследования восточнославянских курганных погребений эпохи Киевской Руси уточнили расселение летописных восточнославянских племен, известное по сообщениям «Повести временных лет». И совершенно неожиданную и чрезвычайно богатую картину жизни наших предков в эпоху Киевской Руси дали результаты исследования древнерусских городов X—XIII вв. Ведь города всегда были центром и средоточием высших достижений ремесленного производства и культурной жизни, и без изучения городов невозможно правильно представить себе общий уровень социально-экономического и культурного развития страны. Широкую известность получили археологические исследования Великого Новгорода и древнего Киева. Выявленные в Новгороде берестяные грамоты (свыше 600) совершенно по-новому поставили вопрос о распространении грамотности среди рядового населения Древней Руси. Материалы раскопок древнего Киева существенно расширили наши представления о жизни крупнейшего города Древней Руси, столицы обширного и могучего Древнерусского государства. Раскопки многих древних городов Руси свидетельствуют о высоком уровне ремесленного производства, широком распространении разнообразнейших технических знаний и умений у населения Киевской Руси, дают представление о разнообразнейших сторонах хозяйственной и культурной жизни.

И еще одно отличие археологии от истории. Историк получает материалы для своих исследований в архивах и хранилищах, используя созданные кем-то источники. Археолог сам добывает материалы раскопками археологических памятников и сам является создателем фондов новых археологических и исторических источников. Поэтому выдающийся советский археолог А. В. Арциховский с полным

основанием говорил, что «археология — это история, вооруженная лопатой». Продолжая эти образные сравнения, можно сказать, что археологический раскоп — это «машина времени», позволяющая перенестись в эпоху исследуемого памятника.

Так что же такое археологический памятник? Прежде всего это остатки древних поселений, укрепленных (городища) и неукрепленных (селища), разнообразных погребальных сооружений (одиночных и групповых с погребением покойного или останками его кремации, с наземными сооружениями или в грунтовых ямах и т. д.), отдельных предметов. Научная и познавательная ценность памятника зависит от его насыщенности различными предметами, их сохранности и информационной ценности. Наибольшую ценность представляют древние сооружения, надежно датированные предметы древнего ремесленного производства или искусства, найденные в комплексе с другими находками в неповрежденном слое. Найденный в археологическом памятнике предмет приобретает значение «архивного документа», своеобразной «справки» исследуемой эпохи. Каждая такая находка — это археологический (по происхождению) и исторический (по значению) источник сведений. Археологический памятник — своеобразный архив древних материалов и сведений, в ряде случаев совершенно неожиданных, раскрывающих новые страницы истории ушедших времен и народов.

Берестье в ряду выдающихся археологических памятников Киевской Руси занимает достойное место. Это совершенно уникальный по сохранности деревянных конструкций древнерусский город. На его основе создан единственный в СССР археологический музей древнерусского города, в котором посетители могут увидеть остатки жилых и хозяйственных построек, элементов планировки и благоустройства древнерусского города XIII в., а также разнообразную коллекцию предметов.

Читателю предоставляется возможность совершить путешествие в этот удивительный город, принять участие в его поисках и исследованиях.

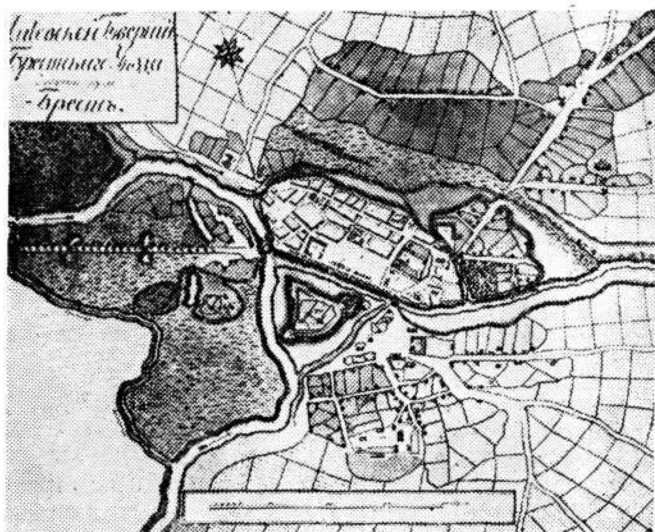

ПОИСКИ БЕРЕСТЬЯ

Впервые поисками Берестья мне пришлось заняться в связи с работой по изучению материалов Киевской Руси, полученных на территории южной Белоруссии, особенно материалов древнейших городов. Можно было пойти по пути обобщения имеющихся источников. Однако хотелось самому исследовать археологические памятники, ввести в научный оборот новые материалы. Первые обследования древнерусских городов Туровского княжества, сложившегося на территории южной Белоруссии, производились мною в 1961 г. вместе с моим научным руководителем московским археологом Валентином Васильевичем Седовым. В этот сезон были обследованы городища Турова, Клецка и Мозыря. На маршруте экспедиции находился Брест, в котором нужно было обследовать городище древнерусского города Берестья, известного по сообщениям «Повести временных лет» с 1019 г. Однако выявить и обследовать городище не удалось, как не удалось это и нашим предшественникам. Еще в

1954 г. Ю. А. Егоров в работе «Градостроительство Белоруссии» пытался указать местоположение Берестья. По его мнению, оно располагалось на одном из островов у впадения р. Мухавец в Западный Буг. Но в древности у впадения Мухавца в Западный Буг было много островов. В 1961 г. Ю. В. Кухаренко в работе «Средневековые памятники Полесья», определяя место древнего Берестья, повто-

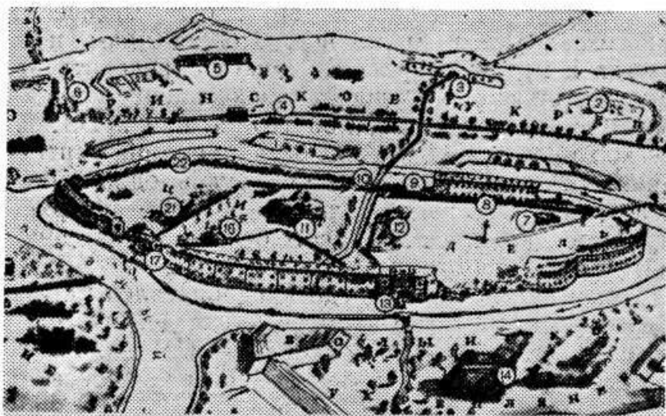

План Бреста конца XVIII — начала XIX в.

рил точку зрения Ю. А. Егорова. Он только дополнил ее предположением о том, что при строительстве Брестской крепости в середине XIX в. в ходе больших земляных работ, полностью изменивших рельеф местности, были уничтожены остатки оборонительных сооружений древнего Берестья и могло быть уничтожено городище. Наши обследования 1961 г. также были безуспешными и не привели к выявлению городища древнего Берестья.

В 1964 г. я снова побывал в Бресте, уже располагая дополнительными материалами. Современный рельеф местности уже оценивался с позиций происшедших в нем изменений, ретроспективно вос-

станавливался в возможной степени древний рельеф и сопоставлялся с древнейшими графическими материалами и чертежами строительства крепости XIX в., а также с типичным местоположением древнерусских городов на мысе у слияния двух рек. Вывод получался интересным. Городище древнего Берестья должно было располагаться на месте одного из бастионов крепости, на так называемом Волын-

Топография древнего Берестья

ском укреплении у впадения в Западный Буг левого рукава Мухавца.

В. В. Седов признал аргументацию такого предположения довольно убедительной и высоко оценил проведенную работу по определению местоположения Берестья. «Это настоящее научное открытие»,— писал он, настаивая на немедленной публикации статьи. Действительно, не часто удается определить место расположения исчезнувшего города. Доклад «К вопросу об исторической топографии древнего Бреста» был зачитан мною на конференции в АН БССР в октябре 1964 г. и опубликован в 1965 г. Тем не менее местоположение города было определено лишь теоретически. Его нужно было подтвердить неопровержимыми археологическими доказательствами — сохранившимся культурным слоем с материалами домонгольского времени.

Археологические доказательства, подтверждающие это предположение, были получены только в 1968 г. Михаил Иванович Алексеюк — научный сотрудник Брестского областного краеведческого музея, увлеченный краевед, любитель и знаток местной истории, рассказал, что директор музея обороны Брестской крепости Петр Николаевич Королев нашел какие-то «черепки» глиняной посуды на мысу у впадения в Буг левого рукава Мухавца.

Черепки — слово для археолога магическое, многозначащее и призывное. По черепкам почти всегда и надежно археолог может определить время изготовления сосудов, а также принадлежность изготовителей к этнической группе или археологической культуре. Черепки оказались орнаментированными стенками гончарных сосудов, однако недостаточно было показательных венчиков (верхний край сосуда), и все мы вместе отправились в дополнительную экспедицию за черепками. С западной стороны бастиона, там, где предполагался детинец Берестья, на неровно взрытой земле действительно встречались обломки сосудов XI—XIII вв. Самым азартным и удачливым их собирателем оказался П. Н. Королев. Ему попадались наиболее ранние и выразительные венчики. С немалым уловом, ободренные надеждой, мы возвращались назад. Черепки как бы говорили: «Да, здесь, у слияния Западного Буга и левого рукава Мухавца действительно было древнерусское поселение XI—XIII вв.» Неясными оставались характер поселения и сохранность слоя.

Осенью у подножья бастиона мы заложили поисковые шурфы. В первом же из них выявился слой мощностью свыше 3 м, сохраняющий остатки деревянных сооружений и предметов органического происхождения, в нижних пластах которого встречалась керамика XI в. Да, это был слой древнерусского поселения XI в., вероятнее всего, городского по характеру. Но это предстояло решать уже в следующем году.

В 1969 г. у места прошлогоднего шурфа был заложен раскоп 8×12 м, в котором было выявлено семь строительных ярусов жилых и хозяйственных построек и собрана значительная коллекция различных предметов типичного городского обихода. Те-

перь уже не оставалось сомнений: найден город — летописное Берестье! Гипотеза перестала быть предположением, она стала доказанным фактом.

В 1969 г. исполнилось 950 лет первому летописному упоминанию Берестья. Активную помощь поискам древнего города оказывали городские власти, областной краеведческий музей, командование воинской части, располагавшейся на территории городища. Большой интерес к поискам проявила местная печать. Успешное выявление местоположения Берестья было хорошим подарком городу, его жителям.

Результаты исследований 1969 г., выявившие хорошую сохранность древних деревянных сооружений и значительное количество различных предметов домашнего быта, явились стимулом для продолжения работ.

В 1970 г. решено было заложить раскоп с поверхности бастиона. И здесь начались муки выбора. Раскоп можно было заложить в северной и южной части бастиона, правее и левее от въезда на него. Никаких внешних признаков, облегчавших выбор места раскопа, не было. Наиболее перспективное место нужно было выбирать путем рассуждений, предположений и даже интуиции. Решение предстояло ответственное, и, сознавая это, я долго выбирал, перебирая и сопоставляя различные варианты. Наконец, аргументы «за» и «против» высказаны и обсуждены, выбор сделан, место раскопа определено.

Культурный слой в месте разбивки раскопа превышал 7 м. Его верхние пласты, отложившиеся в позднее время и содержавшие менее значимые изделия, было решено снять бульдозером. Мощный бульдозер неуклюже ворочался на тесной площадке бастиона. Ко всему начались проливные дожди, и вырытый котлован быстро превратился в болото, в котором беспомощно застрял наш трудолюбивый механический помощник. Раскисшая земля скользила под гусеницами, а бульдозер медленно погружался в глубины веков. Вскоре над котлованом и болотцем торчала только верхушка кабины. Армейские спаренные гусеничные тягачи только рвали тросы, но вытащить бульдозер, занявший значи

тельную часть будущего раскопа, не могли. И здесь пригодилась армейская служба, вспомнилось, как вытаскивали из болота танки. Поперек гусениц бульдозера тросами привязали бревно и на работающем пусковом двигателе подняли бульдозер.

Котлован долго не просыхал. Воду и грязь выносили ведрами и носилками, вручную равняли поверхность и, наконец, разбили раскоп.

Так начинались археологические исследования, путь в неизведанный древний город, в котором нас ожидали неожиданные открытия и находки.

Раскопки древнерусских городов — сложный и трудоемкий вид археологических исследований. Культурный слой на этих памятниках часто достигает большой мощности (семи—девяти) метров. Он сильно насыщен находками. А если в слое сохраняются остатки построек и различных сооружений, это еще более осложняет работы, добавляет заботы по описанию сооружений, членению их на строительные ярусы, периоды, а также трудные и ответственные работы по их датированию. Поэтому археологические работы по исследованию древнерусских городов проводятся, как правило, крупным и хорошо укомплектованным специалистами отрядом. К сожалению, при исследовании Берестья было не так. Были большой мощности слой, высокая насыщенность находками и обилие построек. Не было не только крупного, но даже и постоянного маленького отряда. Мы понимали, что отрывать своих товарищей по работе в институте от их исследований мы не вправе и вопрос о создании расширенного берестейского отряда не поднимали, все работы вели маленьким отрядом. Особенно трудно приходилось, когда работали в две смены.

Помимо меня в нашем маленьком отряде постоянно работала научный сотрудник Татьяна Николаевна Коробушкина. На один месяц в сезон к нам из института приезжал кто-нибудь из художников, и мы старались использовать его и на расчистке строительных ярусов. Мне приходилось заниматься организационными вопросами, размещением отряда, разбивкой и организацией работ в раскопе, ведением документации, набором рабочих, учетом работ, фотографированием раскопа и отдельных объектов

и нем, а также чертежными работами во время отсутствии художника, а еще — дополнительно организовывать крепление построек, пригодных для экспонирования, крепление временных навесов над законсервированными постройками; откачкой воды, изготовлением трапов, носилок, удалением отработанного слоя и т. д.

Большую и ответственную работу выполняла Т. Н. Коробушкина. Она — опытный полевой работник, участвовала в раскопках многих городов на территории Белоруссии (Полоцк, Минск, Туров, Пинск) и хорошо знает различные материалы этой эпохи. В раскопках Берестья она обеспечивала сложную работу нашей лаборатории по учету и первичной обработке всех выявленных в раскопах материалов. Много времени мы с Татьяной Николаевной отдавали химической и механической обработке находок из черных и цветных металлов, чтобы передать их в музей в расчищенном виде. Часто приходилось привлекать Татьяну Николаевну и к работам в раскопе, совместно обсуждать наиболее сложные случаи исследования культурного слоя и интерпретации вскрытых сооружений, а иногда и полностью оставлять раскоп на ее попечение. Очень ценным было и то, что работа с находками все годы исследований Берестья находилась в одних руках. Это обеспечило однообразие обработки и облегчило изучение различных предметов материальной культуры. И в довершение ко всему — Татьяна Николаевна в трудных условиях обеспечивала быт нашего небольшого коллектива, что сберегало немало рабочего времени. Особо нужно отметить исключительную преданность Татьяны Николаевны исследованиям этого уникального памятника, ее самоотверженность в проведении многолетних работ в очень трудных условиях.

Добрые слова нужно сказать в адрес нашего художника Михаила Никитича Федосеева. В наиболее сложные и трудные первые годы раскопок он очень помог нам. Михаил Никитич связал свою судьбу с археологией еще в предвоенные годы. Он был добрым товарищем, готовым всегда прийти на помощь, оптимистичным и доброжелательным человеком, стойко переносил все неурядицы походной жиз-

ни. В Берестье он делил с нами все трудности и заботы, остро переживая неожиданные препятствия, возникавшие на нашем пути. К выполнению чертежей и зарисовок в раскопе Михаил Никитич относился очень ответственно и добросовестно.

В последние три сезона приезжал лаборант Леонид Владимирович Колединский, и это было большим облегчением для работ непосредственно в раскопе. Приехал он совершенно неискушенным в работах по исследованию городов, но быстро овладел методикой раскопок.

Затем три года после Михаила Никитича работал у нас художником Шамиль Иршатович Бектинеев.

СЛОВО ЛЕТОПИСЦУ

Письменные сообщения о Берестье отличаются краткостью и отрывочностью, отсутствием последовательного и систематического изложения событий. На их основании невозможно восстановить полную картину исторической жизни города. Причиной слабого отражения в летописях истории Берестья послужили его удаленное расположение от древних летописных центров, небольшие размеры и незначительный вес в общей системе древнерусских городов, сосредоточение основных политических событий в других районах Древней Руси. Поэтому многие события в жизни Берестья можно понять только в общем контексте всей древнерусской истории.

Первое летописное упоминание Берестья в 1019 г. связано с трагическим завершением длительной борьбы за киевский великокняжеский престол между сыновьями Владимира Святославича Святополком, князем Туровским, и Ярославом, князем Новгородским. Владимир Святославич после принятия христианства в 988 г. разделил единое Киев-

ское государство между сыновьями на отдельные княжества. Сыновья вскоре стали проявлять непокорность и добиваться независимости. Туровский князь Святополк вступил в заговор со своим тестем польским королем Болеславом Храбрым, стремясь добиться независимости от Киева. Заговор был раскрыт, заговорщики брошены в темницу, но Святополк был освобожден по просьбе киевских бояр. Тем не менее он не был отпущен в Туров, а помещен близ Киева в Белгороде под надзор отца. Ярослав Новгородский, стремясь к независимости, отказался выплачивать ежегодную дань Киеву в 2000 гривен серебром (около 400 кг). Возмущенный Владимир приказал готовить поход на Новгород, но во время подготовки заболел и умер 15 июля 1015 г. С помощью приближенных бояр киевский великокняжеский престол занял Святополк, старший из оставшихся в живых сыновей Владимира, находившийся в момент смерти отца ближе всех к Киеву. В ознаменование своего вокняжения он приказал отчеканить золотые монеты с надписью «Святополк на столе» (найдены в Пинске). Но младшие братья Борис и Глеб представлялись Святополку соперниками и вскоре погибли от рук подосланных убийц. Ярослав Новгородский использовал возмущение братоубийством и сам поднял руку на старшего брата Святополка. Началась длительная и кровопролитная борьба, продолжавшаяся с переменным успехом четыре года. В первой битве у Любеча в 1015 г. Святополк был разбит новгородцами и бежал в Польшу. Возвратился он с военной помощью Болеслава и в 1016 г. в битве на Буге нанес Ярославу сокрушительный удар. Ярослав бежал с поля сражения в Новгород, откуда пытался уйти в Швецию к своему тестю—шведскому королю Олафу. Но новгородцы воспрепятствовали этому, изрубив ладьи Ярослава, и обещали ему для дальнейшей борьбы новую дружину. Тем временем Святополк занял Киев, а польские отряды разослал «на прокорм» по городам, где они начали бесчинствовать и были избиты местным населением. Остатки отрядов Болеслав увел в Польшу, а Святополк опять оказался наедине с Ярославом и при приближении новгородской рати обратился за помощью к печенегам. В бит-

ве на р. Альте (у Переяславля) Святополк был разбит и с небольшими остатками дружины бежал в Польшу. Тяжелая борьба и поражение подорвали здоровье Святополка и привели его к нервному потрясению. «Святополк бежа. Бежащу ему, нападе на нь (него) бес, и расслабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть и (его) на носилех... принесоша и (его) к Берестью...» Так на страницах

Битва Святополка и Ярослава на р. Альте в 1019 (Миниатюра Радзивилловской летописи)

«Повести временных лет» появляется впервые упоминание Берестья. Очевидно, город принадлежал к Туровскому княжеству, князем которого был Святополк, стремившийся бежать по городам своей вотчины, надеясь на поддержку сторонников.

Так завершилась полная драматизма борьба за киевский великокняжеский престол между сыновьями Владимира Святославича. В Древнейшем киевском летописном своде, основанном и находившимся под контролем Ярослава, «льстивый придворный летописец» (по выражению Б. А. Рыбакова) постарался в благоприятном свете представить Ярослава и очернить его соперника и противника Святополка, обозвав его Окаянным. При этом летописец намеренно «забывает» упомянуть братоубийственную войну их отца Владимира Святославича со старши-

ми братьями Ярополком и Святославом, ожесточенную борьбу самого Ярослава против старшего брата Святополка. Братоубийственные войны за престол были неотъемлемой традицией феодального общества и постоянно происходили в соседних Польше, Чехии, Франции, Англии и других странах. С точки зрения феодальной морали они не представляли собой ничего необычного.

«Принесоша» Святополка к Берестью

На последних этапах борьбы Святополка и Ярослава за киевский престол Берестье, очевидно, было занято поляками. Летопись упоминает о походах Ярослава к Берестью в 1020 г., борьбе с поляками в 1031 и 1034 гг. Очевидно, эти походы были безуспешными, и город был освобожден только в 1043 г.

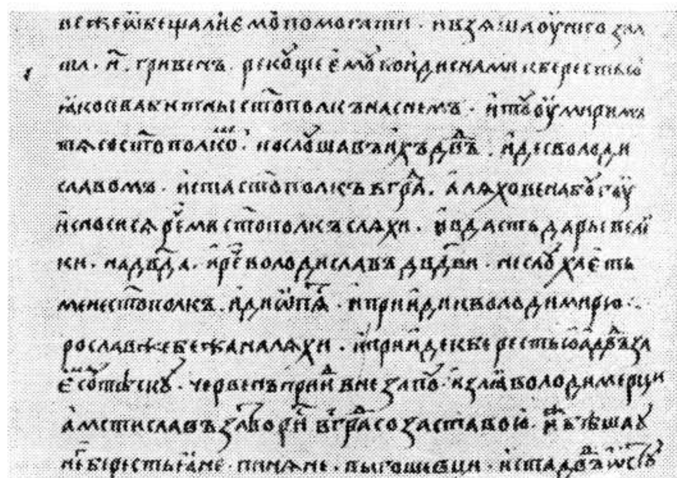
Упоминание Берестья содержится и в «Поучении детям» Владимира Мономаха и относится к событиям 1073 г. Во время очередных обострений отношений с Польшей Владимир был послан великим князем киевским Святославом Ярославичем и его братом, своим отцом Всеволодом, охранять Берестье, сожженное поляками во время набега. «И там соблюдал я город в тишине и покое»,— вспоминает Владимир Мономах. Заслуживает внимания то, что в этом сообщении Берестье впервые названо городом. А что такое город Древней Руси, Владимир

Мономах, опытный государственный деятель той эпохи, знал великолепно.

Берестье неоднократно упоминается в конце XI в. в связи с бурными событиями, описанными в летописях. Постоянная борьба с нашествиями кочевников на южные княжества Древней Руси требовала объединения всех сил древнерусских княжеств и прекращения межкняжеских раздоров. В 1097 г. на Любечском съезде князей решался вопрос о принципах престолонаследия и принадлежности владений потомкам Ярослава Владимировича (Мудрого). На съезде было утверждено решение «каждый да володеет отчиною своею», согласно которому «все земли об оне стороне Припяти» до Буга закреплялись за туровскими князьями из рода Изяслава Ярославича. Очевидно, что Берестье в это время входило в состав Туровского княжества.

Однако Любечский договор был тотчас нарушен. Владимирский князь Давыд Игоревич стал наговаривать киевскому великому князю Святополку Изяславичу (он же и туровский князь) на теребовльского князя Василько Ростиславича: «...увидишь, займет города твои Туров, и Пинск, и Берестье, и Пагорину, и тебя убьет, яко и брата ти убил Ярополка». Одолеваемый сомнениями и поверивший столь реально нарисованным угрозам, Святополк велел схватить Василько и ослепить. Когда же князья потребовали у Святополка ответа за эти действия, он сослался на свидетельство Давыда Игоревича. Возмущенные князья лишили Давыда владимирского престола, а от Святополка потребовали наказать его. Давыд, опасаясь расплаты, бежал к польскому королю Болеславу, прося защиты и обещая богатую мзду. Святополк потребовал у Болеслава выдать Давыда и в подкрепление требования отправился с дружиной к Берестью. Здесь и состоялась его встреча с Болеславом. («И ста Святополк в граде, а ляхове на Бузе, и сносися Святополк речью с ляхы...».) Очевидно, что в это время Берестье принадлежало Святополку, князю киевскому и туровскому. Берестье и в этом эпизоде названо городом. А в древнерусское время городом называлось только поселение, защищенное (огражденное) оборонительными сооружениями.

В 1101 г. Берестье вновь упоминается в летописи. Сюда бежит Ярослав Ярополчич, племянник Святополка, сын его старшего брата Ярополка, погибшего в 1087 г., и «затворился у Берестии». Ярослав Ярополчич, оставшийся без надела после гибели отца, стремился обеспечить себя «вотчиной». Святополк не потерпел такого самовольства и сам возглавил поход на Ярослава, взял Берестье, а не-

«И ста Святополк во граде...» (Текст Радзивилловской летописи)

покорного племянника «ем и окова». В Киеве он посадил Ярослава в «поруб», откуда он был выпущен только по просьбе игуменов и бояр. Этот эпизод показывает, что Берестье представляло в это время значительную ценность даже для киевского и туровского князя, обладавшего большими владениями. Ярослав Ярополчич, выпущенный на волю, не отказался от своего намерения и вновь бежал в Побужье, однако был взят на р. Нур сыном Святополка Ярославом, заточен в Киеве в темницу, где и погиб в том же 1102 г.

Попытка Ярослава Ярополчича захватить удел в Берестье и Побужье говорит о том, что в городе и окрестностях уже сложились социальные и эконо-

мические условия для выделения в самостоятельное княжество. Очевидно, у Ярослава Ярополчича были личные контакты с представителями местной феодальной верхушки, которая стремилась к самостоятельности. Однако этим желаниям не суждено было осуществиться. Этого не допустил сильный туровский и киевский князь Святополк. После смерти Святополка в 1113 г. Берестье вместе с туровским кня-

Пленение Ярослава Ярополчича (Миниатюра Радзивилловской летописи)

жеством оказалось в подчинении великого киевского князя Владимира Мономаха.

Берестье упоминается также в 1140 и 1142 гг. На киевском престоле в эти годы находился Всеволод Ольгович, затем — Давыд Игоревич из числа могучих черниговских князей Святославичей. Чтобы удовлетворить претензии своих родственников и союзников, они раздают им владения — города Туровского княжества — Клецк, Слуцк, Рогачев, Берестье. В состав Туровского княжества Берестье было возвращено в 1146 г. туровским князем Вячеславом Владимировичем, сыном Владимира Мономаха.

Прекращение на туровском престоле династии Изяславичей после смерти Святополка Изяславича в 1113 г., переход Турова в распоряжение киевских

князей и частая смена князей на киевском и туровском престолах в середине XII в. ослабили Туровское княжество и ускорили его распад. Берестье во второй половине XII в. перешло к владимиро-волынским князьям. В 1153 г. Берестье упоминается как владение князя Владимира Андреевича. В 1173 г. Берестье переходит к Владимиру Мстиславичу. Эти краткосрочные владения говорят о готовности Берестья к выделению в самостоятельное княжество. Однако в соседстве с могучим Галицко-Волынским княжеством это было нереальным. В конце XII в. оно оказывается в его составе во владении Романа Мстиславича.

Начало XIII в. отмечено для Берестья довольно бурными событиями. После гибели в 1204 г. в Польше галицко-волынского князя Романа Мстиславича, в состав владений которого входило и Берестье, берестяне вновь предпринимают попытку выделиться в самостоятельное княжество и просят у польского короля Лешко, взявшего на себя заботу о вдове Романа Мстиславича и его сыновьях, отпустить к ним на княжение Даниила и Василько и их мать «княгиню Романову». Старший сын Даниил был отправлен в Венгрию к королю Андрею. Просьба была удовлетворена и на княжение был отпущен Василько с матерью. В дальнейшем владимиро-волынским князем становится старший брат Даниил (1209 г.), который окончательно передает Берестье Васильку в 1212 г. В начале XIII в. более частыми становятся пограничные конфликты с польскими и ятвяжскими племенами. Во время одного из них в 1227 г. охранять Берестье было поручено пинскому князю Владимиру с отрядом «пинян».

Особую страницу в истории Берестья занимают события во время монголо-татарского нашествия. Отряды Батыя опустошили северо-восточную Русь, штурмом взяли Рязань, Владимир, Москву, Торопец, Козельск, совершили неудачную попытку пройти к Новгороду и обрушились на Подесенье и Поднепровье. Пали города Черниговского княжества, 5 декабря 1240 г. войска Батыя взяли Киев и обрушились на Волынь, разрушив города, опустошив сельскую местность, перебив и угнав в неволю их население. Основной поток монголо-татарских войск

прошел южнее Берестья, но к нему, очевидно, проникли отдельные отряды под руководством хана Орду. Даниил Галицкий укрылся в Венгрии, а Василько Владимирский ушел в Польшу. Весной 1241 г. они возвращались и когда приблизились к Берестью, «не возмогоста в поле ити смрада ради множьства избъеных». Неясна приведенная запись летописца, допускающая двоякое толкование,— невозможно идти в поле из города или приближаться к городу со стороны поля. Во всяком случае очевидно, что в полях вблизи города произошло ожесточенное сражение, в котором погибло много людей. О разрушении города записи нет. Во время раскопок также не выявлено следов массового пожара и гибели города в слоях середины XIII в. Очевидно, наиболее вероятно предположение о том, что город не был взят и разрушен, а в его окрестностях произошла битва.

Больше сведений о Берестье во второй половине XIII в. в Ипатьевской летописи, которая велась на Волыни. В 1260 г. Берестье упоминается как город, до которого Даниил Романович Галицкий провожал брата Василько Романовича Владимирского, идущего вместо него в поход на Литву в составе войск татарского хана Бурундая против своей воли. Князь Василько Романович умер в 1271 г., и на владимирском престоле уже в 1272 г. княжил его сын Владимир Василькович, который значительное внимание уделял укреплению и развитию Берестья. Летописец в похвальном посмертном слове умершему в 1289 г. Владимиру Васильковичу говорит, что «Князь Володимер ... по отци своем зруби Берестии... В Берестии же сзда столп камен высотою яко и Каменецкый (около 31 м), постави и церковь святого Петра, и евангелие да (л) опракос (служебное.— *П. Л.*) оковано серебром, и служебные с(о)суды окованы серебром, и кадилница серебрено, и крест вздвигальный туто положи...» «Зруби Берестии»— очевидно, речь идет о возведении городских деревянных оборонительных сооружений. Берестье становится видным городом Владимирской земли и крупным центром, в котором происходят различные политические события. В 1227 г. мимо Берестья идут князья владимирские и галицкие Мстислав, Влади-

мир и сын Льва Даниловича Юрий, которые по воле татар принимают участие в походе на Литву.

В 1279 г. на обширной территории — «и в Руси, и в Ляхах, и в Литве, и в Ятвязех»— был большой неурожай. В Берестье к Владимиру Васильковичу прибыли послы от ятвягов с просьбой продать «жито»: «...не помори нас, но перекорми ны собе, пошли, господине, к нам жито свое продаять, а мы ради

Сооружение древнего города (Миниатюра Радзивилловской летописи)

купим чего восхощешь...» Ответом на просьбу был караван людей с хлебом. Это сообщение говорит о Берестье как о крупном торговом городе.

В 1281 г. Берестье упоминается как сборный пункт владимирских и галицких отрядов, отправляемых Владимиром Васильковичем в Польшу в помощь Кондрату в его борьбе с братом Болеславом. Сюда и возвращаются отряды из победоносного похода, где их ожидает Владимир Василькович, отсюда он вскоре возвращается во Владимир. В 1282 г. здесь вновь собираются галицкие, владимирские и литовские отряды для похода на непокорного Болеслава. В этом же году «Ляхове воеваша у Берестья по Кросне (река. — *П. Л.*) и взяша сел десять и поидоша назад. Берестяне же собрашася и гнаша по них, бяшеть бо ляхов двесте, а Бере-

стяи семдесят, бяшеть бо у них воевода Тит... и тако угонивше е и бишася с ними. Божиею милостью победиша Берестьяне Ляхи и убиша их восемьдесят, а другия поимаша, и тако придоша во Берестии со честью». В 1287 г., как сообщается в летописи, в Берестье остается Владимир Василькович, который по нездоровью не смог принять участия вместе с

Набег и угон полона (Миниатюра Радзивилловской летописи)

другими галицкими и волынскими князьями в походе хана Телебуги на Польшу.

Бурные события в истории Берестья связаны с последними годами жизни владимирского князя Владимира Васильковича. Будучи неизлечимо болен, он умирал бездетным и завещал свое княжение своему брату Мстиславу Васильковичу, луцкому князю. Однако феодальные верхи Берестья стремились основать самостоятельное княжение и добиться независимости от Владимира, где они играли, несомненно, второстепенную роль. В этом их интересы совпадали с желанием галицких князей Льва Даниловича (двоюродный брат Владимира Васильковича) и его сына Юрия Львовича, домогавшихся у Владимира Васильковича передачи Берестья с прилегающими землями Юрию Львовичу. Летописец так излагает развитие событий: «Берестяне бо учинили бяхуть крамолу. И еще Володимеру князю болну

сущю, они же ехавши к Юрьеви князю, целоваша крест на том, рекуче: како не достанет стрыя (дяди.— *П. Л.*) твоего, ино мы твои, и город твои, а ты наш князь. Володимеру же представлеюся, и Юрьи услыша весть о шурьи своем, и вьеха в Берестии, и нача княжити в нем по совету безумных своих бояр молодых и коромолников берестьян». Кроме Берестья Юрий Львович занял Каменец и Бельск. Мстислав Василькович попытался вернуть себе захваченные города путем переговоров, но Юрий Львович отказался выполнить его требования. Лишь угрозы Мстислава Васильковича привлечь для освобождения захваченных городов татар заставили Юрия Львовича оставить их. «И бысть назавтрее поеха Юрьи вон из города с великим соромом, пограбив все домы стрыя своего (умершего Владимира Васильковича.— *П. Л.*), и не остася камень на камени в Берестьи, и в Каменци, и в Бельскии». Вместе с ним бежали заговорщики. А. Мстислав въехал в город и наказал берестьян за измену установлением новых налогов. «Се яз князь Мстислав сын королев внук Романов уставляю ловчее на Берестьяны и в векы за их коромолу: со ста по две лукне (лукна — 10 пудов) меду, а по две овце, а по пятидцать десятков льну, а по сту хлеба, а по пяти цебров (цебр — 10 пудов) овса, а по пяти цебров ржи, а по 20 кур, а по (с)толку со всякого ста, а по горожанах 4 гривны кун».

Напряженная борьба за Берестье свидетельствует, с одной стороны, о его готовности к выделению в самостоятельное княжество, а с другой — о важном месте в Волынском княжестве, никто из владетелей которого не хотел с ним расставаться.

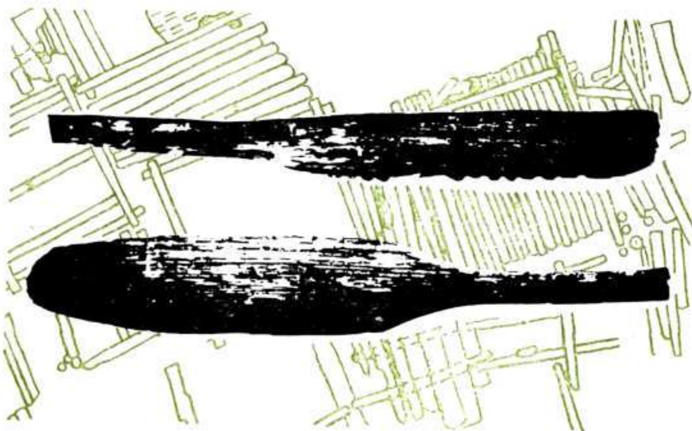
Политические и исторические события, происходившие в Берестье в конце XIII — начале XIV в., не отражены в русских летописях. Очевидно, в первой четверти XIV в. Берестье вместе со всей Волынью вошло в состав Великого княжества Литовского на положении «господарского», т. е. государственного, владения.

Берестье не относилось к числу крупных городов Древней Руси. Тем не менее оно было типичным для своего времени городским поселением, административным, торгово-ремесленным, оборонительным,

культурным и религиозным центром прилегающих территорий, центром славянских поселений значительного региона. Его расположение на пограничье, важных стратегических рубежах и оживленных водных путях приводило к тому, что город часто оказывался в зоне постоянных экономических и военных контактов с соседними народами. По уровню социально-экономического развития и роли для окружающих территорий он давно уже был в состоянии стать столицей самостоятельного княжества, и древнерусские летописи неоднократно сообщали о попытках местного населения к такому выделению (1101, 1102, 1146, 1204, 1289 гг.). И лишь существование сильных соседних Туровского и Владимиро-Волынского княжеств, не заинтересованных в выделении из их состава Берестья, не позволили ему получить самостоятельность.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ «БЕРЕСТЬЕ»

В большинстве своем древнерусские города получали имя по названию притока крупной реки, у которого они располагались (Полоцк — от р. Полоты, Витебск — от р. Витьбы, Пинск — от р. Пины, Бобруйск — от р. Бобруйки, Волковыск — от р. Волковыи, Чечерск — от р. Чечеры, Гомель — от р. Гомеюка, Псков — от р. Псковы, Царицын — от р. Царицы и т. д.). Часто город назывался по имени его основателя или в честь первого владетеля (Изяславль, Борисов, Владимир, Ярославль).

Относительно происхождения названия Берестья есть несколько предположений. В середине прошлого века путешественник и этнограф П. М. Шпилевский записал легенду, согласно которой купец, пробираясь с обозом по болоту в топких местах, выстлал березовой корой дорогу, а возвращаясь, поставил небольшую часовню, у которой и вырос город, получивший название от березовой коры — Берестье. Эта легенда носит этимологический характер и объясняет название города по смысловому значению слова береста—Берестье.

Высказывалось предположение и о том, что город получил название от славянского личного имени Берест аналогично названию села Берестово под Киевом. Трудно отдать предпочтение какому-либо предположению. Несомненно одно — город получил свое имя от слова восточнославянского происхождения и неизменно сохранял его в летописных сообщениях (Берестий, Берестье), на древнейших чертежах и картах, в судебных и таможенных книгах, в официальных документах и частной переписке. И сейчас еще старшее поколение окрестного населения называет город — Бересть. «Куда поехал?— В Бересть». Это название слышали мы в Каменце — 43 км к северу, в Малорите — 40 км к югу, в Пружанах — 130 км к северо-востоку от Бреста.

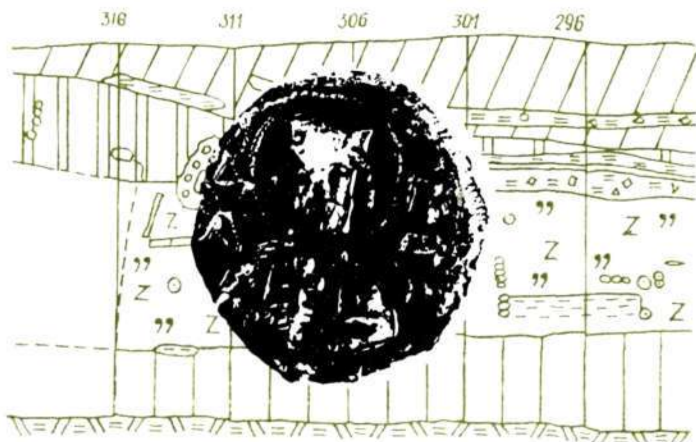
Новую форму своего имени город постепенно приобрел после перехода Берестейского повета из состава Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой по Люблинской унии 1569 г. В новом государстве документация велась уже не на русском (белорусском) языке, а на польском, в котором нет полногласия ОРО—ЕРЕ, а есть сокращенные формы — РО-РЕ (к-ОРО-ль — к-РУ-ль, к-ОРО-ва — к-РО-ва и т. д.). Старые исконные восточнославянские названия на этой территории в Побужье понемногу получили новые формы написания и произношения. Так, Б-ЕРЕ-зовка стала называться Б-ЖЕ-зувкой, а Б-ЕРЕ-стье вначале называлось Б-ЖЕ-сте, а затем — в краткой форме — Б-ЖЕ-сть. При возвращении этой территории Побужья по третьему разделу Речи Посполитой в 1795 г. в состав Российской империи польское написание Бжесть было механически переведено на русский язык — Брест. Так Берестье утратило свое первоначальное имя и продолжает жить под именем Брест.

Накануне первой мировой войны в Правительствующем сенате Российской империи рассматривалось ходатайство о возвращении городу русского названия. Однако в пору лихолетий было не до этого, и город так и не восстановил своего изначального исторического названия.

3. Зак. 890

ТРОПОЙ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

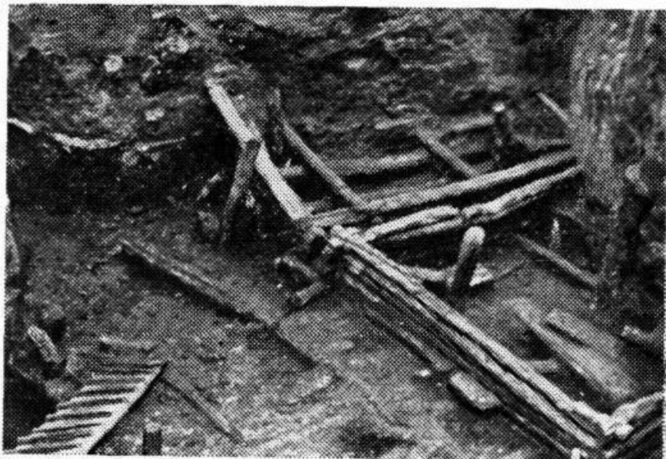

Раскопки 1969 г. подтвердили существование Берестья на мысе у впадения в Западный Буг левого рукава р. Мухавец и его основание в начале XI в. Было ли это неожиданным? Скорее, этот результат был закономерным, а выявленные в исследованиях материалы обычными и характерными для древнерусских городов — орудия труда, женские украшения, предметы повседневного быта. Из наиболее интересных предметов можно назвать только биллоновый колт — полое височное женское украшение, ценное и редкое в археологических раскопках.

Но вот полевой сезон 1970 г. принес большие неожиданности. И самой крупной из них была жилая постройка на 12 венцов, с полностью сохранившимся дверным проемом, остатками пола и печи, деталями кровли у ее стен.

В древнерусской археологии выявление жилой постройки, сохранившейся на 12 венцов,— случай уникальный. Правда, еще в довоенные годы в Нов-

городе Великом была найдена постройка в 14 венцов. Но это был погреб без окон и дверей, вкопанный в землю. Такие же погреба были выявлены в послевоенное время в раскопках Мстиславля и Торопца. Но постройки на 12 венцов с дверным проемом еще не встречалось. Обычно в раскопках древнерусских городов встречаются остатки построек, сохранившихся на два—три нижних венца, занесен-

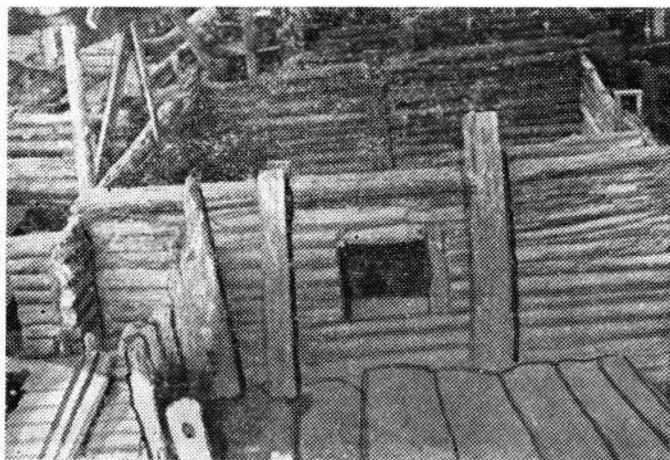

Раскоп 1969 г. Постройки XII в.

ных культурным слоем еще во время существования постройки, так как санитарной очистки и удаления мусора не производилось. При новом строительстве старая постройка разрушалась, венцы никто не откапывал и не извлекал из слоя. Они так и оставались погребенными, а иногда использовались в качестве фундамента для новой постройки. Количество оставшихся в слое венцов сруба зависело от нескольких обстоятельств — длительности существования постройки, интенсивности жизни, скорости нарастания слоя вокруг постройки, размеров площади, на которой распространялся слой, его влажности, сохранности, отложившихся в нем предметов органического происхождения.

В южных районах, в условиях сухой степи и ле-

состепи на высоких местах в обезвоженном слое при легком проникновении атмосферного кислорода (тление-окисление) остатки деревянных конструкций истлевают быстро. В лесной же полосе, в низкой и влажной заболоченной местности хорошо сохраняются остатки предметов органического происхождения, в том числе и деревянных строений, но, как правило, лишь на два—три нижних венца. По-

Постройка 6

стройки, сохранившиеся даже на четыре—пять венцов, крайне редки.

В Новгороде Великом, наиболее исследованном древнерусском городе, за более чем пятидесятилетнюю практику раскопок вскрыто свыше 2200 построек, сохранившихся в основном на один нижний венец. Правда, бывают и исключительные условия, способствующие обеспечению большей сохранности остатков сооружений. В древнем Киеве на Подоле, низменном районе у подножья правого берега Днепра, в 1972 г. при строительстве метро на значительной глубине были выявлены деревянные постройки, перекрытые мощными наносами речных отложений песка во время высоких половодий. Отдельные

постройки, занесенные песком, сохранились на восемь венцов.

Таково общее положение с сохранностью остатков деревянных сооружений, выявленных в ахреологических исследованиях. Тем более удивительной на фоне общей картины выглядела постройка 6 из Берестья, сохранившаяся на 12 венцов. Ее сохранность казалась невероятной: дверной проем с полнейшим совпадением элементов во всех деталях, последовательные насечки на бревнах от одной до 12, применявшиеся для пометок бревен в одном срубе при его разборке и переносе на новое место. Значение такой находки для изучения древнерусского массового деревянного зодчества очень велико. Ведь древнерусские города в подавляющем большинстве были застроены деревянными постройками. Исключение составляли церкви и соборы в крупнейших городах да немногочисленные, очень редкие каменные княжеские терема в Киеве, Полоцке, Гродно. Однако по деревянному массовому зодчеству древнерусского периода в науке много невыясненных вопросов. Оставались неясными общая высота построек, количество венцов в них, устройство и оборудование дверных проемов, элементы сооружения кровли, порядок настилки полов, оконные проемы и сооружение печей. Накопленные материалы свидетельствовали не столько об изученности древнерусского жилища, сколько о неразработанности вопроса в целом, как отмечал известный советский археолог П. А. Раппопорт, специально занимавшийся обобщением материалов о древнерусском жилище.

Выявление постройки, сохранившейся на 12 венцов, не только способствовало решению неизвестных вопросов, но и создавало новые проблемы. Прежде всего — как поступить с этой уникальной находкой? Ведь по существовавшей археологической методике, изучив пласты и сооружения какого-либо периода, следует разобрать и вынести все его конструкции, чтобы обеспечить доступ и произвести изучение более ранних пластов.

И вот здесь-то в полной мере проявилось то главное, что определяет археологическое исследование,— не движение по накатанной и отработанной

дорожке, а постоянный поиск новых путей и решений.

В практике раньше не встречались подобные задачи и методики их решения не существовало. Разрушать, разбирать постройку 6 для изучения более глубоких и ранних пластов было просто немыслимо, учитывая ее уникальный характер. Обдумывая возможные решения, мы просто «тянули время», тщательно расчищая и отмывая ее от культурного слоя. Одно было ясно, что без помощи нам не справиться с объемом задач, которые предстояло бы решить при попытках ее сохранения. Нужно было найти и привлечь к работе организацию, которая взяла бы на себя работы по консервации и пропитке постройки составами, обеспечивающими ее сохранность, добиться строительства временных навесов, получить фондируемые материалы и средства для этих работ и, наконец, определить перспективу проведения этих работ.

Решать эти вопросы нужно было энергично и оперативно на государственном уровне с привлечением ответственных органов.

В один из августовских дней, когда мы терзались от незнания, что предпринять, на раскоп к нам пришла заведующая областным управлением культуры Валентина Архиповна Сувалова. Увидев вскрытые сооружения и найденные материалы, она попросила все это подготовить для показа сотрудникам Брестского обкома партии. На следующий день у раскопа неожиданно появился приветливый, общительный человек. Он был удивлен тем, что увидел, задавал много вопросов, и, прощаясь с ним, мы узнали, что это был секретарь Брестского обкома партии Сергей Михайлович Шабашов. Разговор окончился вопросом: «Что мы думаем делать дальше с выявленными находками и сооружениями?» Я откровенно рассказал о нашем нежелании разбирать уникальную постройку. Он охотно поддержал нас в этом и обещал содействие обкома.

Назавтра он пришел на раскоп вместе с секретарем ЦК КПБ Федором Анисимовичем Сургановым, и здесь была определена цель и перспектива работ по музеефикации раскопа и созданию на базе выявленных материалов, имеющих большое на-

учное, познавательное, воспитательное и культурное значение, специального археологического музея. С. М. Шабашов энергично принялся за дело, быстро установил контакты с ректором Белорусского технологического института им. С. М. Кирова профессором Виктором Евграфовичем Вихровым, известным среди археологов работами по консервации древесины, и директором нашего института — Института истории АН БССР — Илларионом Мефодиевичем Игнатенко. И. М. Игнатенко ознакомился с материалами и предложил подключить к делу ведущих археологов для выяснения их рекомендаций по целесообразности создания музея.

Директор Института археологии АН СССР академик Борис Александрович Рыбаков с интересом выслушал сообщение, просмотрел чертежи и фотографии и решительно высказался за создание такого музея, обещая поддержку при обсуждении и решении этого вопроса. Поддержал нашу идею и известный археолог доктор исторических наук Валентин Васильевич Седов.

Вскоре В. Е. Вихров приехал в Брест, ознакомился с объектом и условиями работ, быстро создал группу, в которую вошли научные сотрудники Юрий Викторович Вихров, Владимир Александрович Борисов и Светлана Юрьевна Казановская, разработал план работ и организовал его выполнение. Я в это время занимался вопросами временного сохранения построек, строительства навеса, необходимого для проведения консервации и сохранения законсервированных построек. В то же время наш институт подготовил научное обоснование, по которому Совет Министров БССР принял решение о расширении исследований Берестья и проведении работ по консервации вскрытых сооружений.

Работы развернулись глубокой осенью, проходили в трудных условиях. Была разработана технология пропитки древесины водным раствором феноловых спиртов, на брестских предприятиях заказано, изготовлено и смонтировано оборудование и проведена пропитка древесины с последующим прогревом.

Так завершились необычные открытия 1970 г. А уже зимой 1971 г. с архитекторами «Белгоспро-

екта» В. Крамаренко, М. К. Виноградовым и В. И. Щербиной мы разрабатывали эскизный проект постоянного павильона «Берестье». И дважды он отвергался Министерством культуры под предлогом сметной дороговизны.

Целью исследований 1971 г. было расширение экспозиционной площади раскопа под будущий музей. Сразу возникли новые трудности. Нужно было сочетать расширение раскопа с сохранением построенного навеса и созданием возможности строительства очередного навеса. Пришлось вначале готовить проемы под дополнительные опоры, а после этого разбирать останцы, временно сохранившиеся под продольными брусьями стен. Площадь была вскрыта большая — свыше 350 кв. м. И на ней вновь были выявлены постройки великолепной сохранности — постройка 7 на девять венцов, постройка 8 на девять венцов (из трех построек), постройка 16 на девять венцов (из трех построек). Была вскрыта западная часть улицы, названной впоследствии «Центральной». Это тоже была удача, потому что создалась возможность проследить планировку вскрытой части города. К тому же определилась необычайно высокая плотность застройки вскрытого участка и отсутствие дворовых комплексов. Это также вызывало интерес, так как не было характерно для древнерусских городов и требовало убедительного объяснения или хотя бы достаточно обоснованного предположения.

Одновременно обострился вопрос, правильно ли мы поступили, остановившись на строительном горизонте второй половины XIII в.? Ведь известны случаи, когда лучшую сохранность имели сооружения в наиболее древних, глубоких и влажных пластах. Быть может, мы совершаем ошибку? И опять же... а что если построек лучшей сохранности не выявим, а эти, уже вскрытые, великолепной сохранности, уничтожим? Впоследствии мы оценили свою осторожность и предусмотрительность. Позднее, в раскопках 1974—1977 гг., пройдя всю мощность культурного слоя вплоть до материка *, выявив еще

* Материк — необжитый слой земли, не содержащий находок, расположенный под культурным слоем.

восемь—девять строительных ярусов, мы не нашли сооружений лучшей, чем в слое XIII в., сохранности.

А 1971 год порадовал нас и другими находками. Летом была найдена самая значительная находка из раскопок Берестья — гребень с алфавитом. Работы были в самом разгаре, вскрывали новые участки, расчищали новые постройки, с интересом встречали находки из железа, цветных металлов, кожи, дерева. Постройку 8 расчищал Витя Петручик, спо-

Центральная улица

койный и старательный мальчик, ученик местной школы. Он работал у нас уже второй год, был всегда исполнительным и добросовестным, и мы знали, что ему всегда можно поручить более ответственную и тонкую работу.

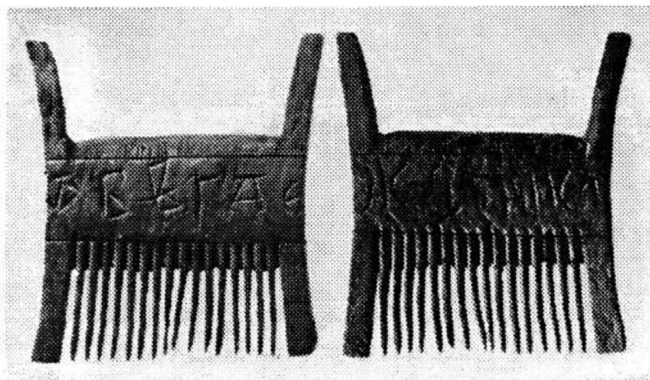
Особые находки всегда вызывали большой интерес у археологов и наших помощников—ребят. Мы их внимательно осматривали на месте выявления, изучали само это место и сопутствующие материалы, объясняли их происхождение и научное значение и... давали премию за выявление. Это, конечно, стимулировало их старание при переборке культурного слоя.

Навстречу мне быстро идет Витя Петручик, в руках у него только что вынутый из слоя грязный и запачканный самшитовый гребень с обломанными с одной стороны зубьями. Он подает его мне. Самшитовые гребни встречались у нас уже неоднократно, были довольно обычной находкой. Я бегло осмотрел гребень, не придал находке особого значения и велел сдать Татьяне Николаевне.

В конце работы, когда подводили итоги дня и ребята тесной группкой собрались вокруг меня, Витя вдруг сказал, что на гребешке «какие-то буквы». Буквы? Это меня насторожило. Предметы с надписью — большая редкость в раскопках. Каждый из них — источник каких-то сведений и убедительное свидетельство развития письменности в Древней Руси, которую раньше считали страной сплошной неграмотности. Решительный сдвиг в представлении о культурном уровне Древней Руси произвели найденные в археологических исследованиях Новгорода берестяные грамоты. Но тем не менее предметы с надписью до сих пор остаются величайшей редкостью в раскопках каждого археолога. Поэтому заявление Вити вызвало особый интерес.

И вот он у меня в руках, этот гребень с обломанными зубьями, но уже чистый, отмытый и аккуратно упакованный в оберточную бумагу. И уже видно, что зубья не обломаны, а аккуратно обрезаны. А на плоских его сторонах — крупные отчетливые буквы, вырезанные с обеих сторон. Мне уже приходилось иметь дело с древнерусскими надписями. В раскопках Пинска в 1964 г. встретилось ши-

ферное пряслице с отчетливой надписью «Настасино праслено». Расшифровывая ее, мне пришлось обратиться к древнерусской палеографии, изучить основы и таблицы написания букв на различных изделиях, ознакомиться с характерными особенностями их начертаний для различных хронологических периодов. Поэтому глубокую, отчетливую и выразительную надпись на гребне я читаю легко и без-

Гребешок с алфавитом

ошибочно. Читаю и не верю своим глазам: Аз, Буки, Веди, Глаголь, Добро, Есть. Ведь это даже не надпись. Буквы не складываются в слово, это не надпись, это Азбука! Явление еще более редкое, чем предметы с надписью! Даже в крупнейшей коллекции берестяных грамот Новгорода Великого азбука встречена в единичном экземпляре — это так называемая азбука мальчика Онфима. И еще — полный состав древнерусского алфавита на специальной дощечке. И еще один неполный состав азбуки на шиферном пряслице из Любеча. Вот все, чем располагала древнерусская палеография из области своеобразных букварей, древнейших учебников для самых маленьких, овладевавших первыми основами грамотности в Древней Руси.

Я долго молчал, не смея поверить, что́ держу в руках, еще и еще раз читал надпись сначала про себя, потом вслух ребятам и на обороте гребня

прочел продолжение — Живете, Зело, Земля, Иже, I, Како, Люди.

Первые 13 букв древнерусского алфавита — кириллицы — ведь это самый первый, самый древний и единственный букварь на территории Белоруссии! Постройка 8, которую расчищал Витя, относилась ко второй половине XIII в. Но начертания букв показывали, что вырезаны они значительно раньше, по крайней мере в конце XII—начале XIII в. В этом не было ничего удивительного. Гребень наверняка попал в землю не в день вырезания надписи. По-видимому, он служил «букварем» не для одного поколения маленьких берестян. Я рассказал все это ребятам. Да, это было большое, незабываемое для всех участников раскопок Берестья открытие! Мы долго находились под его впечатлением. Витя, конечно же, получил самую большую нашу премию. Найденный гребень с алфавитом как свидетельство письменности и культуры Берестья и Древней Руси действительно не имеет цены — для науки это поистине бесценная и уникальная вещь.

1972 год оказался необычайно сложным в исследованиях Берестья. Сотрудники технологического института отказались проводить дальше консервацию вскрываемых построек. Да их можно было и понять. Они разработали метод и технологию консервации, но вовсе не обязаны были обеспечивать всю работу. Это задача не научных лабораторий, тем более учебных заведений. Но беда была в том, что таких специальных организаций не существовало, как и нигде не были предусмотрены специальные средства на работы по консервации. Конечно, работу можно было бы поручить реставрационным мастерским. Но где взять средства в середине финансового года? Обещанные в Минске средства так и остались обещанием.

Раскопки пришлось приостановить — ведь нельзя вскрывать постройки, не будучи уверенным, что консервация их будет обеспечена. Начались долгие и многотрудные хождения по высоким кабинетам в поисках необходимых средств. А раскопки стоят, время уходит — короткое археологическое лето, когда можно было бы организовать тщательную переборку земли, собрав наших верных помощ-

ников — мальчишек, свободных от школьных занятий.

Часто возвращался я, обессиленный безрезультатными хождениями, угнетенный сознанием безвозвратности потерянного времени, невозможности продолжать работы. Не все были в высоких кабинетах бюрократами, многие сочувствовали, поддерживали и помогали в силу своих возможностей. Но главный вопрос, финансовый, решить не брался никто. Выслушивали, отказывали, снова приглашали, даже грозили контрольно-ревизионным управлением (как мне позже говорили, КРУ действительно несколько лет контролировало нашу отчетность).

После долгих хождений вопрос о финансировании работ по консервации был решен положительно. Если бы еще возвратили потерянное время. Да, нелегок хлеб археологический!

Мы продолжили работы, вскрыли восточную часть центральной уличной мостовой и примыкавшие к ней с севера постройки. У постройки 23 расчистили целые пласты кожаных обрезков от раскроя кож, сапожные колодки, шило. Не иначе — мастерская или дом сапожника. В постройке 33 — великолепная огромная печь с подом из крупноразмерного кирпича. Дом пирожника, калачника? Интересная находка в западной части раскопа — наконечник крупной стальной рогатины. С такой ходят и на врага, и на медведя. И перекрестье меча, коса. Где-то поблизости жил конный воин-дружинник?

Во время перерыва в работе на основном раскопе мы предприняли поиски оборонительных сооружений древнего города. Ведь должны же они быть, если летописец неоднократно называет Берестье городом, если сообщается о возведении оборонительных сооружений. Может быть, не все они разрушены при возведении бастиона, и где-то сохранились их следы? Мы заложили четыре шурфа у восточного подножья бастиона. В двух из них наткнулись на остатки довоенной кирпичной постройки. В первом обнаружили останки воина времен Великой Отечественной войны. Мы сообщили об этом сотрудникам музея обороны Брестской крепости, и он был захоронен в общей братской могиле.

В четвертом шурфе мы выявили участок непо-

врежденного культурного слоя, в нижних пластах которого открылись остатки частокола, слегка наклоненного в сторону оборонительного рва. Когда шурф был расширен, обнаружились остатки глиняной облицовки внешнего склона вала, а внизу — два параллельных тонких бревна, возможно, служивших креплением насыпи вала. Керамика нижних пластов слоя датировалась концом X—началом XI в. Очевидно, этим временем датируется и все сооружение, которое, скорее всего, явилось участком напольных оборонительных сооружений города. Необходимость продолжить работы на основном раскопе вынудила нас прекратить исследования на этом интересном участке.

Одновременно с поисками оборонительных сооружений у подножья бастиона производились поиски остатков каменной оборонительной башни «наподобие Каменецкой», сооруженной, как уже отмечалось, Владимиром Васильковичем в последней четверти XIII в. По некоторым данным, башня была разобрана во время строительства Брестской крепости. По сведениям середины XIX в., оставленным путешественником П. Шпилевским, она располагалась «там, где сейчас гауптвахта». Где была гауптвахта в середине XIX в., выяснить не удалось.

Наше внимание привлекла глубокая воронка в северо-восточном углу бастиона. Освобождавшие Брест ветераны рассказали, что на этом месте в 1944 г. взорвался немецкий склад боеприпасов при попытке его разминирования. И мы предположили, что в качестве склада немцы могли использовать мощное каменное здание старой крепости, которое, опять-таки по нашим предположениям, было построено на фундаменте древней оборонительной башни. При взрыве склада могли уцелеть хоть небольшие участки его фундамента, что и должно было помочь при решении вопроса о положении и основании башни. И мы заложили четыре шурфа на четырех склонах воронки. В одном из них (западном) были обнаружены тесаные камни какого-то основания. При расчистке они оказались очень похожими на фундамент цитадели Брестской крепости. Но опирались они на более ранние камни. Может быть, эти камни и есть остатки древней башни? К сожа-

лению, расширить исследования на этом участке у нас не было возможности — нужно было готовить к консервации и вскрывать постройки на основном раскопе.

Сезон 1973 г. вновь поставил нас перед выбором — в каком направлении развертывать дальнейшие исследования при подготовке экспозиционной площади музея? В северном легче вести рабо-

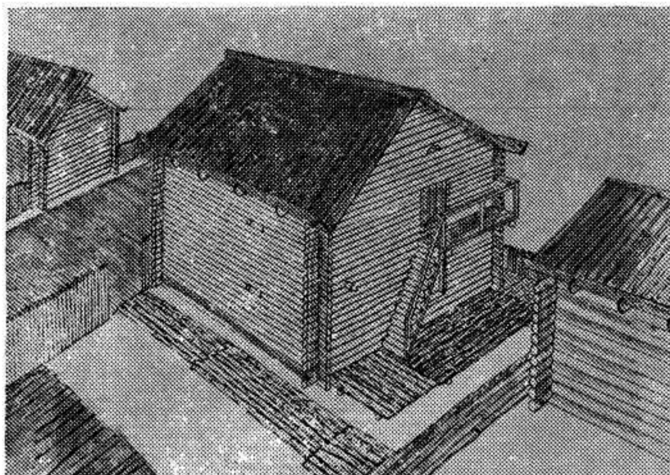

Южная улица

ты. В южном — сложнее, здесь на культурный слой наплывает насыпь внутривальной площадки бастиона, которую нужно будет убирать. Усложнится и удаление отработанного грунта. Но на южном участке ожидаем лучшую сохранность построек. К тому же получим возможность проверить наше предположение о том, что с южной стороны невдалеке должна проходить еще одна улица, параллельная центральной. Если она будет выявлена, то определится система междууличной застройки. Это заманчиво. И мы решаем — пусть сложнее, пусть труднее, но будем прирезать раскоп с южной стороны — это казалось более перспективным, обеща-

ло больше материалов и наблюдений по древней застройке и планировке города.

Наши предположения оправдались! Уже в верхних пластах, сохраняющих остатки застройки, выявилась уличная мостовая (названа южной), параллельная центральной, а с северной стороны к ней примыкали постройки, обращенные дверными проемами в противоположную от улицы сторону! Вот

Реконструкция постройки 39Д

она, система планировки — между улицами постройки расположены в четыре ряда, и в рядах, примыкающих к улицам, дверные проемы обращены в противоположную от улицы сторону, а во внутренних рядах — в направлении улиц! Вот она, разгадка строительных правил и обычаев Берестья!

И этого было уже немало, но раскоп продолжал радовать нас неожиданными находками. Была вскрыта самая большая постройка 39В размером 6×6 м. Несколько глубже под ней сохранилась и была откопана постройка 39Д, насчитывавшая 11 венцов и имевшая полностью сохранившийся дверной проем. Вдоль ее западной и восточной стенок вскрыли мощные двойные бревенчатые лаги, перекрытые дощатым настилом, поверх которого в северо-запад-

ном углу постройки расчистили толстый слой развала большой глинобитной печи. Очевидно, вскрытая часть была подклетом двухъярусной постройки. Это тоже необычно, так как абсолютное большинство вскрытых построек было одноярусным и не давало прямых оснований говорить о существовании двухъярусных построек.

Из найденных предметов особенно ценны деревянное колесо и дубовая ось от телеги, вторая ось с одним обломанным концом у постройки 39В. В раскопках Киева найдено колесо, но более плохой сохранности, в Новгороде — тоже. Сохранность берестейского была значительно лучше. К сожалению, оно почти полностью погибло при консервации. И, наконец, наша гордость — шахматный король! Он был найден Татьяной Николаевной в западном конце южной улицы.

Шахматы на Руси появились в XI в. Они были распространены по всей территории Восточной Европы и известны из раскопочных материалов многих городов. Но в основном это фигурки стилизованных шахмат, условно передающих изображение фигуры. Значительно реже встречаются так называемые изобразительные шахматы, более или менее реально передающие очертание фигуры. Так, в Волковыске и Гродно найдены шахматные фигурки ладьи, довольно реально передающие форму ладьи, в Лукомле — фигурка шахматной пешки в форме сидящего барабанщика. Но фигурка шахматного короля, как засвидетельствовал И. М. Линдер, занимающийся историей шахмат на Руси, была найдена впервые.

В том же году были встречены свинцовая пластинка с односторонним изображением Богородицы Оранты очень тонкого литья и свинцовый амулет-змеевик дисковидной формы. На амулете с одной стороны изображена Богородица Знамение, на другой — бычья голова с 12 змеиными головами на длинных змеиных туловищах, а вокруг изображения — венчик из 31 выпуклой точки. Змеевики играли роль амулета-оберега, защищавшего от враждебных сил. Но сочетание одной бычьей, 12 змеиных голов и 31 точки венчика невольно напоминало календарь, в котором также один год, 12 месяцев, есть

Расчистка колеса

и по 31 дню в месяце. Итогами года мы были очень довольны.

Исследования 1974—1977 гг. отличались по своим задачам от работ предшествующих лет. К этому времени был разработан проект павильона, по

которому с северной фасадной части планировалось строительство заглубленных технических помещений. Культурный слой под этими помещениями становился недоступным для исследований, а нужно было изучить его на полную мощность до материка еще до начала строительных работ. Отказаться от заглубленных служебных помещений было нельзя, так как их пришлось бы тогда возводить на поверхности. А это привело бы к не менее нежелательному результату — увеличению площади служебных помещений, перекрывающих культурный слой с поверхности. Наши попытки сохранить культурный слой от застройки ни к чему не привели. Приходилось только сетовать на ее большую площадь — 400 кв. м. Правда, часть вспомогательных помещений нам все-таки удалось разместить за пределами детинца.

До начала строительных работ оставалось мало времени, и мы приступили к изучению культурного слоя, уходящего под служебные помещения. Культурный слой мы исследовали на всю глубину, изучали его структуру, насыщенность строительными остатками, их сохранность. Проследили динамику планировки и застройки вскрытого участка, интенсивность хозяйственной жизни, изучили материалы предматерикового, самого раннего, слоя и определили время его отложения.

Раскоп 1974 г. был заложен с северной стороны раскопа 1972 г. Была вскрыта еще одна уличная мостовая (названа северной), идущая в направлении с востока на запад. Вплотную к ней располагались постройки, между ними частокол. Уличный настил из толстых колотых сосновых досок лежал на продольных лагах (две или три), в свою очередь опиравшихся на поперечные бревна-подкладки. Настилы северной улицы были в шесть слоев. После того как предшествующий настил оказывался настолько занесен слоем грязи, что проезд по улице становился невозможным, поверх его возводился новый настил, почти в точности повторявший местоположение предшествующего. У южной улицы настил был в шесть слоев. Расчистка центральной улицы остановлена на третьем ярусе уличной мостовой. Интересно отметить необычайно толстые попереч-

ные бревна-подкладки у второго яруса центральной и северной улиц. Может быть, их строительство производилось одновременно и связано с каким-нибудь периодом активных работ по благоустройству.

В раскопе 1974 г. было выявлено 12 строительных ярусов, последовательно сменяющих друг друга. Наиболее плотная застройка выявлена в третьем и четвертом ярусах, наиболее слабо заселен 12-й

Северная улица

ярус. В нижних строительных ярусах уличной мостовой не выявлено. Позже на уличной мостовой на этом участке древнего города произошла стабилизация планировочной структуры, она стала более регулярной и устойчивой, а постройки в последующих ярусах, как правило, возводились на месте предшествующих.

В предматериковом слое выявлены дубовые конструкции — ряжи, ранее не встречавшиеся в древнерусской археологии. Это деревянные срубы в два—три венца, не образующие замкнутых прямоугольников. У них ленточное заполнение культурным слоем, в котором культурные напластования

чередуются с прослойками песка. Создавалось впечатление, что эти конструкции сооружены специально для задержания речных наносов и повышения таким образом уровня местности для предотвращения затопления во время половодий. Подобные конструкции в древнерусской археологии не встречались, и мое сообщение на конференции вызвало некоторое сомнение. Однако в 1975 г. В. В. Седов,

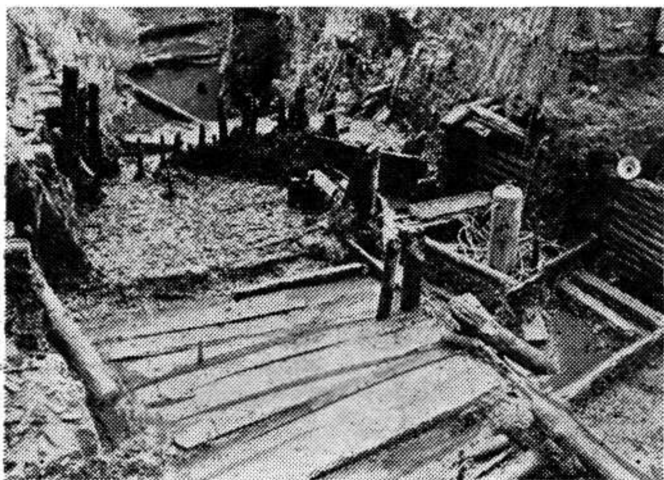
«Ряжи» в предматериковом слое

ознакомившись с устройством выявленной конструкции и характером ее заполнения, подтвердил правильность наших предположений и возможность такого их назначения.

В этом же раскопе в материке мы заложили шурф и выяснилось, что он состоит из речных отложений и залегает на глубине современного летнего уровня Мухавца. Общая мощность культурного слоя при этом достигала 7 м.

Раскоп 1975 г. был прирезан к раскопу 1974 г. с западной стороны. В нем вскрыта продолжавшаяся в западном направлении северная уличная мостовая, единственный за все годы исследований хозяйственный двор и при нем постройка, сохранившаяся на 12 венцов (59А).

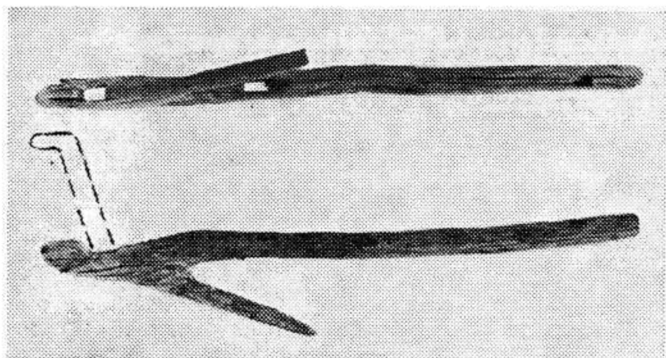
Начиная с 1970 г. плотность выявленной застройки вызывала удивление. Постройки часто располагались буквально вплотную друг к другу, лишь на расстояние останцов в углах сруба. Как видим, был дорог каждый квадратный метр и совершенно не оставалось места для размещения и устройства хозяйственных дворов. Их практически и не было в Берестье, лишь тот, единственный, у постройки

Усадьба постройки 59А

59А. Постройка на 12 венцов (59А) имела дверной проем с толстым бревном-порожком и толстыми боковыми ушаками, прорубленный с третьего по 11-й венцы сруба. Справа от входа на глиняном основании уложен дощатый настил, поверх которого на глиняной подушке, огражденной колышками, возведена печь, у которой под и часть сохранившихся боковых стен сложены из кирпича. Дощатый пол у печи уложен перпендикулярно входу, а в дальней части постройки — параллельно ему. Постройка была явно жилой, но в срубе ее нет никакого оконного проема. Эта же постройка показывает нам, как пытались жители Берестья бороться с проникновением в жилище быстро нараставшего культурного слоя. У наружной стороны стены с дверным

проемом были установлены на ребро две доски длиной около 2 м, которые должны были препятствовать проникновению мусора в постройку. У стены доски расположены по ширине проема, а их противоположные концы разведены на ширину 1,5 м бревном-распоркой. По-видимому, подобные или иные устройства были и у других построек. Двор у постройки 59А огражден частоколом и состоит из двух

Дубовое рало

частей. Примыкающая к дому часть шириной 2,5 м и длиной около 4 м служила двором для рубки дров и других хозяйственных работ. На ней отложился толстый слой щепы и коры. За частоколом располагался дворик для содержания скота. Его размеры 5,5×3 м, он заполнен навозом. На нем небольшой столбовой навес, огражденный частоколом и вымощенный досками. К навесу прилегала небольшая загородка. Таково устройство единственного на вскрытой части Берестья хозяйственного двора.

Во дворе постройки 59А найдено дубовое рало для вспашки земли, единственное для этого времени на территории Европы. Раньше они были известны только по художественным миниатюрам и графическим изображениям. Рало — легкое упряжное пахотное орудие. В отличие от плуга оно не переворачивает пласт почвы, а, как и его ближайшая родственница — соха, сверху царапает и разрыхляет почву. Поэтому оно могло применяться не только

на старопахотных, хорошо обработанных почвах, но и на новых участках, осваиваемых с помощью подсечного способа, и на залежах, где много корней и невозможно применение тяжелого плуга. Железные наконечники рала — наральники неоднократно встречались в раскопках других городов. Но само рало найдено впервые, и сейчас о внешнем виде этого орудия обработки почвы можно судить на основании реальной берестейской находки.

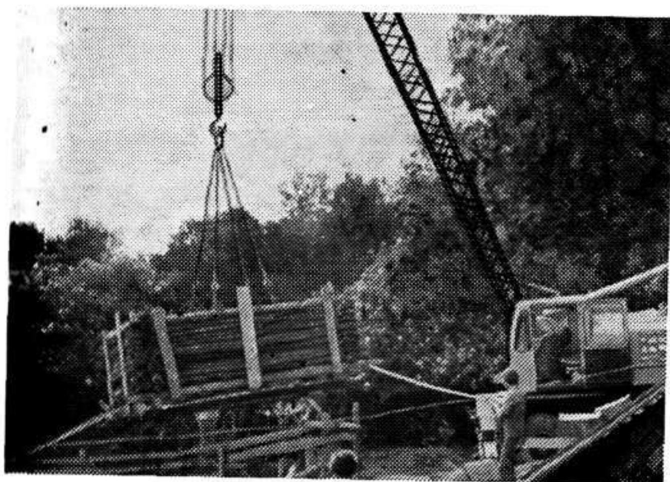
Интересная печь-каменка выявлена в постройке 63. Ее глинобитное основание, укрепленное колышками и брусками, было выстлано глиняными черепками и вновь перекрыто слоем глины и булыжниками средних размеров. Подобная печь была способна выдерживать высокую температуру и могла использоваться в производственных целях. В ее развале мы нашли нижнюю часть горшка со спекшейся шлакообразной массой. Возможно, в нем производили науглероживание железа, при котором оно превращалось в сталь.

Заканчивался сезон 1975 г. работами по временной консервации постройки 50А. Ее вскрытые стены обмазали навозом, не пропускающим атмосферного кислорода, укрыли полиэтиленовой пленкой и вновь обложили толстым слоем навоза. Закончить исследования слоя до материка в сезон 1975 г. не удалось.

Раскопки 1976 г. начались с интересного археологического наблюдения. В начале работ по завершению раскопа 1975 г. мы обнаружили, что за зиму сместились наши вертикальные отметки построек. Оказывается, освобожденный от тяжести верхних пластов слой как бы вспух и приподнял постройки.

Первоочередной задачей 1976 г. были работы по спасению постройки 59А. Расчистив ее, мы убедились, что она прекрасно перенесла зиму. К сожалению, ее следовало разобрать, так как располагалась она на месте будущих заглубленных служебных помещений. Но она была на 12 венцов и нужно было сделать все возможное, чтобы спасти ее. Каким образом? Решено было попытаться перенести ее под навес на место постройки 20, имевшей плохую сохранность. Для этого расчищенную построй-

ку 59А скрепили болтами, досками, тросами, проволокой, под основание подвели раму из толстых сосновых брусьев, а под раму — два поперечных бревна, на которых заготовили петли. Мощный подъемный кран медленно натянул стропы, и наша чудопостройка, слегка накренившись, отделилась от родного для нее слоя XIII в. и торжественно поплыли в век XX. Это было незабываемое зрелище! Дли-

Перенос постройки 59А

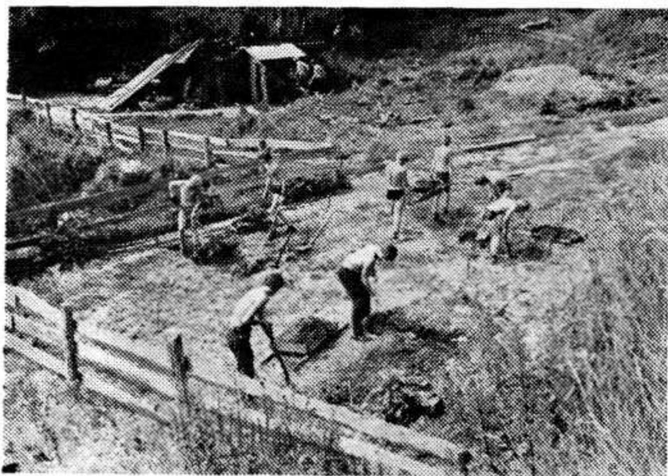
ны стрелы крана, конечно, не хватало, чтобы перенести постройку на расстояние свыше 50 м, и кран несколько раз опускал постройку на землю, переезжал на новое место и вновь переносил ее на новый отрезок пути. Наконец, постройка была установлена на трубы, наклонно уходящие под временный навес к месту ее будущего расположения.

Но по трубам постройка двигаться не захотела. Когда же мы обильно смазали их солидолом, постройка рванула по ним вниз с неожиданной силой. От разрушения ее спасли только заранее закрепленные страховочные тросы и веревки. Не хотела она и сходить с труб, спустившись вниз. Не помогали и наши домкраты. Пришлось их ремонтировать. Постройку мы подняли и вынули трубы. По-

очередно меняя домкраты, опустили ее на новое место.

Это была уникальная в археологии операция, и завершилась она успехом! Спасенная постройка 59А и сейчас стоит в павильоне с южной стороны восточного конца центральной улицы.

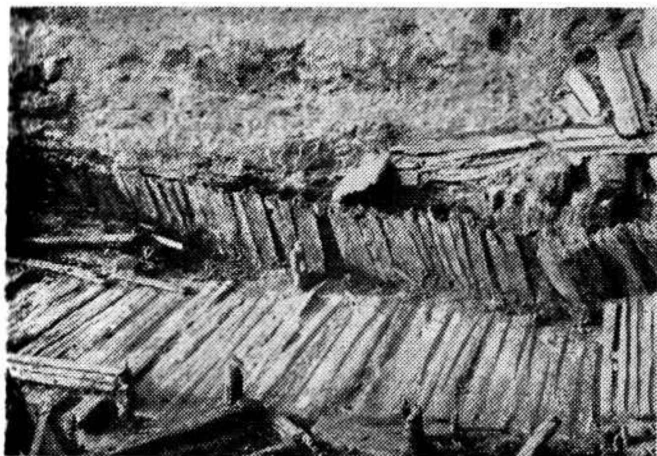
Как шла наша работа дальше? После завершения раскопа 1975 г. были начаты работы на новом

Начало раскопа 1976 г.

участке, примыкающем к раскопу 1974 г. с восточной стороны. Здесь также продолжала вскрываться северная улица, но в раскопе 1976 г. она отклонилась к югу, навстречу центральной улице, с которой она, возможно, и сливалась за пределами раскопа. Мы выяснили, что вдоль ее северной стороны уже после того, как улица перестала существовать, был установлен мощный частокол из толстых (до 40 см) дубовых плах, образующих сплошную стену. Плахи в сечении имели Т-образную форму. Нижними концами они были вкопаны в землю и прорезали первый и второй ярусы уличной мостовой. Подобный частокол бы вскрыт и в более ранних пластах, где он вплотную примыкал с северной стороны к третьему ярусу уличной мостовой. За частоколом рас-

полагались остатки какой-то постройки, рубленой в «простой угол» из толстых (около 40 см) сосновых бревен (вскрыт только угол). Сочетание мощного частокола и мощной постройки наводит на мысль, что это были остатки какого-то внутреннего оборонительного сооружения, может быть, башни-донжона. В этом же направлении заметно вспучивается

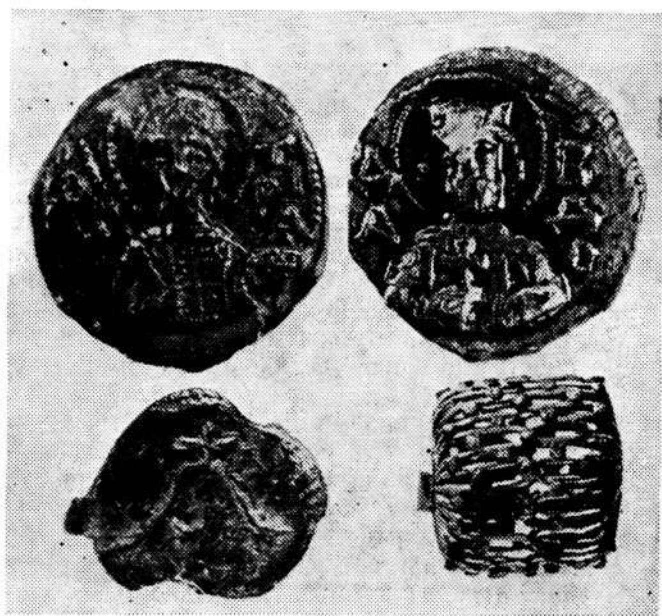

Частокол у северной улицы

культурный слой, как будто подымаясь на склон возвышенности, на которой могла быть возведена башня. Восточный участок северной улицы также круто поднимается на эту возвышенность. Однако и возвышенность и башня остались за пределами раскопа.

В 1976 г. осложнились наши отношения с руководством Брестского краеведческого музея. Получалось, что организация, которая должна была оказывать нам помощь и содействие, стала всячески осложнять условия работы экспедиции. Вопреки решению о строительстве музея стала бурно развиваться садово-огородническая деятельность, мешающая раскопочным работам, началось бурное строительство дач и дачек. На наш протест последовал ответ: «Вы считаете так, а мы считаем иначе. Мы

здесь хозяева». Так на древнем берестейском городище, видавшем на своем веку разные невзгоды и напасти, в XX в. разгорелась «помидорная война», как назвали наши сотрудники эти события. Последовали и санкции. Но уже с другой стороны. Нам было отказано в финансировании на завершение работ в 1976 г. Пришлось остановить работы и выехать в Минск добывать средства. Когда же работы возобновились, как бы взамен упущенного, пошли очень интересные находки — свинцовая подвесная печать с изображением Дмитрия Солунского, святого покровителя туровского князя Изяслава Ярославовича, которому в 1054—1078 гг. принадлежало Берестье; дреговичская ажурная бусина с серебряными шариками, напаянными на медный каркас, и кусок проволоки, такой же, как каркас; свинцовые дрогичинские пломбы — товарные знаки на импортные и экспортные товары; куски свинца—сырья

Свинцовая печать, пломба и дреговичская бусина из предматерикового слоя

для местных ювелиров; костяная подвесная печать и костяные орнаментированные пуговицы и многое другое.

Летом 1977 г. предстояло завершить исследование участка, уходившего под служебные помещения павильона. Это был очень нелегкий сезон. Частые ливни устремляли с обширной площади бастиона в маленький раскоп потоки воды. Приходилось постоянно откачивать воду. С этого начинался каждый наш рабочий день. Над бастионом с восходом солнца раздавались команды «Включай!», «Выключай!» Это мы пытались запустить электронасосы и к приходу рабочих откачать воду. Потом шла уборка грязи и остатков воды, расчистка построек и разработка слоя. К концу дня раскоп имел вполне приличный вид. Но часто ночью мы с сознанием собственного бессилия слушали шум очередного ливня, а утром снова начиналось: «Включай!», «Выключай!» И если даже не было ливня, вода сочилась из соседних, засыпанных рыхлым слоем раскопов, пропитавшихся, как губка, водой. Уставали очень.

Завершился сезон неожиданным радостным событием. К концу наших работ приехали какие-то энергичные люди, с деловым видом ходили по бастиону, размахивали руками, что-то показывая и обсуждая. Занятые работой, усталые, мы не придали сначала этому визиту значения. Но посетители неожиданно заставили нас глянуть на свет совсем иными глазами. Они вдруг подошли к нам и спросили: «Когда вы предоставите нам фронт работ?» Это было как гром с ясного неба! — «Ведь по плану возведения павильона мы должны начать строительные работы только в третьем квартале».

Все эти дни наш маленький отряд жил, радуясь и все еще не веря в возможность осуществления заветной мечты. Дело, которому было отдано столько времени и сил, дело необычное, впервые осуществляемое в нашей стране, продвигалось к завершению.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПАВИЛЬОНА

Строительство павильона — это особый этап в создании музея «Берестье». Начался он с разработки проекта и выдачи проектного задания архитекторам Белгоспроекта В. М. Крамаренко, М. К. Виноградову, В. И. Щербине.

В Институте истории АН БССР мы обсудили размеры и место закладки павильона и запросили у сотрудников технологического института данные об условиях и режиме, обеспечивающих сохранность законсервированной древесины. Они поставили два условия: законсервированная древесина должна находиться под крышей во избежание намокания и высыхания, и в павильоне должна быть положительная температура, чтобы исключить замораживание—размораживание.

Мы передали эти условия архитекторам, и они разработали проект стоимостью 1,5 млн. руб. В Министерстве культуры проект не утвердили, предложили разработать более дешевый. Второй проект стоимостью 880 тыс. руб. постигла та же участь. И

наконец, к обсуждению был представлен третий вариант стоимостью 517 тыс. руб. И вновь поступило предложение разработать еще более дешевый. Тут уже возроптали архитекторы, заявив, что невозможно создать более дешевую конструкцию для павильона такой площади и объема. К обсуждению был принят третий вариант проекта.

Однако злоключения с проектированием на этом не кончились. Оказалось, что на разработку проекта в министерстве средств нет. Иссякла энергия по добыванию средств и у заведующего сектором археологии нашего института Л. Д. Поболя, и он заявил, что больше по этому вопросу никуда обращаться не будет.

Не помогли делу и наши письменные обращения совместно с Ю. В. Вихровым к заместителю Председателя Совета Министров БССР Н. Л. Снежковой (директор Брестского музея отказался его подписать), и обращение сектора славяно-русской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, и горячее участие московской журналистки Г. М. Аловой. А ведь уже было завершено вскрытие экспозиционной площади и разрабатывался участок под служебные помещения.

Вскрытые и законсервированные на экспозиционной площади постройки находились под временными навесами в очень плохих условиях. Необходимо было принять меры для ускорения строительства постоянного павильона. В таком положении мы оказались к концу 1974 г. И неясны были пути и возможные направления дальнейших шагов по решению этого вопроса.

В январе 1975 г. я проводил свой отпуск в Пицунде. В это время там отдыхал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, и его иногда можно было встретить на набережной залива. Заснеженные пальмы, убаюкивающий шум пицундской сосны... Но к исходу второго дня, ознакомившись со всеми местными достопримечательностями, я уже изнывал от безделья. Мысли о Берестье и здесь не покидали меня. Что же будет? Ведь может погибнуть уникальный памятник, за который мы несем профессиональную, гражданскую, наконец, моральную ответственность. Могу ли я с чистой совестью

сказать, что сделал все возможное, чтобы спасти его? Нельзя останавливаться на том, что сделано. И после долгих колебаний я решил обратиться со своим наболевшим вопросом к А. Н. Косыгину.

Лично с Косыгиным встреча не состоялась. Меня принял работник его референтского отдела. Он внимательно выслушал мой рассказ об уникальном памятнике, необходимости его спасения, принятых мерах и нерешенности вопроса и удивленно спросил: «И это все?»

Мне был дан совет столь же четко и коротко в письменном виде изложить все рассказанное и в форме личной просьбы подать на имя А. Н. Косыгина. Я так и сделал и за день до отъезда получил ответ, в котором было сказано, что решение этого вопроса А. Н. Косыгин поручил Председателю Совета Министров БССР Т. Я. Киселеву и министру культуры СССР П. И. Демичеву.

В Минске меня ждало известие о том, что средства найдены и выделены лимиты на проектные работы, что строительство запланировано на 1977 г. Я также получил письмо из Министерства культуры СССР с сообщением о том, что контроль за ходом работ возложен на министра культуры БССР.

Разработка проекта проходила успешно. Однако при согласовании его с многочисленными службами и инстанциями приходилось проявлять изобретательность и настойчивость. С Л. Д. Поболем мы боролись за сохранение каждого квадратного метра культурного слоя, стремились вынести за пределы детинца отдельные службы (трансформаторная подстанция, канализация), объединить в одном пакете различные коммуникации. Успешно решая эти вопросы, мы вдруг обнаружили, что у проектировщиков возникла идея сооружения монтажного приямка, на который потребуются сотни квадратных метров культурного слоя. С трудом убедили их, что можно обойтись без этого приямка, и спасли значительный участок городища. И вдруг под угрозой краха оказалось все — и наши усилия, и разработанный проект, и строительство в целом.

Заместителю председателя Госстроя БССР Л. В. Москалевичу вдруг показалось целесообразным заменить разработанный проект павильона из бето-

на, алюминия и стекла павильоном из клееных деревянных конструкций. А это означало годы проектировочных работ, срыв финансирования строительства, трудности изготовления клееных конструкций, затягивание сроков строительства. Практически под вопрос ставилось само строительство музея. Пришлось писать и убеждать, что в условиях Берестья могут развиться микроорганизмы, способные повлиять на устойчивость клея, попросту съесть его и ослабить прочность конструкции. Наконец, удалось утвердить проект в Госстрое БССР. Вскоре после открытия нашего музея сгорел спортивный павильон из клееной древесины в Минске. Как радовались мы, что отстояли старый проект павильона из металла и стекла!

Строительство павильона поручили строительному управлению № 98 (начальник С. И. Тхоревский, главный инженер Г. К. Фицук) стройтреста № 8. Это был нелегкий для строителей объект, необычны условия работы. Им просто непонятна была необходимость беречь каждый метр площади. В общем, не очень охотно прислушивались они к нашим требованиям и кое в чем их не выполнили.

Павильон сооружался на основании из буронабивных свай. Возводило его 2-е управление Промбурвода. В осеннюю слякоть тяжелая буровая установка и подъемный кран тонули в грязи, к ним не могли пробиться самосвалы с бетоном. Воистину это была тяжелейшая работа.

Строительные работы велись далеко не так быстро, как нам хотелось. Постоянно срывались сроки, затягивалось освоение средств. Это привело к тому, что на заводе металлоизделий заказанные профили металла были израсходованы на другие объекты. Полтора месяца потребовалось, чтобы «выколотить» металлоконструкции. Крупная задержка вышла с отделочными материалами из анодированного алюминия. Лимит на эти материалы для республики был резко сокращен, и «Берестье» было вычеркнуто из списка объектов, нуждающихся в них. И здесь большую настойчивость, организаторские и дипломатические способности проявил сотрудник стройтреста № 8 В. Н. Семенюк. Он хлопотал в Бресте, Москве и Воронеже, я помогал ему

в Минске. Нас поддержали государственные и партийные органы. И в результате материалы для Берестья были получены!

Строительство павильона завершилось в 1980 г. Внутри него оставались наши старые временные навесы, простоявшие почти десять лет. Их нужно было очень осторожно разобрать, чтобы ни одна доска, ни одно бревно не упали на древние постройки. В этом очень помог преподаватель БИСИ А. А. Гладышук. Сам хороший спортсмен, он организовал группу альпинистов, хорошо знакомых с техникой безопасности, организацией страховки людей и грузов. Сложная и ответственная работа была выполнена быстро и хорошо. И летом 1981 г. мы приступили к работам по приведению в окончательный вид экспонируемого участка древнего города. Предстояло до общего уровня XIII в. разработать участки по всему периметру раскопа, благоустроить склоны раскопа, поднять на поверхность и вывезти за пределы детинца отработанный слой.

Завхоз музея построил наклонный пандус, и мы по нему лебедкой с тросом вытаскивали наверх сразу целый «поезд» из трех тележек (трое носилок каждая) с землей. Таких «поездов» было два. На другом участке мы установили малый подъемный кран «Пионер», который непрерывно прямо из раскопа доставал тележки с землей и опускал вниз порожние. Механизация значительно ускорила выполнение первоочередных работ по сравнению с традиционным археологическим способом выноса отработанной земли на носилках. И это дало нам возможность полностью вскрыть постройки, лишь частично выявленные в раскопах предыдущих лет (П-40, 41, 28, 106, 109).

Это также была очень большая и трудоемкая работа. Мы завершили ее глубокой осенью, а вместе с ней и изучение и подготовку экспозиционной площади древнего города в павильоне.

Оглядываясь назад, можно сказать, что у нас не было ни одного легкого полевого сезона в Берестье. При мощном слое в раскопах 1974—1977 гг. или большем объеме работ в сезонах 1971, 1973, 1981 гг., в начале работ в 1970 г. или в почти сорванном сезоне 1972 г. мы всегда работали с полным напря-

жением сил, как правило, в две смены, а иногда начинали и заканчивали работу в полной темноте. Численность нашего маленького отряда не соответствовала объему проводившихся работ. Напряженная работа, трудные бытовые условия, частое отсутствие необходимого взаимопонимания и помощи от тех, кто в первую очередь должен был способствовать успешному ходу работ, изматывали порой до изнеможения. Мы всегда тепло вспоминаем товарищей, оказавших нам помощь,— секретаря горкома КПБ г. Бреста В. П. Самовича, председателя горисполкома А. В. Груздиловича, секретаря облисполкома И. А. Тимощенко, начальника управления культуры Б. В. Булатова, сотрудника музея М. И. Алексеюка, командира воинской части В. М. Шевкунова, преподавателя БИСИ А. А. Гладышука и многих других. И на этом в общем доброжелательном фоне мелочным и неприятным диссонансом звучала позиция отдельных лиц, иногда сильно осложнявшая нашу жизнь и работу.

Благодарное слово нашим неизменным помощникам — школьникам Бреста. Их руками вскрыты и расчищены постройки, собраны коллекции особых и массовых находок, получен материал, подготовивший создание этого уникального музея — для своего города и всего нашего народа. Они очень добросовестно относились к нелегкой работе, неизменно сохраняя интерес к тому, что происходило на раскопе. Из года в год они приходили к нам, и мы видели, как возрастал их общий культурный уровень, разносторонность интересов и увлечений. Некоторые из школьников работали у нас по три, четыре, пять лет. Запомнился Виктор Проневич, пришедший к нам в 1969 г. и все мечтавший найти берестяную грамоту, старательные Сергей Богданов и Саша Манченко, молчаливый, но очень усердный наш работник Женя Маньковский и его постоянный напарник Витя Тротюк, дружные братья Черевко — хороший организатор Леня, старательный Миша и умелый Володя, большой и добрый Володя Чебаков, всегда готовый помочь «малышам», оптимистичный Виталий Кровяков. Добрую память о себе оставили братья Никифоровы — Гриша и Вася, Цепелевы, Корольчуки и многие другие.

К сожалению, назвать всех невозможно — за годы работы в Берестье их прошло свыше 2 тыс. Но всем им мы должны сказать большое спасибо — их руками раскопано Берестье. И каждый из них может с заслуженной гордостью сказать, что в создании музея есть частичка и его труда. Думаю, в музее отдельным экспонатом следует вывесить списки принимавших участие в раскопках. Пусть видят их имена. У нас они узнали цену трудовому рублю и честному отношеню к делу, учились преодолевать трудности и испытывать удовлетворение сделанным. Все, кто работал на раскопках Берестья, прошли хорошую закалку честным трудом. Спасибо вам, брестские мальчишки!

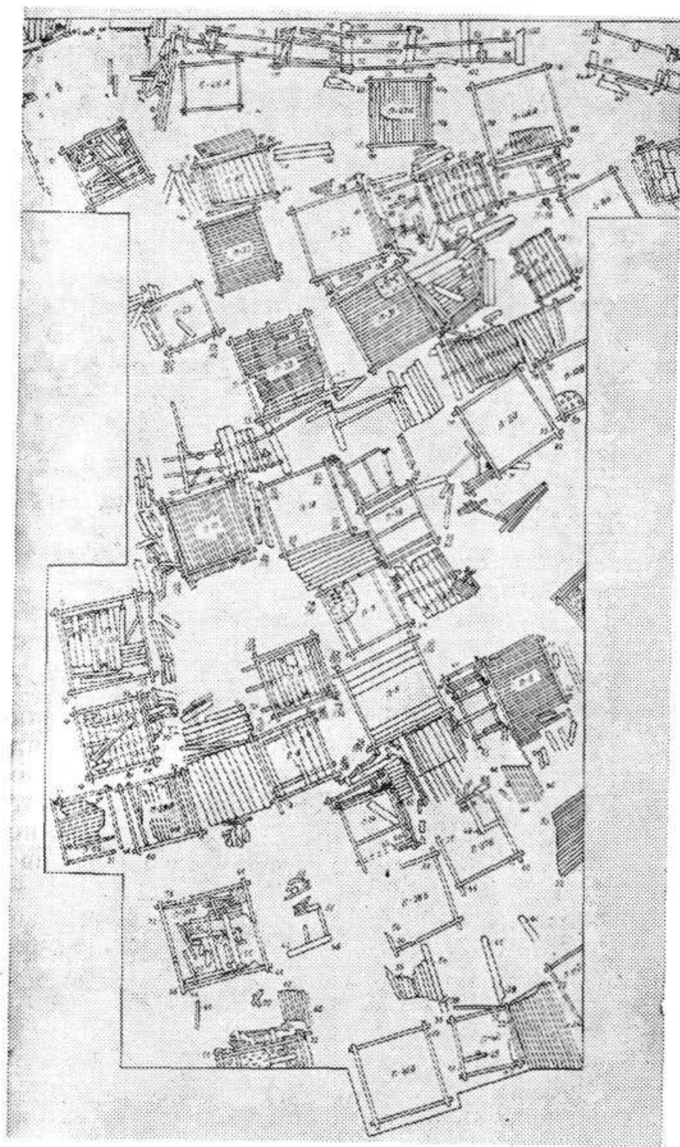
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТИЯ

В исследованиях Берестья самыми неожиданными и значительными результатами следует считать выявление деревянных сооружений необыкновенной сохранности и исключительно высокую плотность застройки, позволившую на сравнительно небольшом участке выявить планировку и принципы застройки древнего города.

Деревянные сооружения Берестья пронизывают почти весь культурный слой, за исключением верхних прослоек, легкодоступных атмосферному кислороду, в которых истлели почти все предметы органического происхождения.

Берестье, как и большинство древнерусских городов рубежа X—XI вв., было основано на мысе, образованном крупной рекой и ее притоком, и его планировка была подчинена естественному рельефу местности. Город был ограничен с западной стороны Западным Бугом, с севера — Мухавцом, с восточной и южной сторон — оборонительным рвом и

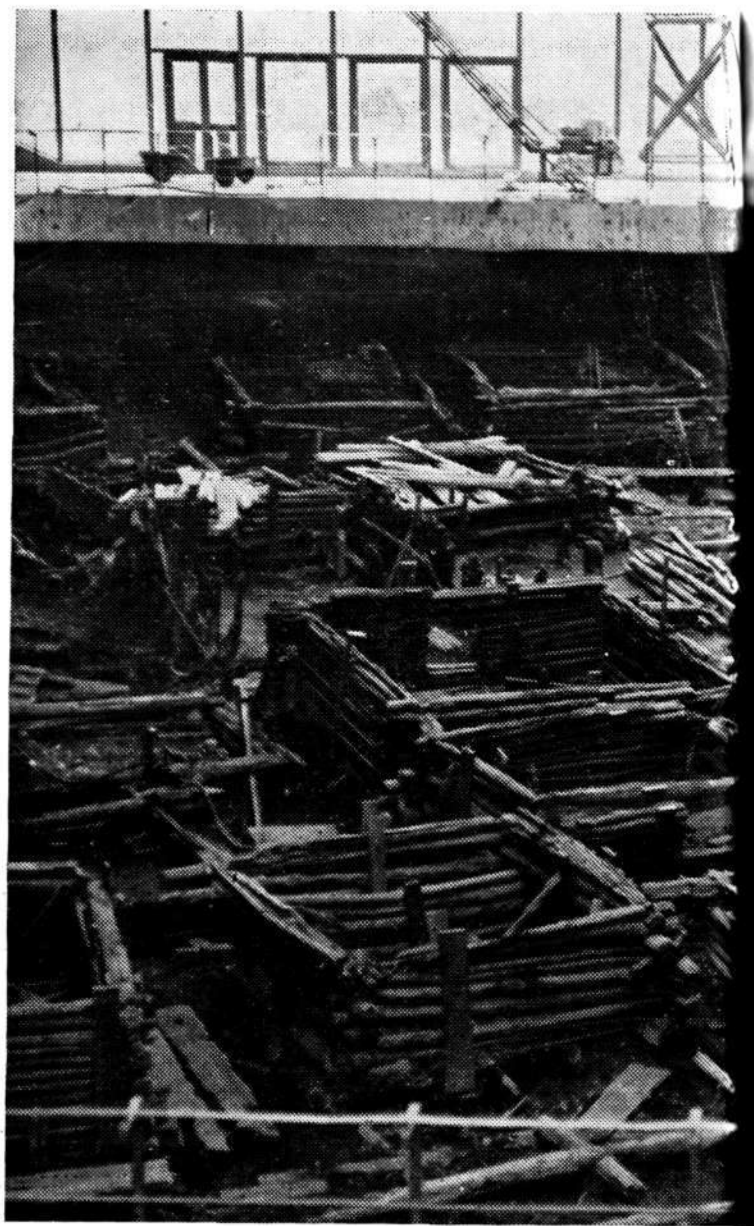

Планировка и застройка вскрытого участка (план)

валом с навальными деревянными оборонительными сооружениями. Планировка городской застройки находилась в прямой зависимости от этих условий.

Раскопами вскрыты три уличные мостовые, идущие в основном с востока на запад. Условно они названы нами северной, центральной и южной улицами. В восточной части северная и южная улицы поворачивают в сторону центральной и, возможно, за пределами раскопа соединяются с ней, образуя центральный проезд, скорее всего, в направлении городских ворот и въезда в город. Улицы определяли планировку города и регулировали его застройку. Все дома были ориентированы по направлению улиц, а промежутки между ними вдоль улиц перекрывались частоколами. Постройки между северной и центральной улицами располагались в три ряда, а между центральной и южной — в четыре. В рядах, примыкающих к улицам, дверные проемы вырубались в противоположной от улицы стене, а во внутренних рядах — в стене, обращенной к улице. Очень редко дверные проемы прорублены в боковой стене, и не выявлено ни единого случая, чтобы дверной проем выходил прямо на улицу. При очень высокой скученности и тесноте в городе отсутствовала усадебная застройка, при которой у каждой жилой избы должен быть свой огражденный частоколом двор с подсобными и хозяйственными помещениями. На всей вскрытой площади выявлен лишь один крошечный дворик с навесом для скота.

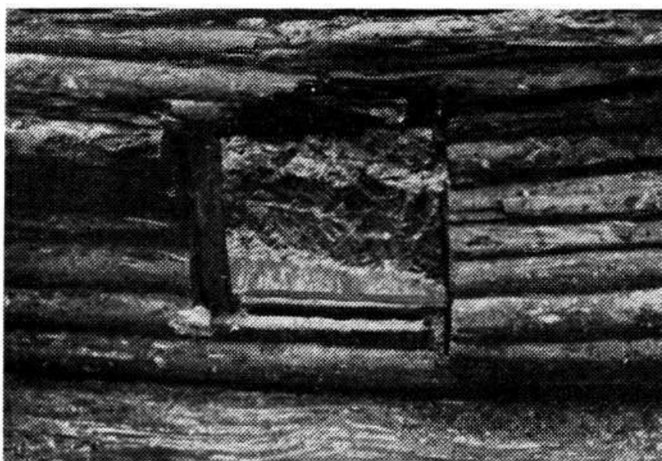
В Берестье вскрыто 224 жилые и хозяйственные постройки. Все они наземные, однокамерные, срубной конструкции, главным образом квадратной формы, размером 13—16 квадратных метров. В основном постройки рубились прямо на месте их расположения. Но отмечены случаи, когда сруб постройки рубили в другом, более удобном месте, затем помечали бревна насечками, разбирали сруб и переносили его на постоянное место в городе. Основной строительный материал, из которого возводились сооружения,— бревна хвойных пород диаметром 15—17 см. Иногда для возведения оснований брали дубовые бревна. Очень редко на хозяйственные постройки, дворовые и уличные настилы использовались деревья лиственных пород.

Застройка вскрытого участка (конец XIII в.)

Проходы между постройками выстланы дощатым настилом. Иногда по обе стороны входа в постройку ставили на ребро доски, не допуская сползания в постройку культурного слоя. Основанием постройки чаще всего служили остатки предшествующей постройки, а иногда дополнительные бревна — подкладки. Во всех постройках полы настилались из толстых колотых досок, уложенных поверх двух—

Дверной проем постройки 6

трех лаг-переводин, врубленных сквозной врубкой. Доски пола укладывались как параллельно, так и перпендикулярно стене с дверным проемом.

Основным техническим приемом возведения срубов была рубка из круглых окоренных бревен в простой угол с остатком в 10—30 см. Соединительные чашки и уплотнительные пазы вырубали с верхней стороны бревна. Пазы между бревнами часто конопатили мхом. В северной части раскопа XII—XIII вв. выявлена небольшая группа построек, в которых бревна были тесаными с внешней и внутренней стороны, а концы остатков бревен в вертикальной плоскости скошены на усеченный клин. Одна постройка была сооружена в технике столбового строительства, когда в пазы вертикальных столбов, закрепленных

пальцами-шипами в гнездах нижних бревен, горизонтально укладывали бревна стен.

Существенной деталью срубов являются дверные проемы. Они очень редко и лишь в единичных случаях встречаются в раскопках древнерусских городов. В Берестье дверные проемы выявлены в 35 постройках. Они вырубались в основном с третьего—четвертого венца снизу. Ширина проема 63—89 см.

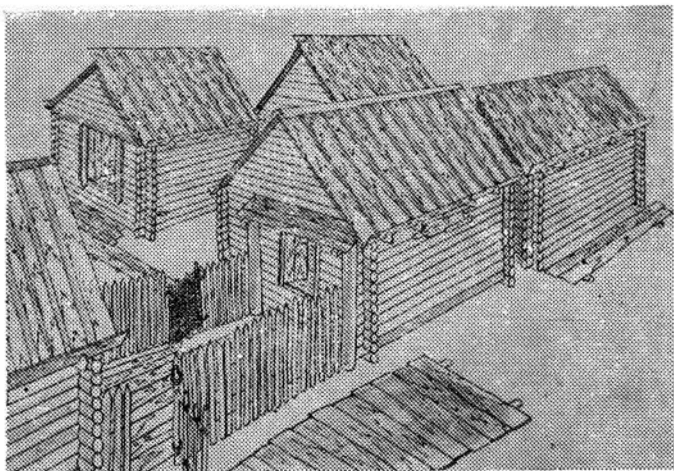

Окно в постройке 109А

В четырех постройках они сохранились на полную высоту и в основном прорублены на семь венцов, что дает их среднюю высоту около 105 см. Примерно такую же высоту дают дверные полотна. В Берестье найдено 28 дверей, в основном высотой 73—98 см. Средние двери были высотой 108—112 см и лишь две двери — высотой 127 и 141 см. В основном они «сшиты» шипом из двух—трех досок, но бывают и из одной широкой толстой доски. Каждая дверь имеет внизу выступ-«пятку», на которой она поворачивалась в гнезде нижнего бревна дверного проема. Во всех постройках дверь открывалась внутрь. Интересно отметить, что к XIII в. еще не было выработано единого, наиболее рационального оформления

дверного проема, и в Берестье их выявлено четыре типа.

Интересен вопрос об оконных проемах. Вполне понятно, что они не были выявлены в городах, в которых остатки построек сохраняются на один—три нижних венца. Однако не везде они выявляются и в Берестье, даже в постройках на 11—12 венцов. В постройке 59А, сохранившейся на 12 венцов, имев-

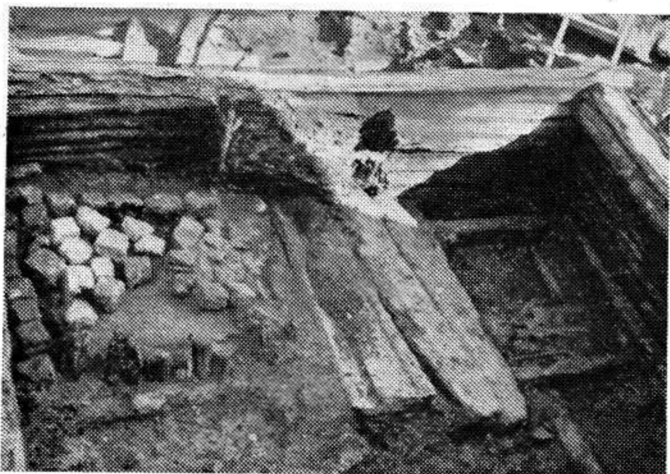

Реконструкция вскрытого участка (постройки 6, 7, 8, 9, 37 В)

шей дощатый пол, кирпичную печь и бывшей, несомненно, жилой, нет никаких следов оконного проема. Нет его и в постройке 39Д, сохранившейся на 11 венцов (может быть, это подклет двухъярусной постройки). В постройке 109А, сохранившейся на 12 венцов, в северной стене на расстоянии 1,25 м от западного угла в десятом венце вырублен на толщину половины бревна оконный проем шириной 40 см, в высоту он проходит через 11-й и 12-й венцы и перекрывается бревном 13-го венца. В постройке 6 оконный проем прорублен в девятом—десятом венцах на ширину 60 см и перекрывается снаружи постройки доской-задвижкой, которая ходила в раме из досок, пришитых к постройке деревянными гвоздями. Таким образом, для срубных жилых построек древнего

Берестья характерно либо полное отсутствие окон, либо одно узкое окно в верхнем венце сруба. Окна такого типа сооружались в хозяйственных деревянных постройках в XX в.

Крыши у берестейских жилищ были тесовыми, двускатными. От них найдены характерные детали — кокошины («курицы»). Они имеют вид треугольной, поставленной на ребро доски, которая

Печь в постройке 59А

нижней зарубкой упирается в верхний венец боковой стены постройки. Верхняя зарубка кокошины удерживает поставленную на ребро доску, в которую упираются тесины кровли. Такие крыши сохранились и в быту XX в. Треугольный фронтон у такой крыши сооружался из «самцов» — бревен со скошенными концами, длина которых уменьшается с каждым венцом. В Берестье неоднократно встречались такие «самцы».

Печи в Берестье выявлены в 57 постройках. Наиболее часто сооружались глинобитные печи размером 1,2×1,4 м, 1,4×1,4 м. На глиняное основание клали толстую плаху, которую обмазывали толстым слоем глины и выжигали. Получалась как бы печь из одного цельного кирпича. Печи с применением

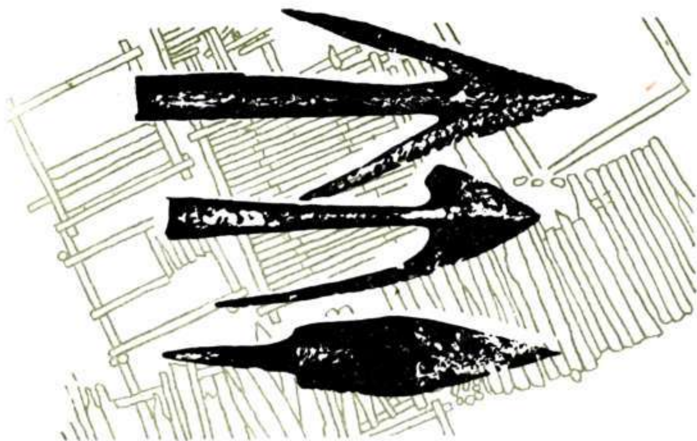
кирпича для укладки пода и части стен начали сооружаться с XIII в.

Уличные мостовые Берестья имели такое же устройство, как и во многих городах Древней Руси. Их поперечный настил уложен из широких и толстых сосновых досок. Иногда покрытие улицы укладывалось из тонких бревен. Уличный настил опирался на две—три лаги, уложенные вдоль направления улиц. Лаги в свою очередь опирались на бревна-подкладки, уложенные поперек направления улицы. По мере того как улицы заносились грязью и становились труднопроходимыми, поверх них укладывали новый настил. На северной и южной улицах выявлено по шесть уличных настилов, последовательно сменяющих друг друга.

Выявление сооружений Берестья представляет необычайно богатый фактический материал для изучения планировочных принципов и многих деталей застройки древнерусских городов. Во многих своих чертах сооружения типичны для городов лесной и лесостепной зоны. Застройка Берестья — наиболее богатый и полно представленный образец бытового деревянного зодчества Древней Руси.

СВИДЕТЕЛИ ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Летописи содержат сведения о политических событиях (походы князей, хроники семейной жизни князей) или описание необычных природных явлений, поразивших впечатление летописца (землетрясение, солнечное затмение, эпидемии, голод). Описания жизни города и горожан, его внешнего вида, экономического развития, занятий населения в летописях нет. Восстановить повседневную, в первую очередь экономическую, жизнь Древней Руси помогают находки из раскопок остатков древнерусских поселений. Каждый найденный предмет является своеобразным свидетелем своей эпохи, способным рассказать о той или иной стороне жизни его обладателей. Нужно только уметь «выслушать» его и «расспросить» о людях, его изготовивших, о той роли, которую они играли в их жизни. Однако при этом необходимо учитывать следующие обстоятельства. В культурном слое встречается далеко не весь набор предметов, сопутствовавших жителям в их повседневной жизни. Мы находим

лишь то, что было случайно утеряно, забыто или выброшено за ненадобностью. В культурном слое редко оказываются целые крупные предметы, которые трудно было утерять, или ценные изделия, к которым относились так же бережно, как и в наши дни. Нужно также учитывать способность культурного слоя сохранять попавшие в него изделия. В сухом и рыхлом слое, как правило, разрушаются все предметы из волокон тканей, кожи, дерева. И поэтому на многих археологических памятниках не сохраняются остатки застройки и целые категории предметов из самых разнообразных материалов. Это общее правило.

Однако бывают исключения. Если город погибал внезапно во время стихийного бедствия (Геркуланум и Помпея при извержении Везувия) или во время вражеского нашествия (Троя, Рязань, Райковецкое городище, Изяславль) и население не успевало спасти свое имущество, в слое оказывался весь набор предметов повседневного быта. Конечно, такие памятники представляют собой более полный и ценный источник сведений, однако они встречаются очень редко и их недостаточно, чтобы со всей полнотой представить общую картину жизни населения на обширных территориях.

Берестье по сохранности предметов представляет собой один из наиболее интересных памятников. Его культурный слой великолепно сохранил предметы из черных и цветных металлов, кости и кожи, дерева и тканей. Собранная в нем коллекция предметов самого различного назначения наиболее разнообразна и многочисленна, что позволяет характеризовать повседневную жизнь древнерусского города раннефеодального периода значительно полнее по сравнению с другими одновременными памятниками.

ЖЕЛЕЗО. ИНСТРУМЕНТЫ. ОРУДИЯ ТРУДА

Как и другие города Древней Руси, Берестье было средоточием высших технологических достижений ремесленного производства и основным центром по производству различного качественного инвентаря для населения прилегающих терри-

торий. Среди берестейских находок в первую очередь привлекают внимание орудия труда, инструменты, детали приспособлений, применявшихся при изготовлении необходимых в быту и жизни изделий, остатки мастерских и производственные отходы.

В слое XIV в. в Берестье вскрыты остатки кузницы с большим (2,2×1,25 м) кузнечным горном, сложенным из крупных валунов и кирпичей. Вблизи кузницы найдено большое количество шлаков. В постройке 66 расчищена печь-каменка, в развале которой найдена нижняя часть горшка, заполненная оплавившимся железным шлаком. По-видимому, здесь производились науглероживание железа и изготовление стали, необходимой для производства высококачественных орудий со стальным режущим рабочим краем.

О развитии разнообразных местных ремесел говорят также находки различных инструментов. В слое XII в. найден большой кузнечный молот весом 2,5 кг, в слое XV в.— кузнечные клещи. Инструментами кузнеца были небольшой бородок для пробивания отверстий и зубило для рубки металла.

О существовании в городе ремесла по обработке цветных металлов говорят находки глиняного тигелька для плавки металла, каменной литейной формочки, ювелирного пинцета (XI в.). Наиболее часто встречаются инструменты для обработки дерева, которое очень широко использовалось для изготовления предметов производственного, хозяйственного и бытового назначения.

В слоях разного времени найдены восемь топоров, два струга, шесть долот, три сверла, тесло и чертец для столярной разметки. В качестве инструментов и орудий труда использовались ножи и ножницы, веретена и ткацкие станки, многочисленные предметы, связанные с сельскохозяйственным производством. Все инструменты изготовлены из железа, а их рабочие грани — из стали.

Железо местные кузнецы получали от сельских металлургов в форме товарных криц. Производством железа занимались в основном сельские металлурги, ставившие свои домницы вблизи источников сырья — болотной, озерной или дерновой

железной руды, и вблизи лесных массивов, где выжигали необходимый для производственного процесса уголь.

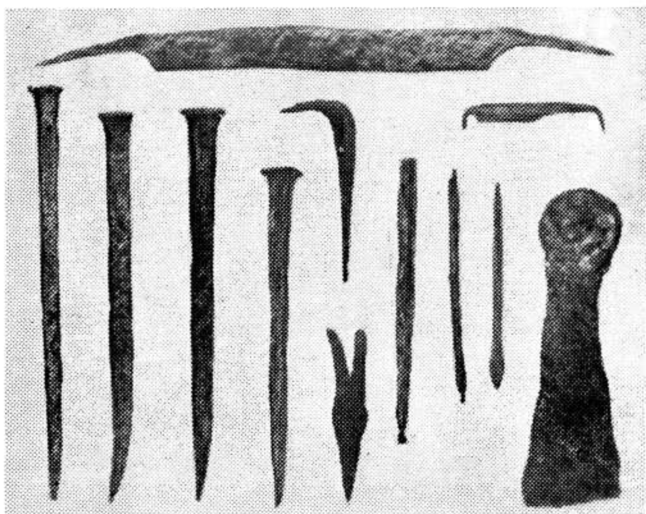
Железная руда (болотная, озерная или дерновая) широко распространена в северной части Восточной Европы. На Полесье часто встречаются деревни с названием Руда, Рудка, Рудня, что является напоминанием о разрабатывавшихся здесь в

Топоры

прошлом месторождениях железной руды. Просушенную и измельченную железную руду засыпали в цилиндрическую (диаметром 0,7—0,8 м, высотой до 1 м и выше) домницу, сложенную из глины, пересыпали слоями древесного угля, разжигали и с помощью нагнетаемого кузнечными мехами воздуха доводили температуру в домнице до 800—850 °С, при которой размягченное железо каплями стекало на дно домницы, образуя губчатую, перемешанную со шлаком массу-крицу. После завершения процесса внизу домницы разбирали часть стены, извлекали крицу и неоднократно проковывали ее, отжимая шлак. Так получалась лепешкообразной формы товарная крица весом 2,5—4,5 кг, поставлявшаяся городским мастерам по железообработке.

В Берестье неоднократно находили такие крицы. Но мягкое кричное железо, удобное в обработке и служившее прекрасным материалом для изготовления различных изделий, все же обладало серьезным изъяном, оно было недостаточно твердым. Для устранения этого недостатка на железную основу кузнецы методом кузнечной сварки

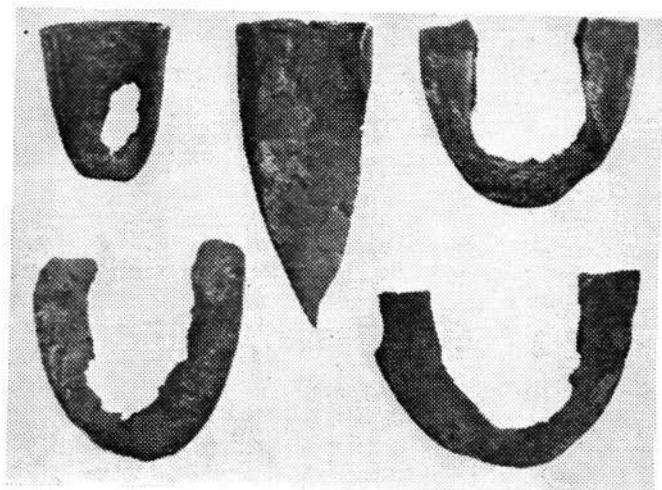
Деревообрабатывающие инструменты: струги, долота, сверла, тесло, чертилки

стали наваривать стальное лезвие или рабочую грань.

Городские ремесленники могли изготавливать сталь методом дополнительного науглероживания кричного железа. Мелконарубленное железо засыпали в глиняный сосуд вместе с измельченными органическими веществами (рога, копыта), которые при сгорании выделяли большое количество углерода, герметически закрывали сосуд и ставили в печь с высокой температурой. При этом органические примеси сгорали, обильно выделявшийся углерод насыщал железо. Так получали сталь, т. е. железо с повышенным содержанием углерода, имевшее по сравнению с обычным железом значи-

тельно большую твердость, что делало его пригодным для использования в качестве режущих кромок и граней на железных орудиях.

Однако целиком из стали орудия еще не делали из-за несовершенства технологии изготовления и недостаточной доступности. Сталь описанным способом получали в небольших количествах. Изготовление ее требовало дополнительных затрат,

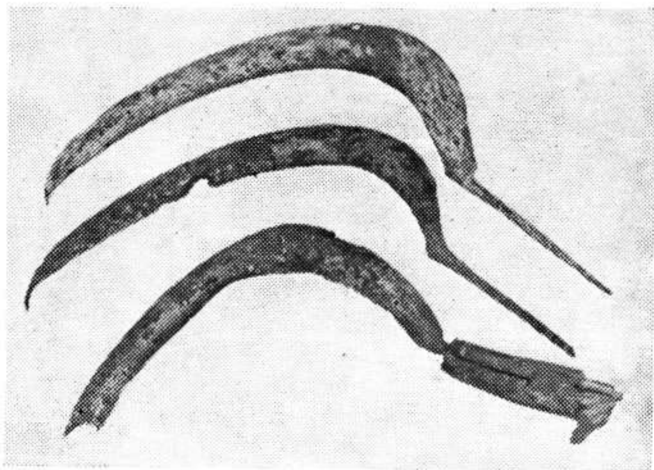
Сошники, оковки лопат

квалифицированного труда, и это повышало ее стоимость. Кроме того, изготовленные целиком из стали орудия были недостаточно прочными. Поэтому ремесленники Древней Руси основу изделия изготавливали из железа, а его рабочие части — из стали, применив при этом кузнечную сварку.

Железное изделие, получив стальное лезвие, приобретало необходимую твердость и остроту, а стальная пластинка лезвия, наваренная на железную основу,— дополнительную прочность. Такие стальные наварные лезвия получали многие инструменты и орудия древнерусского быта — топоры, косы, серпы, ножи, ножницы, мечи, наконечники копий и стрел. Ножи в XI—XII вв. изготавливали

трехслойными, со стальной пластинкой посредине, обложенной по бокам железными полосками.

В дальнейшем с усовершенствованием процессов сварки ножи стали изготавливать не из трехслойного пакета, а накладкой стального лезвия на железную основу, что давало в поперечном сечении прямой сварной шов (так называемая торцевая на-

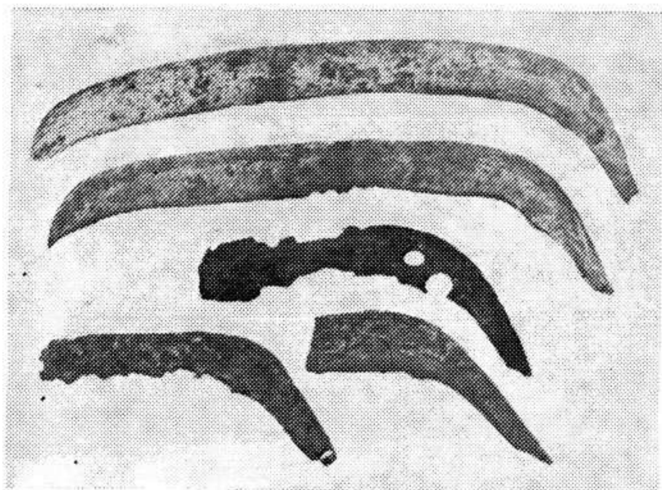
Серпы

варка). В XIV в. она была также заменена косой боковой сваркой основы и лезвия.

Особую группу находок составляют орудия сельскохозяйственного производства. Из черного металла изготовлены наконечники упряжных пахотных орудий — наконечники бесподошвенного рала и сошника, оковки лопат, важнейшие орудия уборки урожая и заготовки кормов — серпы и косы. Все эти предметы дают представление о труде древнего земледельца — пахаря, жнеца, косаря. Один из наральников сработан так сильно, что на его рабочей поверхности образовалось сквозное отверстие.

Металлические оковки лопат предназначались для улучшения рабочих качеств деревянных лопат, применявшихся в основном на огородных работах.

В Берестье в слоях XI—XV вв. найдено 20 серпов, большинство из них — в слоях XIII в. Серпы более раннего времени отличаются небольшими размерами (25—30 см), широким лезвием, крутым изгибом в задней части лезвия и большим углом отгиба рукояти. Они имеют хорошие рабочие показатели и близки по форме серпам так называемого волынского и киевского типов.

Косы

Коса-горбуша служила для заготовки кормов и могла использоваться для уборки урожая отдельных культур (горох, гречиха, вика). В Берестье найдено семь кос. Они относительно невелики по размерам (42,5—45 см), имеют широкое лезвие (до 50 см) и небольшой круто отогнутый черешок, по этим показателям могут быть отнесены к южному типу кос.

ОРУЖИЕ

Как военно-оборонительный пункт Берестье занимало важное стратегическое положение и контролировало основные водные пути с юга на север

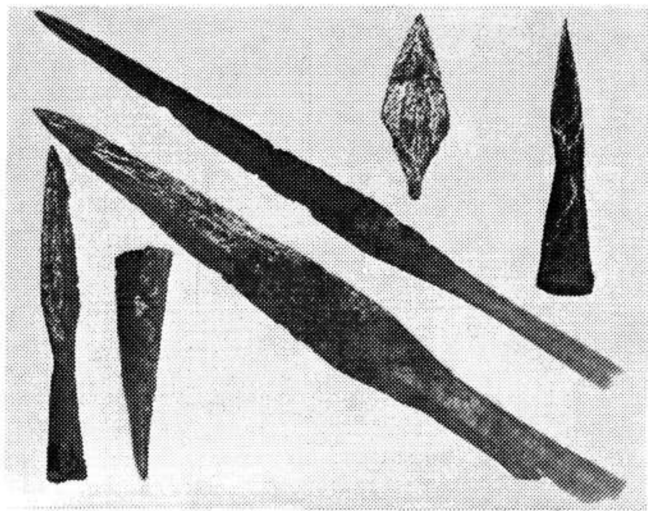
по Западному Бугу и с востока на запад по Мухавцу. Пограничное положение приводило к постоянным стычкам и нападениям и ставило Берестье в положение центра обороны окрестных территорий и западных рубежей Древнерусского государства.

По летописным сведениям в XI—XIII вв. прослеживаются постоянные набеги на Берестье польских, литовских, ятвяжских отрядов. В свою очередь Берестье становится опорным пунктом обороны и организации ответных походов. В летописях неоднократно упоминаются работы в нем по восстановлению или укреплению оборонительных сооружений. В таких условиях каждый взрослый житель Берестья должен был быть в постоянной боевой готовности, иметь боевое снаряжение, уметь владеть им и быть мужественным защитником своего города.

Свидетельством готовности берестейцев к обороне являются найденные предметы вооружения — наконечники копий, стрел, фрагменты кольчуги и пластинчатого панцыря, булавы, кистень, шпоры, стремена. Копье — один из самых важных и распространенных видов оружия древнерусского воина. В Берестье найдено пять накснечников копий и один вток от копейного древка. Один из втульчатых наконечников — тяжелый и массивный, длиной 39 см, от копья-рогатины, применявшийся пешим и конным воином в бою и на охоте для нанесения тяжелых колотых ран. Один из плоских наконечников ромбовидной формы с загнутым черешком предназначался для снаряжения легкого метательного копья-сулицы. Вток надевался на тыльный конец древка, с его помощью копье втыкалось в землю, и древко было сухим и чистым и не скользило в руке воина.

В ближнем бою применялись также мечи и булавы. Мечи — крупное и ценное оружие воина-профессионала, редко встречаются в числе утерянных предметов. В Берестье в слое XIII в. найдено только железное перекрестье меча. Из оружия ближнего боя в Берестье в слое XI—XIII вв. найдены две свинцовые булавы и костяной кистень (XIII в.). Помимо этих специфически военного назначения

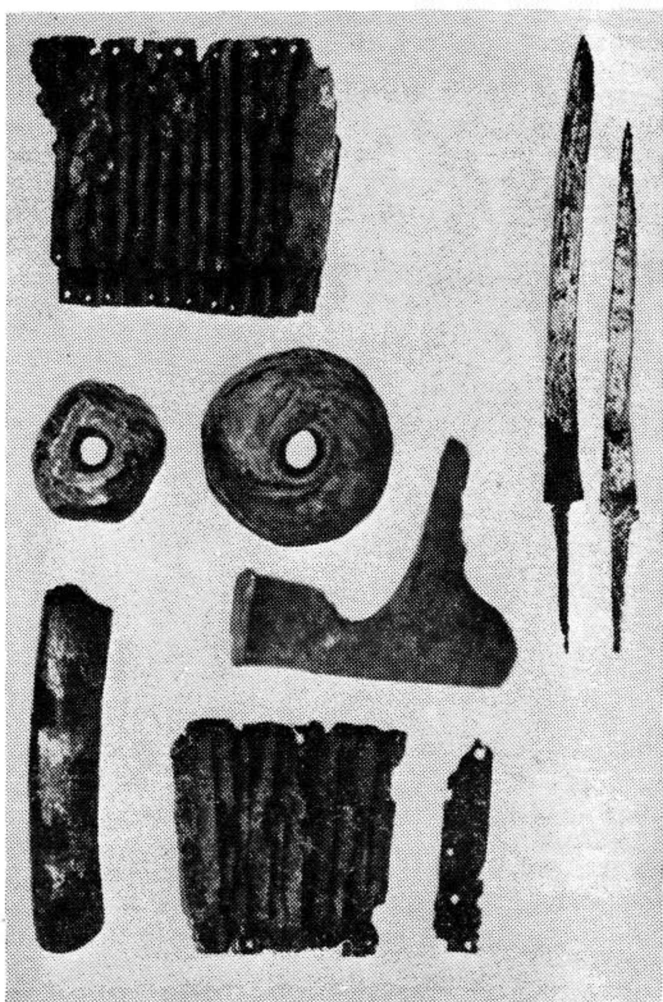
предметов в ближнем бою могли применяться обычные хозяйственные топоры (особенно более легкие) и длинные ножи-«засапожники». В слое XI в. найдено два таких ножа с длиной лезвия 17,5 и 21 см, из оружия дального боя — 21 наконечник стрел лука и арбалета, костяные накладки и курки арбалета. Арбалетные наконечники стрел найдены в основном в слоях XIV—XVI вв., наконечники стрел

Наконечники копий, рогатины, вток древка копья

для луков — в слоях XII—XVI вв. Кроме того, найдено пять костяных наконечников стрел, применявшихся на охоте на мелкого пушного зверя.

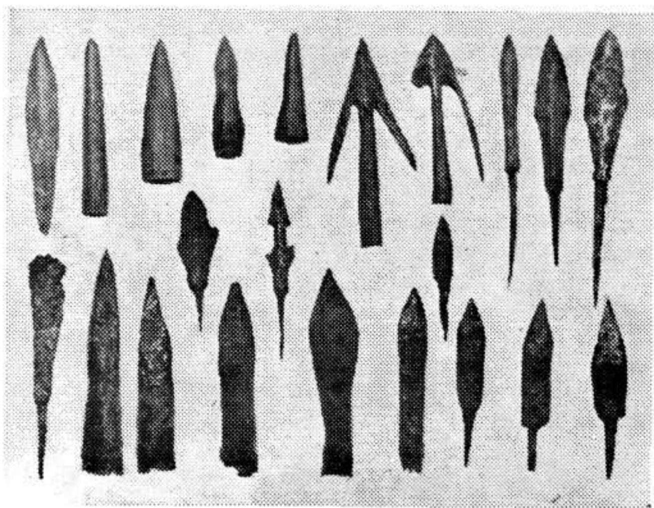
Наконечники стрел для лука и арбалета разделяются на две хронологические группы. В XII—XIII вв. применялись в основном втульчатые и плоские черешковые наконечники стрел для лука. Наконечники арбалетных стрел и бронебойные черешковые граненые наконечники стрел для лука датируются XIV—XVI вв. Очевидно, в XII—XIII вв. применялись наконечники стрел, достаточно эффективные для поражения воинов, не защищенных оборонительным снаряжением. По-видимому, в

Предметы вооружения: перекрестье меча, булавы, топор, пластинчатый доспех, боевые ножи

XIII—XIV вв. произошло резкое усиление защитного снаряжения профессиональных воинов, что потребовало совершенствования старого (лук) или использования нового оружия для успешной борьбы с воинами, защищенными более тяжелым оборонительным снаряжением.

Защитное вооружение воинов Древней Руси включало щиты, шлемы, кольчужные и пластинчатые доспехи. Кольчуга имела форму рубашки, сплетенной из металлических колец диаметром 10—13 мм из проволоки толщиной около 1,5 мм. Она была гибка и удобна и весила 10—13 кг. В Берестье обрывки кольчужного полотна и отдельных колечек кольчуги встречены в слоях XI—XIII вв.

Наконечники стрел, арбалетных болтов

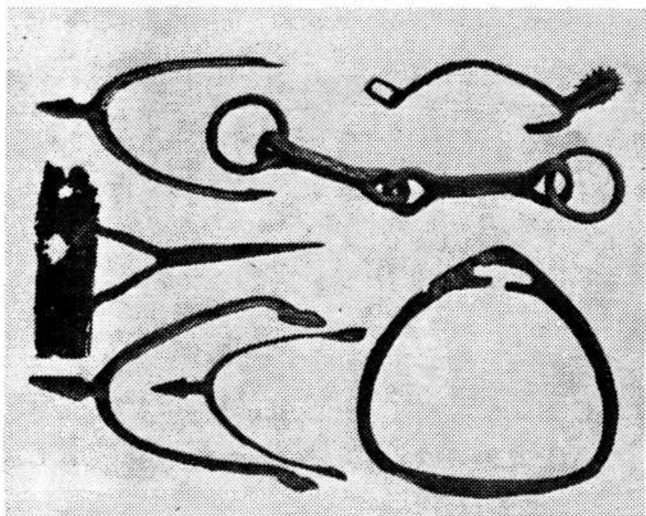
четыре раза. Кольчуга — дорогостоящее защитное вооружение, она была доступна главным образом воинам-профессионалам из феодальных социальных верхов.

В постройке, датирующейся XIII в., выявлены остатки другого вида защитного снаряжения — пластинчатого доспеха. Пластинки панциря имеют размер 8×1,8 см, по краям их пробиты отверстия для крепления к основе. Пластинчатый панцирь в Древней Руси применялся реже, чем кольчуга.

Важная роль в древнерусском войске принадлежала коннице. Снарядить всадника и коня было трудоемким делом (шпоры, стремена, удила, под-

ковы, скребницы и т. д.). В Берестье найдено 38 шпор (целых и обломков), шесть стремян, семь удил, две скребницы.

Шпоры были в основном двух видов — с шипом и колесиком-репейкой (появляются с XIII в.). Иногда шпоры орнаментировались с помощью различных видов чеканки, боковые их ветви инкрустировались зачеканенной медной или серебряной про-

Снаряжение всадника и боевого коня: шпоры, стремя, удила, скребница

волокой, редко точечным орнаментом из меди и белого металла. Такие шпоры, несомненно, стоили дорого и были доступны лишь представителям социальной верхушки — князьям, их дружинникам, знатным горожанам.

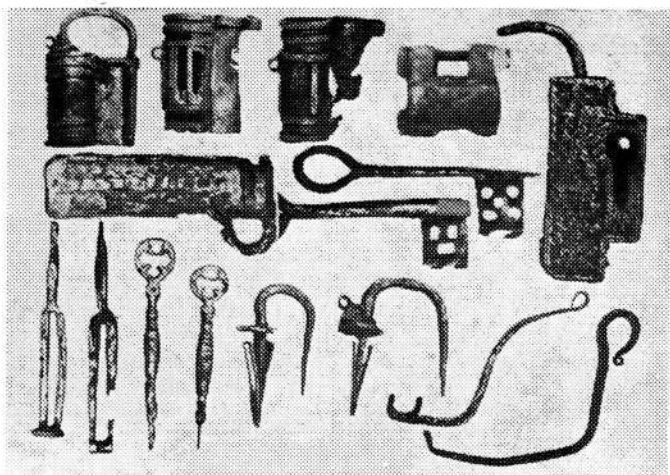
Стремена встречены нами в пластах XI—XIII вв., изготавливались они под мягкую обувь без каблуков, имели овальную подножку, иногда покрывались полудой или богато орнаментировались поперек ветви медной проволокой или полосками золотистой бронзы. Работа сложная и тонкая.

Из семи удил пять относятся к XI в. Все удила

принадлежат к типу двухчастных составных. Они применялись для управления боевым конем. В слое XIII в. найдены три скребницы для чистки коня, а в пластах XII—XIV вв.— подковы с плоскими ковочными гвоздями (встречаются с XI в.).

БЫТОВЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Одну из самых многочисленных коллекций из черного металла в Берестье составляют различные запирающие устройства. В раскопках найдено 38

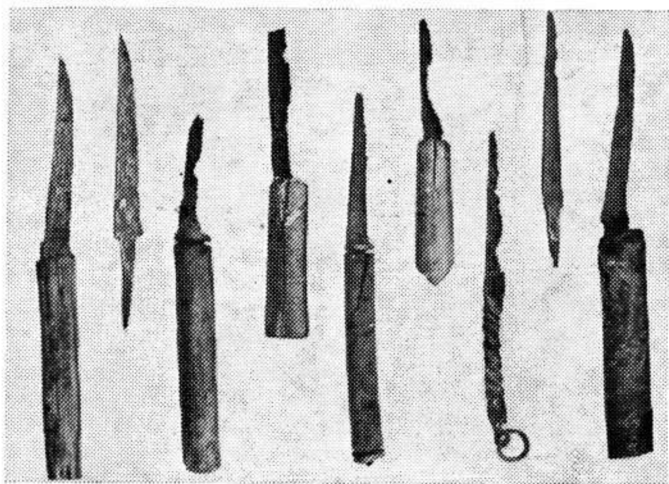
Замки, ключи, запирающие дужки

замков, 48 ключей, 39 пружинных запирающих дужек от цилиндрических замков, один деревянный замок, четыре плоские стальные пружины от внутренних замков, три металлические накладки-личины к ним.

Русские цилиндрические замки в комплексе с запирающей пружиной дужкой и ключом представляли собой сложное изделие. С одной стороны цилиндрического корпуса замка имелось отверстие для ключа, а в противоположном донышке — отверстия для плоских пружин запирающей дужки, точно подогнанные под размеры и форму расположения пружин по дужке. Ключ также имел отвер-

стия, точно совпадающие с расположением пружин на запирающей дужке.

При закрывании замка пружины дужки сжимались, проходя отверстие в донце, и расширялись, пройдя его, не позволяя вынуть назад запирающую дужку. Открыть замок можно было только с помощью ключа, отверстия которого при вдвигании ключа в замок сжимали пружинки запирающей дужки. Комплект из замка, запирающей дужки и ключа был индивидуальным. Для его изготовления

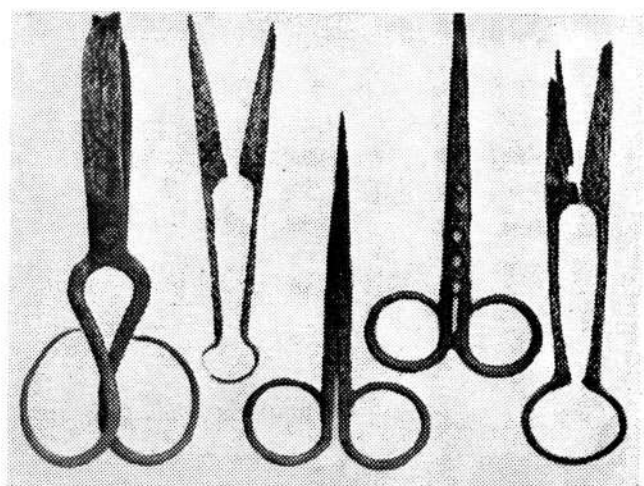

Ножи

нужно было соединить методом пайки, клепки, лужения и других технологических приемов от 30 до 50 деталей. Часто замки покрывались меднением, украшались узорами из различных накладок. С течением времени в замках применялись различные усовершенствования, менялась их форма. Встречаются и замки редких форм. Иногда замки-щеколды изготавливались из дерева и открывали их изогнутыми коленчатыми ключами, применялись и внутренние замки со стальной плоской пружиной. В Берестье найден и ключ очень редкой формы — винтовой.

Из предметов бытового назначения в Берестье найдено свыше ста ножей. Ножи из пластов XI—

XII вв. имеют средние размеры лезвий 65—80 мм, ножи более позднего времени — 90—107 мм. Чаще встречались ножи с деревянной рукояткой из березового капа или из прямослойной древесины лиственных пород, значительно реже — с костяной. Иногда деревянные рукояти имели костяные плоские накладки со стороны лезвия или с обоих сторон колодочки. В Берестье найдено восемь ножниц двух

Ножницы

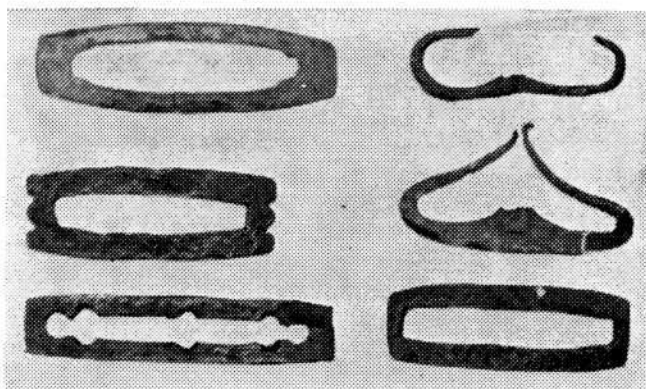
типов — пружинные и шарнирные. В пружинных концы ножек лезвий соединены пружиной. В шарнирных два режущих лезвия соединяются осью-шарниром. Иногда рычаги и кольца шарнирных ножниц украшались насечками и выемками.

Необходимым в повседневном быту изделием были так называемые кресала, своеобразные зажигалки. С их помощью ударами по кремнию добывали огонь. В Берестье в слоях XIII—XV вв. было найдено шесть кресал. Кресала были калачевидными или прорезными и обязательно имели наварную твердую стальную полоску, так как мягким железом невозможно из кремния высечь искру.

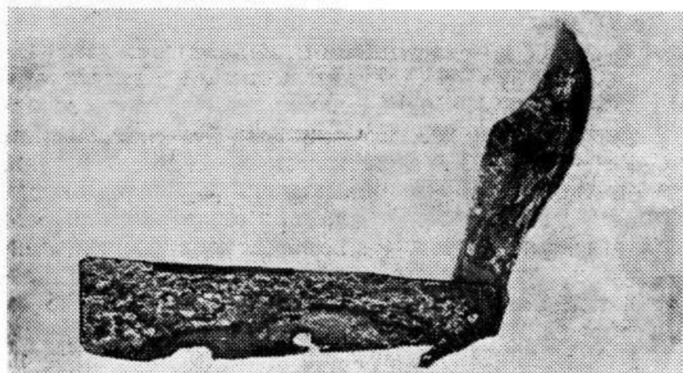
В Берестье в слоях рубежа XI—XII вв. и первой

половины XIII в. найдены очень редкие и интересные предметы бытового назначения — бритвы. В материалах древнерусских городов они известны только в Новгороде. Их находка освещает одну из сторон быта древнерусских горожан, которые имели и тогда право выбора: ходить с бородой или без нее. Была, конечно, и тогда мода, были и модники...

Из черного металла изготавливались также рыболовные принадлежности: блесны, остроги, крючки. Крючки предназначались для ловли очень

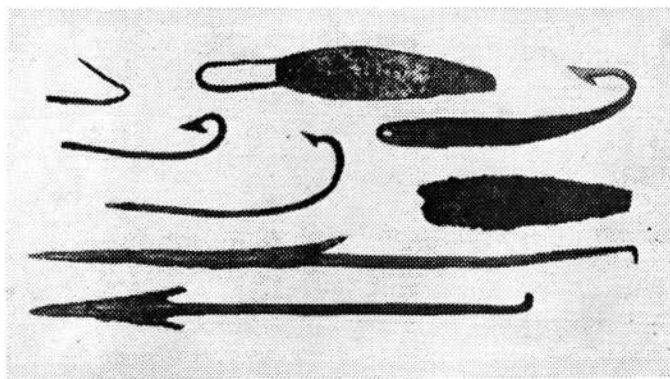

Кресала

Бритва

крупной рыбы и имели размеры 44—123 мм по длине крючка и 22—47 мм по диаметру дуги. Железные блесны из XIII в. имели длину около 140 мм, ширину 27—29 мм и диаметр дуги крючка 44 мм. Одна из них сохранила следы оловянной полуды по всей поверхности. Из орудий рыболовства найдены большие (27—31,2 см) остроги, применявшиеся для закола крупной рыбы. Остроги

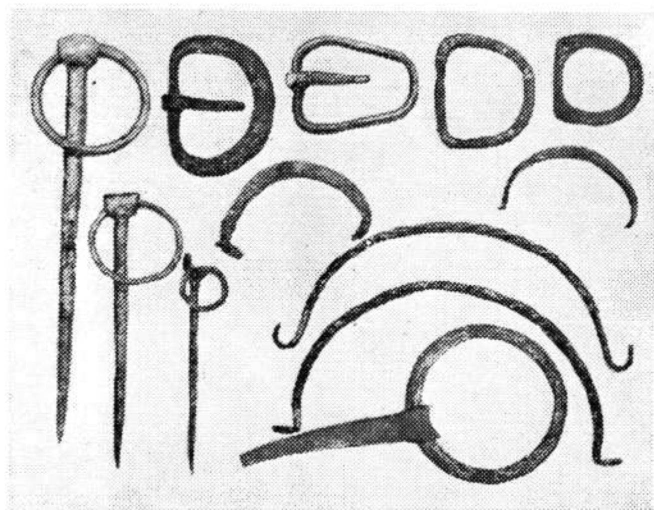
Рыболовные принадлежности: гарпуны, крючки, блесна

найдены в пластах XI — первой половины XIII в., а крючки и блесны — в слоях XIII—XIV вв.

Из черных металлов изготавливались различные принадлежности костюма — пряжки, поясные кольца, булавки для скрепления верхней одежды, подковки для обуви с каблуком в более позднее время (XIV—XVI вв.). Значительное количество составляют предметы хозяйственного и бытового назначения — шилья круглые и ромбические в сечении, ведерные обручи и ручки, подвесные ушки и скобы, пробои и дверные кольца, применявшиеся вместо современных ручек. Одна из самых многочисленных находок из черных металлов — кованые гвозди с клиновидным стержнем длиной 3,5—12,5 см и широкой откованной шляпкой.

Краткое перечисление найденных предметов из черных металлов показывает, насколько широк был диапазон изготавлявшихся предметов и како-

го высокого мастерства достигли древнерусские ремесленники в кузнечной обработке черного металла. Они владели сложнейшими технологическими приемами кузнечной ковки и сварки железа и стали, термической обработки стали (закалка, закалка с отпуском), резки, пайки и клепки металла, различными способами его художественной обработки (чеканка, полуда, меднение, инкрустация).

Принадлежности костюма (пряжки, булавки). Бытовые изделия (подковки, ведерные ручки, дверное кольцо)

Большинство предметов и изделий высококачественного производства, несомненно, было изготовлено в мастерских высококвалифицированными специалистами-профессионалами. По общему уровню производства высококачественных изделий, сложности технологических приемов, знаний и умений древнерусские городские ремесленники не уступали своим коллегам из стран Западной Европы, а по отдельным видам (русские цилиндрические замки) и превосходили их. В то же время в повседневном быту использовалось немало предметов и изделий, доступных по уровню производства начи-

нающему ученику и ремесленнику низшего уровня подготовки.

Высококачественная продукция городских ремесленников предназначалась не только для использования в условиях городского быта, но и для обеспечения потребностей населения прилегающих и более отдаленных районов сельской местности.

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ

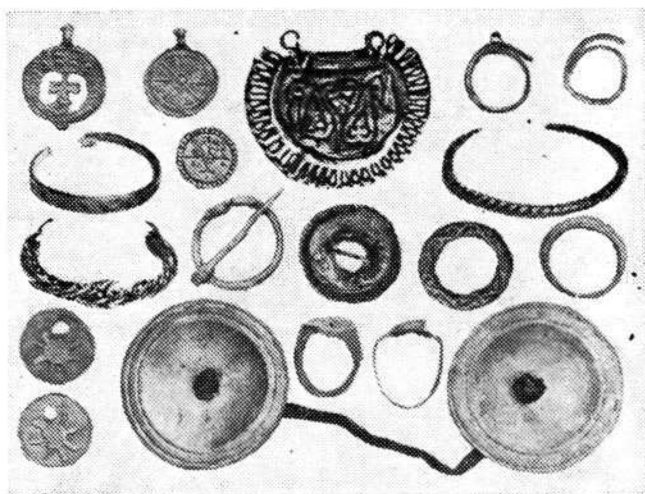
Из цветных металлов изготавливались самые разнообразные изделия различного назначения — женские украшения, принадлежности костюма, предметы христианского культа, военного снаряжения и др.

Женские украшения составляют самую многочисленную категорию изделий из цветных металлов. Наши находки еще раз подтвердили исконный интерес женщин к украшениям, вызвавший к жизни самостоятельную отрасль ремесла — ювелирную, немало способствующую совершенствованию технологии обработки цветных металлов. В Берестье найдены различные виды женских украшений — перстни, височные кольца, браслеты, привески, бусы, пряжки, застежки. Колт — одно из наиболее редких и ценных женских украшений в Древней Руси. Обычно он изготавливался из благородных металлов, украшался изображениями птиц в яркой и многоцветной гамме, в технике перегородчатой эмали или тиснения. Колты носили у висков, прикрепленными к головному убору. Изготовленные из двух створок, пустотелые внутри, они заполнялись благовонными ароматическими веществами. Такие колты представляли собой произведения ювелирного искусства, имели огромную ценность и были доступны только представителям высшей феодальной знати. Они найдены в Киеве, Чернигове, Рязани в слоях со следами монголо-татарского нашествия.

Недоступность дорогих украшений широким слоям вызвала появление подражательных изделий из более дешевых материалов и более примитивной техники изготовления.

Берестейский колт имеет форму круга с отсе-

ченным сегментом, изготовлен из биллонового сплава на основе серебра, на его корпусе в технике штамповки вытеснены изображения крinов — прорастающих растений, символа силы, роста, процветания. Вокруг корпуса идет ободок, состоящий из волнистого орнамента, заключенный в ободок из прямой проволоки. Колт подвешивался на двух парах круглых колечек, припаянных к верхней

Ювелирные изделия (колт, привески, браслеты, перстни, височные кольца, пряжки, застежка)

части корпуса. Как и у более дорогостоящих колтов, его корпус полый, спаянный из двух боковых пластин, мог наполняться ароматическими веществами. Он найден в слое рубежа XI—XII вв. и является одним из самых ценных предметов в берестейкой коллекции женских украшений. Очень похожее украшение обнаружено в слое XI в. в Новгороде Великом. Второй колт найден уже во время строительства павильона в слое XIII в. Он имеет более скромную форму, напоминающую пятилучевую звезду, отходящую от прямоугольного полого, спаянного из двух пластин корпуса. Он подвешивался на проволочной дужке.

К числу наиболее распространенных видов женского головного убора у славянских племен принадлежат височные кольца. Каждому из племен свойственна особая, только этому племени присущая форма височных колец. У дреговичей были распространены круглопроволочные полутораоборотные височные кольца, встречавшиеся также у волынян и древлян. По нескольку штук ленточками или ремешками крепились они к головной повязке или вплетались в волосы у обоих висков.

В Берестье в слоях XI—XIV вв. найдено 14 перстнеобразных и полутораоборотных височных колец диаметром 1,5—2,5 см, изготовленных из круглой тонкой проволоки. У перстнеобразных колец концы спаяны, у полутораоборотных заходят друг за друга.

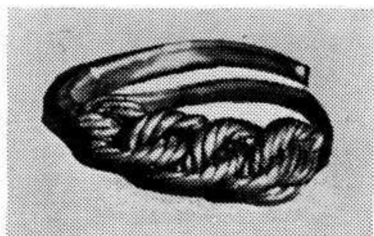
В небольшом количестве встречены монетовидные привески. Их носили в составе ожерелий или отдельно на ремешке. Они имели значение амулета-оберега, часто на них наносились изображения небесных светил, а в более позднее время — символов христианского культа или святых.

В пластах XIII—XIV вв. найдено восемь круглых монетовидных привесок. В одну из них врезан четырехконечный равносторонний крест, на другой из слоя XI в. в центре — круг с точкой, от которого отходят восемь лучей, а между лучами — треугольники из шести точек. На третьей монетовидной привеске из слоя начала XIII в.— прочеканенный равносторонний четырехконечный крест в ободке из выпуклых точек, а у конечностей креста прочеканены короткие перекладины. В слое XI в. найдены полая четырехгранная бусина, украшенная точечным орнаментом в технике литья, и ажурная небольшая бусина с напаянными на нее шариками. В слое XIII в. встречена крупная (диаметром 4 см) ажурная бусина.

При раскопках находили браслеты. В слое XII—XIII вв. найдено 13 браслетов различных типов — пластинчатые, проволочные, витые, ложновитые, изготовленные из бронзы и белого металла. Пластинчатые часто украшены орнаментом, у литых концы иногда имеют форму змеиной головки.

Перстни также широко представлены. Простей-

шие их формы — круглопроволочные — очень схожи с височными перстнеобразными кольцами. Перстни с утолщенной серединой и разомкнутыми концами найдены в Берестье в слое XI—XII вв. Наиболее интересен золотой перстень из слоя начала XIV в., плетеный из шести двойных проволочек, прокованных на концах в прямоугольный сужающийся дрот. Концы перстня заходят друг за дру-

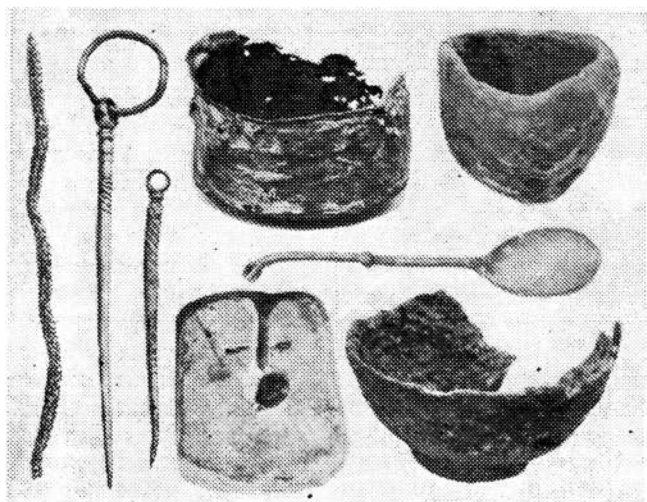
Золотой перстень

га. Такой перстень есть и из слоя этого же времени в Новгороде. Перстни с овальным щитком и овальной вставкой в овальном щитке найдены в слоях XII — начала XIII в.

Из цветных металлов изготавливались различные принадлежности костюма — булавки, фибулы, пряжки, применявшиеся для скрепления деталей верхней и нижней одежды и прикрепления к ней различных предметов. Найденные в слое XII в. бронзовые булавки с кольцевидными подвижными головками представляют собой конический стержень длиной 8—10,4 см, верхняя часть которого имитировала витье. Значительно чаще встречаются различные фибулы-застежки. В слое XII в. найдена медная литая подковообразная фибула со звездообразными головками на квадратных ножках. Такие фибулы характерны для западной Прибалтики.

Две небольшие бронзовые фибулы из круглой проволоки с завернутыми в спираль концами извлечены из слоя в XI—XII вв. Всего в слоях XII в. найдено пять кольцевидных круглопроволочных и пластинчатых фибул. В 1976 г. в слое встречена парная дисковидная фибула для верхней одежды,

в которой оба бронзовых диска соединены ремешком. До этого случая отдельные находки подобных дисков признавались чашечками подсвечников. Диски фибулы диаметром 6,4 см имеют с лицевой стороны двойной углубленный ободок у края диска и вогнутую середину с отверстиями диаметром 0,6 см. Через отверстия продет ремешок, концы которого завязаны узлами, не позволяющими ремеш-

Изделия из меди и бронзы (цепочка, булавки, сосуд, кадильница). Инструменты ювелира (тигелек, литейная формочка)

ку выскользнуть из отверстия дисков. Такие фибулы продевались в петли (или прорези) верхней одежды. К принадлежностям костюма относятся найденные в слоях XI—XII вв. поясные бронзовые кольца и полукруглые пряжки, цепочки, плетеные из тонкой бронзовой проволоки или из тонких узких полосок. В слое XIII в. найден набор бронзовых поясных украшений из девяти предметов. В наборе имеются украшения в форме овала, розетки, спаренных кринов и т. д.

Часто попадались при раскопках различные предметы христианского культа — крестики, иконки, лампадки и т. д. Крестики двух типов — крест-

складень, состоявший из передней и задней створок и предназначенный для хранения мощей, так называемый энколпион, и крестик нательный. Бронзовый энколпион найден в слое XIV в. Это лицевая створка четырехконечного креста размером 8,6×
×6,4 см со слегка расширяющимися концами, гладкой передней и боковыми поверхностями. Изображения на лицевой створке вырезаны резцом и за-

Культовые предметы: бронзовый крест-энколпион, створка свинцового креста-квадрифолия, свинцовая иконка Богородицы Оранты, свинцовый змеевик

полнены чернью. В центре креста — распятие с нимбом над головой, справа от распятия — изображение богоматери, слева — Иоанна Крестителя. Под руками распятия надпись IC—XC (Иисус Христос), над нимбом распятия — равносторонний крест с полукруглой надписью над ним ОДУС. Надпись не расшифрована, возможно, крайние знаки являются монограммами солнца и луны, символа вселенной, подвластной богу. Сочетание светлой бронзовой основы креста и темного черненого изображения производило яркое впечатление. Передняя створка имела форму коробочки и соединялась с аналогичной задней, образуя пространство, в кото-

ром хранились реликвии. Кресты-энколпионы были широко распространены в Древней Руси. Но прямых аналогий берестейскому энколпиону в древнерусских коллекциях нет. Изготовленные в аналогичной технике кресты датируются XII в.

В слое XIV в. найдена задняя створка свинцового креста-мощевика, изготовленная в форме так называемого квадрифолия. Широкие закругленные перекладины выходят из большого квадратного средокрестия, углы которого выступают у стыка перекладины. Поверхность створки гладкая и плоская, и на ней нет никаких изображений, лишь неаккуратно в одну линию резцом или ножом прочерчен четырехконечный крест. Аналогичные по форме кресты получают распространение с XIV в.

В слое XIII в. найдена круглая свинцовая односторонняя иконка с поясным изображением Богородицы Оранты (Благославляющей) с воздетыми руками. На лицевой стороне в обрамлении трех поясов из мелких и крупных точек отлито из свинцового сплава рельефное изображение Богородицы. После отливки основные линии лица, рук, одежды дополнительно проработаны резцом и украшены орнаментом из мелких шариков зерни, напаянной по контуру нимба и вокруг изображения в один ряд, а вдоль складок и выреза плаща — в два ряда. Изображение очень четкое, выразительное и реалистичное. Над правым и левым плечом изображения — монограмма богородицы «M͠q—ΘV͠» с титлами, буква Р в монограмме над правым плечом дана в зеркальном изображении. В форме она, конечно, была вырезана в прямом изображении. Иконка не имеет подвесного ушка или других приспособлений для закрепления. Очевидно, она служила вставкой, входила в состав чина (многофигурная композиция с изображениями святых) и крепилась к какому-либо изделию обоймой. Аналогий этой иконке в древнерусских материалах нет. Литье в каменных формах с зеркальным изображением надписей бытовало в Киевской Руси с середины XIII в.

В слое конца XIII — начала XIV в. недалеко от предыдущей иконки была найдена свинцовая дисковидная двусторонняя иконка-змеевик. На ее

лицевой стороне—поясное изображение Богородицы Знамение с воздетыми руками и маленькой фигуркой Иисуса Христа у пояса. Над правым плечом — зеркальное изображение буквы Р, над левым зона повреждена. Изображение заключено в два ободка с зигзагообразным орнаментом между ними. На оборотной стороне иконки в обрамлении пояска из 31 точки дано изображение бычьей (?) головы с отходящими от нее на длинных тонких змеиных туловищах 12 змеиных голов (отсюда и название — змеевик). Змеевик имел значение амулета, оберега, защищавшего своего хозяина от болезней, бед и несчастий. Изображение на одной стороне христианских символов, а на другой — языческих отражало биритуальные представления в древнерусском обществе, когда господствующей официальной религией стало христианство, но еще окончательно не отжили языческие представления. Очень близкая аналогия этому змеевику найдена в Новгороде в слое начала XIV в.

Из цветных металлов изготавливались и другие предметы религиозного культа. В слое XV в. обнаружена бронзовая кадильница полусферической формы на низком поддоне с тремя ушками для подвешивания по верхнему обрезу. Подобная кадильница известна в древностях Киева. В слое XIV в. найден обломок нижнего края небольшого бронзового колокола, в слое XI в.— небольшая бронзовая ложечка, которая использовалась, очевидно, во время причастия. В слоях XI—XIV вв. встречены выпукло-вогнутые бронзовые чашечки подсвечников с отверстием в центре для острия, на которое насаживались свечи. На отдельных чашечках внешняя поверхность украшена рельефным орнаментом.

Встречались и изготовленные из цветных металлов различные предметы бытового назначения. Из свинца делали рыболовные грузила двух видов — литые и свернутые из свинцовой пластинки. В слоях XI — начала XIV в. найдены конические или овальные в сечении свинцовые грузики диаметром 2—3 см с отверстием в центре 0,4—0,9 см. Они могли использоваться при прядении и выполнять роль пряслиц. По другим предположениям служили пуговицами верхней грубой одежды.

В слое XIII в. собрана масса обломков медных клепаных котлов для приготовления пищи, а в слое конца XIII в. найден маленький (4×7 см) цилиндрический сосуд, склепанный из красной меди. В этом же слое встречен поясной набор из девяти предметов. Из бронзы изготовлена крупная рыболовная блесна (длиной 14 см, шириной 2,7 см), найденная в слое начала XII в. В слое XI в. обнаружены свинцовая орнаментированная пластинка и крючок, согнутый из такой пластинки, в слое XII в.— бронзовая пружина от внутреннего замка, а в слоях XII и XV вв.— фрагменты бронзовых шпор с коническим шипом и репейкой. Из бронзы отлиты стили из слоя XIII—XIV вв. и книжные застежки (XI в.). В слое XI в. найдены свинцовая вислая печать и свинцовые товарные пломбы так называемого дрогичинского типа.

Краткое перечисление находок из цветных металлов говорит о широком использовании этого материала для изготовления предметов различного назначения. Где же производились все эти предметы?

Обработка цветных металлов и изготовление значительного количества найденных предметов, несомненно, производились в самом Берестье. Об этом говорят находки исходного сырья, необходимого для производства инструментов и готовых изделий. В слоях XI—XIII вв. неоднократно находили бесформенные куски свинца, из которого могли отливаться различные предметы. В слое XI в., например, найден кусок медной проволоки, совершенно аналогичной той, из которой изготовлен каркас дреговичской бусины, обнаруженный здесь же. Из слоя XV в. извлечен глиняный тигилек для плавки металла с остатками расплавленной меди на его стенках, из слоя XIII в.— куски свинца, которые могли служить подушками для обработки на них ювелирных изделий, а из слоя XI в.— ювелирный пинцет. В слое XIII в. найдена каменная литейная формочка. Учитывая невысокую температуру плавления свинца и меди, наличие сырья, инструментов и несложность отливки изделий, можно сделать заключение о местном изготовлении многих изделий из цветных металлов. Несомненно,

местного изготовления свинцовые грузила и грузики, отдельные виды браслетов, привесок, перстней, височных колец, дреговичская бусина, накладки, простейшие фибулы и свинцовые иконки. Местные мастера вполне могли заниматься полудой и меднением изделий из черных металлов, изготовлением различных видов браслетов.

СТЕКЛО

Стеклянные изделия в Берестье немногочисленны. Наиболее крупную группу составляют обломки стеклянных браслетов (578), значительно меньше стеклянных бус (59), в единичных экземплярах найдены стеклянные перстни (3), стеклянные вставки к металлическим перстням (2) и обломки стеклянных сосудов (20). По количеству стеклянных изделий Берестье уступает большинству древнерусских городов, исследовавшихся археологами. Здесь не выявлено следов местного стекольного производства, все стеклянные изделия привозные.

Стеклянные браслеты были излюбленным женским украшением в Древней Руси. Известно несколько мастерских по их производству в крупнейших ремесленных центрах. Из-за хрупкости и недолговечности значительное количество их обломков попадало в культурный слой. Берестейские браслеты привезены сюда, очевидно, из Киева, к которым близки по цветовой гамме и форме. Наиболее распространены коричневые браслеты (25,4%), менее зеленые (19,9%), бирюзовые и черные (16,7%). По форме самыми распространенными были крученые (45,8%) и гладкие (43%) браслеты. Распределение браслетов по пластам показывает, что в поздних слоях преобладают браслеты коричневого и зеленого цветов, в ранних — черные, фиолетовые и синие. Коричневые браслеты больше распространены в ранних пластах, позже получают распространение гладкие браслеты.

Бусы встречаются в слоях XI—XVI вв., но все же две трети их находок происходит из пластов XI—XII вв. Они различных цветов — черные, синие, голубые, зеленые, желтые, фиолетовые, золоченые и инкрустированные. Подавляющее боль-

шинство — круглые, уплощенные, но есть и шарообразные, боченковидные, цилиндрические и других форм. Широкое распространение получили бусы синие (25%), черные (20%), голубые (15%).

Стеклянные перстни и стеклянные вставки к металлическим перстням в Берестье редки. Стеклянная посуда представлена также редкими образцами. Их абсолютное большинство сосредоточено в самых верхних пластах, в ранних исчисляется единичными находками. Это донышки конических воронковидных бокалов и бокалов с вертикальными стенками.

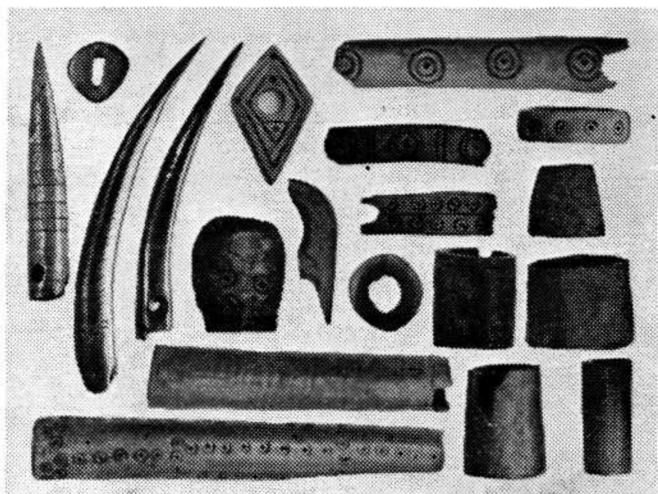
ПОДЕЛКИ ИЗ КОСТИ

В ходе раскопок собрана значительная коллекция разнообразнейших костяных изделий различного назначения. Среди находок вещи высокохудожественного и примитивного уровня изготовления, предметы массового производства и уникальные. Чаще других встречаются костяные накладки к деревянным рукояткам ножей, проколки, муфточки, рукояти ножей. Накладки имеют форму овального или круглого диска диаметром 1,7—3,0 см, в центре прорезано круглое или овальное отверстие для железного стержня рукояти ножей. Они предохраняли торцевые концы деревянных рукоятей ножей от раскалывания. Рукояти имели такие накладки обычно со стороны лезвия ножа, но иногда — с обоих концов. Они были широко распространены по всей территории Древней Руси, а в Берестье найдены в слоях XII—XVI вв.

В культурном слое встречены и плоские костяные накладки различной длины и ширины, предназначавшиеся для украшения или укрепления изделий. Они, как правило, были хорошо отполированы и орнаментированы различными узорами, иногда сложными. Чаще всего они украшались циркульным орнаментом из одной—двух концентрических окружностей с точкой в центре. Такой орнамент наносили фигурным сверлом, имевшим центральный стержень и боковые зубчики. Орнамент наносили в один—два ряда, пластинки крепили к

изделиям костяными гвоздиками или клеем. Они придавали изделиям более нарядный вид.

Костяные проколки представляют собой конические заостренные стержни длиной 9—19 см, как правило, слегка изогнутые с коническим углублением в торцовой стороне толстого конца как бы для вдевания туда вставной рукояти. В боковой стенке проколки напротив углубления просверли-

Костяные изделия: проколки, накладки, муфточки, рукояти

валось отверстие, через которое крепилась к рукояти проколка. Иногда поверхность проколки орнаментировалась различными узорами. Заостренным концом проколки прокалывались и расширялись отверстия в непрочных материалах. Впрочем, единодушного мнения о назначении этих изделий еще нет.

Рукояти костяных ножей — одна из наиболее частых находок. Они имели форму цилиндрических, круглых или овальных в поперечном сечении стержней длиной 8—14,5 см и диаметром 2—3 см. Черешок ножа вставлялся внутрь рукояти. Иногда рукояти украшались циркульным или резным орнаментом. Рукоять ножа из слоя XI в. обработана

каким-то составом и приобрела черный цвет. У поздних ножей были плоские костяные накладки к черешку.

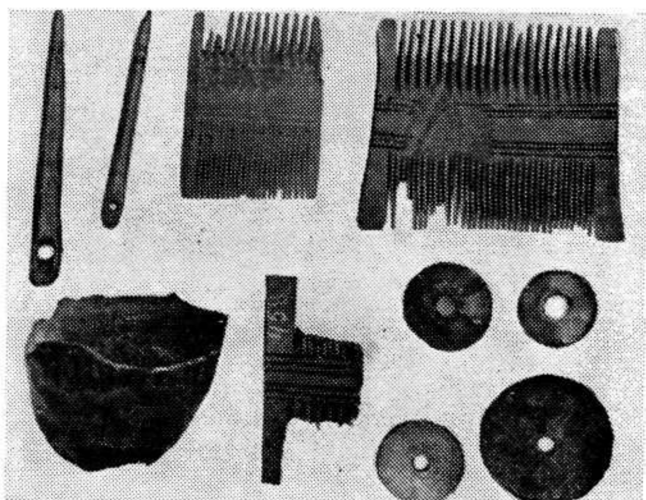
Довольно часто в раскопе встречаются костяные обоймы, втулки, муфточки высотой 0,8—3 см и диаметром 1,5—3 см, служившие для укрепления конца рукояти или трости. Некоторые из них тщательно отполированы и украшены циркульным орнаментом.

Прочная стойкая кость иногда использовалась для изготовления некоторых деталей предметов вооружения. В пластах XV в. найдены два арбалетных курка. Очевидно, наконечником дуги сложного арбалета является костяной стержень длиной 16 см, на торцовой стенке которого вырезана углубленная канавка как бы для тетивы, а с боковой поверхности с трех стророн — два углубленных пояска. Возможно, деталями сложного лука (арбалета) были костяные пластины из слоя конца XV в., напоминающие костяные пластины сложного лука из раскопок Новгорода. Несомненно, оружием ближнего боя являлись и два костяных кистеня, найденные в слоях XI и XIII вв., перекрестием кинжала — костяная пластинка длиной 5,5 см с овальным отверстием посредине. Возможно, часть пластинок служила для укрепления колчанов и налучий.

Из кости изготовлено много бытовых и производственных предметов. В слое XIII в. найден костяной подшипник из рога оленя (лося?) высотой около 2,5 см и диаметром около 5 см. Углубление внутри его корпуса отполировано вращавшимся предметом. Из кости изготавливались иглы длиной 5,5 и 6,8 см, применявшиеся, очевидно, для игольного плетения (рукавичек). Часто из кости изготавливали пуговицы в форме плосковыпуклых круглых или пирамидальных, квадратных пластинок с отверстием для крепящего шнурка (ремешка). Иногда пуговицы орнаментировались нарезками или циркульным орнаментом.

Найдены четыре двусторонних гребня. Они имеют форму прямоугольной пластины с редкими и частыми зубьями, скромно украшены по боковой стороне двумя рядами из трех полосок у оснований зубчиков.

Костяные изделия высокохудожественного изготовления — довольно редкая находка в материалах Берестья. К ним относится навершие рукояти в форме головы лошади. Голова и часть шеи вырезаны тщательно и реалистично, отполированы и украшены сложным орнаментом. В пасти вырезаны мощные треугольные зубы. Глаза слегка выпуклые, окружены двумя заглубленными линиями и

Костяные иглы, гребешки, подшипник, пуговицы, накладки

выпуклой зигзагообразной между ними. Задняя выпуклая сторона шеи имитирует гриву, и вдоль нее тоже вырезана зигзагообразная линия, окаймленная двумя прямыми. Боковая поверхность шеи покрыта сложным переплетающимся ленточным узором, в котором поле между лентами закрыто сетчатым орнаментом. Вдоль шеи внутри просверлено отверстие, в которое вставлялся конец рукояти. Прямых аналогий этой скульптурке в древнерусских материалах нет.

К предметам высокохудожественной обработки кости относится тонкая костяная орнаментированная пластина длиной 10 см и шириной 3,5 см. Вдоль правого края ее идет неорнаментированная

полоса шириной 1,6 см, остальная часть разделена на зоны одиночными и двойными поясками. В нижней зоне изображен лежащий олень с поджатыми ногами и поднятой головой, украшенной ветвистыми рогами, выше расположена зона поперечных поясков и треугольных углублений, еще выше — зона волнообразных завитков. По общему облику орнамента и характерному набору орнаментально-

Высокохудожественные изделия из кости: рукоять плети, шахматная фигурка короля, накладка с изображением оленя

го сюжета пластина напоминает искусство кочевников. Пластина найдена в слое XIII—XIV вв. Ее происхождение может быть объяснено контактами с кочевниками в послемонгольское время.

К числу наиболее интересных костяных изделий относится поясная скульптурная фигурка шахматного короля, выполненная очень выразительно в реалистической манере. Округлый овал лица, сурово сдвинутые брови, строгий взгляд выпуклых глаз, нос с небольшой горбинкой, небольшие опущенные усы и клиновидная бородка, маленькие оттопыренные уши, длинные прямые до плеч волосы. Левая рука прикрыта круглым щитом, правая

согнута в локте и сжимает в кулаке рукоять булавы, положенной на правое плечо. На голове — плоская круглая шапочка, украшенная по околышу циркульным орнаментом. На донышке шапки, по нижнему обрезу фигурки и вдоль клинкового выреза одежды у ворота такой же орнамент. Фигурка найдена в слое XIII в. и определяется специалистами как фигурка шахматного короля.

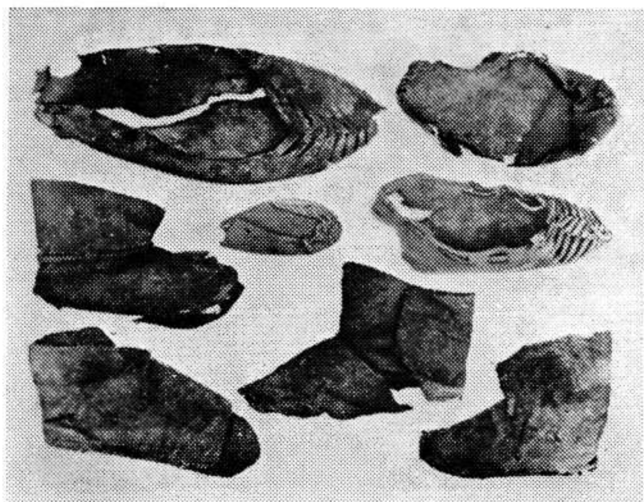
Местное изготовление большинства костяных изделий, найденных в Берестье, не вызывает сомнений. Здесь не было недостатка в сырье. В культурном слое неоднократно встречались рога оленя, лося, заготовки и полуфабрикаты костяных изделий. Следы на костях говорят, что при обработке применялись токарный станок, пила, топор, резцы, сверла, долото, струг. Изготовление высокохудожественных изделий требовало профессионального уровня, а более простые были доступны широкому кругу населения.

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

В культурном слое Берестья хорошо сохранились изделия из кожи. Подавляющее большинство составляют остатки обуви, коллекция которой насчитывает свыше 500 экземпляров. Поршни — наиболее простой вид обуви. Они изготавливались из одного куска кожи. Форма им придавалась с помощью колодки-прави́ла. На ноге они крепились ремешками. По покрою поршни бывают простые и прорезные. В простых — прямоугольный кусок кожи в носке и пятке стягивался ремешком, образуя носок и пятку поршня. Готовые поршни имеют размеры 18—32 см. Найдены в слоях XII—XIV вв. Ажурные поршни впереди имеют нарезки (5—6), образующие красивый узор.

Мягкие туфли состояли из верха и подошвы, соединенных, как правило, выворотным швом. Верх туфельки выкраивался обычно из одного куска кожи прямоугольной формы. Боковые стенки туфельки имели небольшие попарные надрезы, сквозь которые продевались ремешки для крепления. Большинство мягких туфель было украшено линейным орнаментом. У многих из них он образует до-

рожку-поясок, идущий от середины ступни в ее верхней части к носку. Ширина пояска зависит от количества поперечных наколов в одном ряду и наличия боковых линий наколов. По этим признакам различают 11 типов орнамента. Но есть и туфельки, украшенные орнаментом с волютообразными завитками, образующими овальные зоны, туфельки, украшенные пояском из сквозных насечек у верх-

Кожаная обувь: поршни, туфельки

него края. Узоры во всех видах орнаментов выполнялись цветными шерстяными нитками, остатки которых встречались иногда на туфельках. Вышивка цветными нитками придавала туфелькам нарядный вид. Употребляемость различных видов орнаментов неодинакова. Чаще других применялась дорожка из трех—четырех проколов со смещенным рядом. Большинство орнаментированной обуви выявлено в слоях XII—XIII вв. Часто по верхнему краю туфелек заметны наколы потайного шва, каким обычно пришивали подкладку из ткани. Очевидно, вышитые туфельки имели подкладку, что усложняло изготовление этого вида обуви и повышало ее стоимость. Вышитые туфельки были различных размеров.

В единичных случаях длина их была 15—20 см, 26—27 см. Абсолютное большинство имело размеры 21—25,5 см, среди которых чаще 22—24 см, что соответствует современным (34—37 мм) размерам. Судя по этим размерам, можно сказать, что вышитые орнаментированные туфли были в основном взрослой женской обувью, хотя встречаются и детские размеры.

Сапоги — еще один вид обуви из Берестья. Они

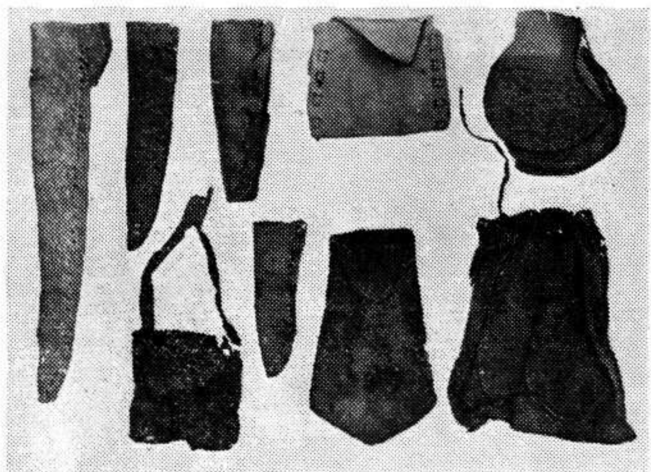
Кожаная обувь: сапоги, подошвы

имели более сложное устройство и состояли из голенища, головки (перед), подошвы и, очевидно, задника. Длина голенищ в основном 26—30 см, но встречаются и до 17 см. Голенища выкраивались из одного куска и сшивались с внутренней стороны ноги. Головка имела форму треугольника с выпуклыми сторонами, одна из которых пришивалась к голенищу, две другие — к подошве. Головки от сапог найдены в слоях XI—XIV вв.

Сапоги в основном имели размеры 26—28 см, что соответствует современным 41—44 размерам. По всей вероятности, они были мужской обувью.

Но есть и крошечные сапожки на детскую ногу из тонкой кожи и сафьяна.

О видах и формах обуви дают представление различные виды подошвы, изготовленные из более толстой и прочной кожи и имеющие лучшую сохранность. Подошвы можно расчленить по видам на симметричные, асимметричные и фигурные. Симметричные имеют притупленный носок и слабо выра-

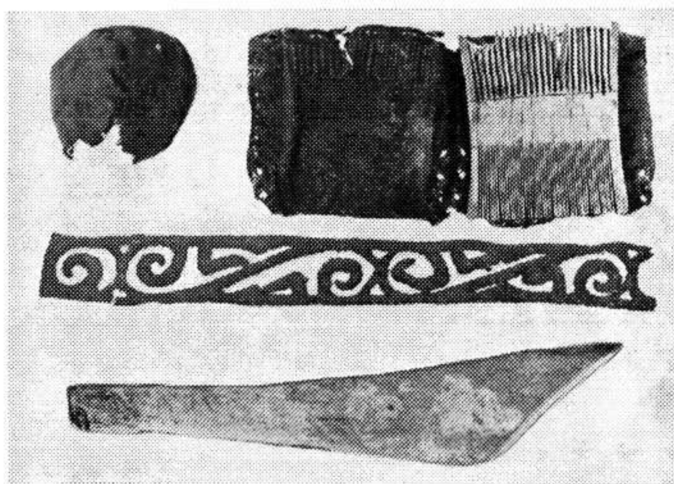
Кожаные ножны, кошельки

женный перехват. Они пришивались к обуви без различия на правую или левую ногу. Асимметричные подошвы имеют скос носка, более выраженный перехват и пришивались к обуви, дифференцированной для правой и левой ноги. Фигурные подошвы имеют резко выраженный перехват и скос носка. Отличаются подошвы и размерами. Симметричные имеют размеры 20—28 см, асимметричные — 21—28 см, фигурные — 12—25. Можно предположить, что все фигурные подошвы пришивали к вышитым туфлям, но некоторые из них иногда имели и асимметричные подошвы. К сапогам и неорнаментированным туфлям, по-видимому, пришивали симметричные и асимметричные подошвы.

Помимо обуви из кожи в Берестье найдены ко-

жаные кошельки, ножны, футляры, рукавица, мячи, декоративная аппликация, детали конской упряжки, куски ремней, шнурков и т. д.

Кошельки чаще встречаются небольшие, прямоугольные по форме. Выявлены кошельки пятиугольной и круглой формы. Встречаются стянутые шнурком вверху и сшивные кошельки кисетного типа, есть бесшовный кисетный кошелек из одного куска

Кожаный мяч, футляр для гребня, аппликация. Костяной мастихин художника

кожи. Нашли мы деревянный гребень в кожаном футляре, который сшит как сшивной кошелек. Найдены чехлы для ножей — ножны. Все они изготовлены из одного куска кожи, сложенного вдвое вдоль по длине ножа и сшитого со стороны лезвия. В одном случае вместо шва применены три заклепки. Размеры ножен от 8 до 25 см длиной, 2,5—5,5 см шириной.

В слое XIII в. обнаружены круглые кожаные игральные мячи диаметром около 6,5 см, сшитые из трех кусков кожи: два круглых соединенных прямоугольной полосой. В этом же слое встретилась кожаная полоска — аппликация (4×40 см), орнаментированная прорезным растительным орнаментом,

сохранившая проколы от пришивания ее к основному изделию. В слое XII в. найдена кожаная рукавица, в слое XIII в.— кожаная обшивка хомута.

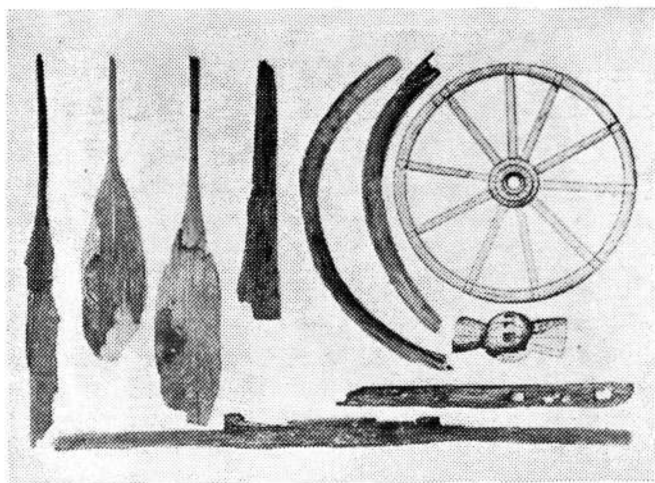
В Берестье были все условия для развития местного кожевенного и сапожного ремесел. Для обработки использовали кожи диких животных и в основном домашнего скота. На изготовление обуви шли выработанные шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Технология выделки кож включала последовательные операции: отмочку, золение (удаление шерсти), квашение (удаление ненужных составных частей), дубление (придание прочности и жесткости), отделку (жирование, крашение, разминку). При раскопках мы неоднократно находили пласты обзоленной шерсти, что говорит о местной выделке шкур. О развитии местного сапожного ремесла свидетельствуют находки обрезков от раскроя кож, сапожных колодок, шильев. Искусство обработки сырья было высоким. По качеству и разнообразию изделий кожевники Берестья не уступали уровню мастеров других городов Древней Руси.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА

Коллекция деревянных изделий Берестья — одна из самых богатых, наиболее разнообразных и многочисленных. Роль ее в изучении быта древнерусских городов трудно переоценить. Следует учесть, что во многих городах деревянные изделия не сохранились.

Дерево в древнерусских городах было главным материалом при изготовлении орудий труда, предметов повседневного обихода, домашнего быта. В Берестье собрана коллекция разнообразных деревообрабатывающих инструментов (топоры, долота, сверла, резец, пешня, струги), найдена посуда, разные украшения, изготовленные на токарном станке. Эти изделия и полуфабрикаты позволяют восстановить общий уровень и технологические приемы обработки дерева. Берестяне знали и умело использовали особенности различных древесных пород. Хозяйственные постройки возводились, как правило, из хвойных пород деревьев, и лишь изред-

ка — из лиственных. Из сосны и ели изготавливали большинство орудий труда — лопаты, чекмари, бондарную посуду, многие орудия переработки урожая; из дуба — земледельческие орудия (рало, землеройные лопаты), песты для ступ, детали транспортных средств (оси и спицы колес, копыли саней), ручных мельниц (порхлицы, боковые подшипники). Древесина лиственных пород шла на изготовление

Деревянные корабельные рулевые весла, фрагменты обода и ступица тележного колеса, колесо (реконструкция), копыл от саней, тележные ось и грядка

посуды, ложек, хомутов, весел, чесал, трепал, различных бытовых предметов. Из сосновой коры мастерили поплавки, тяги ткацкого станка, детские лодочки-игрушки.

В Берестье найдены разнообразные детали транспортных средств. От телеги — колесо, спицы и обломки второго колеса, тележные оси; от саней — копылы, обломки грядки; от водного транспорта — крупные рулевые весла. Колесо диаметром 86,6 см извлечено из слоя XIII в. От него сохранилась ступица, шесть спиц из десяти и деревянный обод почти полностью. Тележная ось имела длину 145 см, подушку длиной 53,8 см и полуоси длиной

44,2 и 47 см и толщиной 4,6 см. Подушка второй оси была 62 см и полуось 54 см. Копылы саней высотой 33,3—57,5 см изготовлены из дуба. Грядка в копылах из Берестья была на высоте 18—23 см. От конской упряжи найдены попарные клещи хомута, фрагмент дуги, от водного транспорта — лодочные шпангоуты и гребные весла, рулевые весла крупных лодей длиной 1,9—2,2 м, очень близкие по форме и размерам кормовым веслам крупных торговых новгородских лодей.

От деревянной бондарной посуды сохранились клепки и донца. В разваленном виде найдены водовозная бочка емкостью около 220—230 л, ведро, кадушка, походная баклажка. Ведро имеет высоту 21,2 см, диаметр днища 31 см, верха — 28,5 см. Две клепки имеют ушки, выступающие над обрезом ведра на 4,8 см, в которых вырезаны углубления для мягкой ручки. В нашем раскопе найдена кадушка с ровным обрезом и тремя выступающими внизу на 5 см клепками-ножками. Походная баклажка выдолблена из соснового ствола, имеет овальное сечение, длину 27 см, высоту 26 см при ширине 10—14 см. Емкость около 4 л.

Деревянные резные ковши, кадушка, ведро, клепка водовозной бочки, ложка

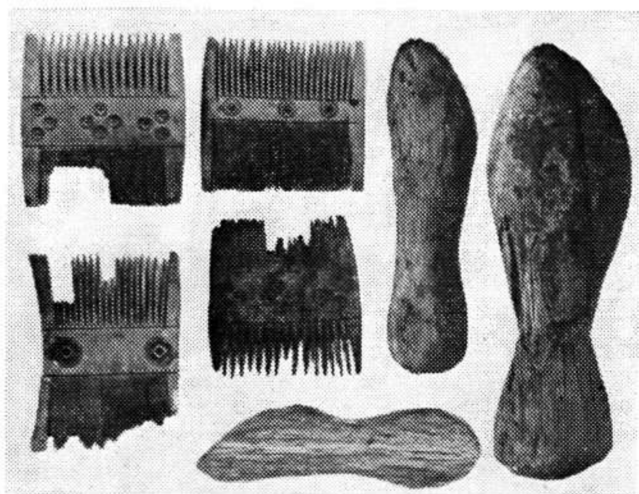
В различных слоях найдено 250 клепок высотой от 11 до 76 см, т. е. от стакана до крупной кадки. Большей частью берестейская бондарная посуда имела форму усеченного конуса с более широким основанием. Размеры днищ в диаметре от 13 до 72 см. Судя по клепкам и донцам, в набор бондарной посуды Берестья входили стаканы высотой 11—15 см, жбанчики высотой 16—18 см, ведра и кадушки высотой 19—30 см, кадки высотой 34—76 см, водовозные бочки высотой до 1 м, походные баклажки. Наиболее распространенным видом были ведра и кадушки усеченной конической формы высотой 20—28 см и с широким основанием диаметром 27—31 см. К резной посуде относятся ковши, черпаки, уполовники, ложки, к точеной на токарном станке — блюда, миски, тарелки. Из долбленой посуды найдены корыта. Все изготовлено из дерева лиственных пород. Из дерева изготавливали также различные предметы домашней утвари и орудия ремесленного производства. В слое XIII в. найдено пять деревянных сапожных колодок-правил для женских туфелек 38-го размера и детской обуви и одна незаконченная колодка. В этом же слое обнаружено дубовое коромысло длиной 1,7 м и три круглые палки с метками-нарезками по 56 в ряду. Возможно, это были обломки безменов. Часты находки двусторонних деревянных гребней высотой 5—10 см, шириной 5,5—9,5 см, изготовленных из твердых пород дерева, в основном из привозного самшита, а также ритуальные булавы в виде шара диаметром 6—8 см на длинной рукоятке.

В слоях XII—XIII вв. встречены обломки деревянных игрушек: рукояти детских мечей, точеные деревянные яйца, в слое XII в. — деревянный тренировочный меч длиной 86 см. В слое XIII—XIV вв. найдены пять игрушечных лодочек из коры.

Большую группу деревянных орудий труда составляют почвообрабатывающие орудия уборки и переработки урожая. Большой интерес представляет дубовое рало — единственное в Европе, как уже нами отмечалось. Оно изготовлено из дубового ствола длиной 155 см и толщиной 8—10 см, от которого в задней части под углом 28° отходит прямой сук длиной 42,5 см, на него, по-видимому, надевался

наконечник. В прямоугольное отверстие в задней части вставлялась рукоять, в отверстие передней части — приспособление для крепления к запряжному устройству, в среднее отверстие — приспособление для крепления дополнительного рабочего органа.

В Берестье найдено свыше 30 деревянных лопат различного назначения. Землеройные лопаты были

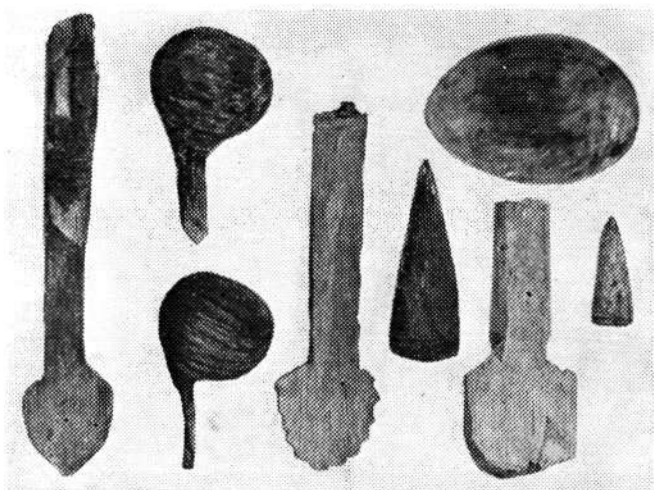
Деревянные гребни, сапожные колодки

основным орудием земледельческих работ. Они изготавливались из дуба, имеют узкую рабочую лопасть треугольной симметричной формы длиной 20—26,5 см. Рукоять целых лопат была длиной 65—100 см и диаметром 3,5—4 см. На мягких огородных почвах они могли использоваться без оковок. Но были и лопаты с железной оковкой рабочей лопасти.

В работах по уборке урожая применялись деревянные вилы и грабли, но они редко встречаются в археологических материалах. Грабли найдены в слое XIV в., но сохранились они частично. Реконструкция их по сохранившемуся остатку показывает, что их колодка (планка) была длиной 66,5 см и имела восемь зубьев длиной 7 см на расстоянии

7,5—9 см друг от друга. В различных слоях найдено пять двузубых вил, трое из них сохранились полностью и имеют длину 130—151 см. Длина зубьев 31—47 см, расходятся они на 15—20 см.

Представляют интерес орудия переработки урожая. Колотушки могли быть использованы при обмолоте отдельных сельскохозяйственных культур, а

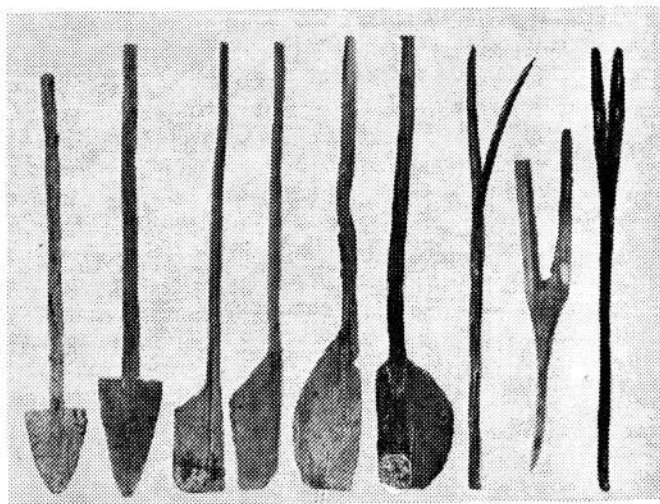
Деревянные булавы, рукояти детских игрушечных мячей, яйцо, шахматные фигуры (пешки?)

также применяться при обработке дерева, о чем говорят следы ударов по твердому предмету.

Из слоев XIII—XIV вв. извлечено пять ножных ступ для обдирки зерна и приготовления круп. Основу ступы составляет полукруглая плаха от толстого дерева, в переднем конце которой выдолблено углубление для засыпки зерна. Обдирка зерна производилась пестом, который крепился в переднем конце длинного деревянного бруса-рычага, поднимавшегося под нажимом ноги на оси, закрепленной поперек плахи. Для прохода заднего конца рычага в заднем конце колоды прорублен сквозной паз. Длина берестейских ступ 150—186 см, ширина 37—73 см, гнездо для зерна 22—24 см. В Берестье най-

дено 12 пестов длиной 37—52 см, изготовленных из дуба. Их рабочая часть имеет цилиндрическую или слегка коническую форму и сработанный конец, а верхняя часть, крепившаяся в рычаге с помощью клиньев, — прямоугольное сечение.

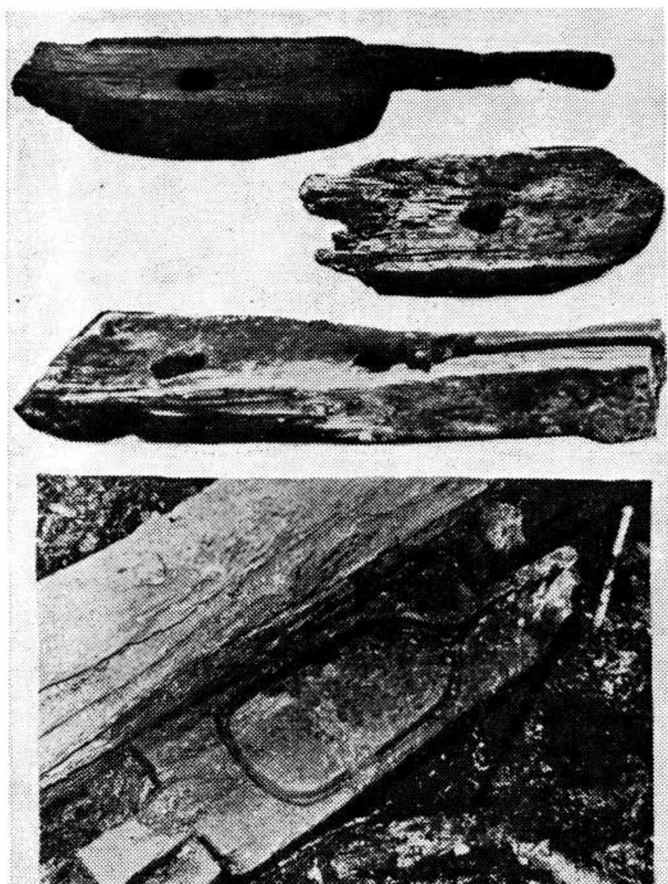
Из масличных культур (семя льна, конопли) выжимали растительное масло с помощью масляного пресса-жома. В древнерусских городах неодно-

Деревянные лопаты, вилы

кратно находили шелуху конопляных и льняных семян, известно растительное масло и по письменным источникам (алей). Однако способ получения и устройство, с помощью которого его получали из масличных культур, оставались неизвестными и в археологических материалах не встречались. Берестейский пресс изготовлен из толстой сосновой плахи длиной 174 см, шириной 42 см, толщиной 20 см. С обоих концов плаха сужена и образует два выступа шириной 12,5 см, длиной 24 и 38 см. На центральной рабочей площадке вырезана углубленная канавка шириной 2 см, глубиной 1—1,5 см, образующая замкнутый овал 72×33 см, от которого по длинному выступу проходит канавка-сток. Плаха была уложена на два вертикальных стояка, вко-

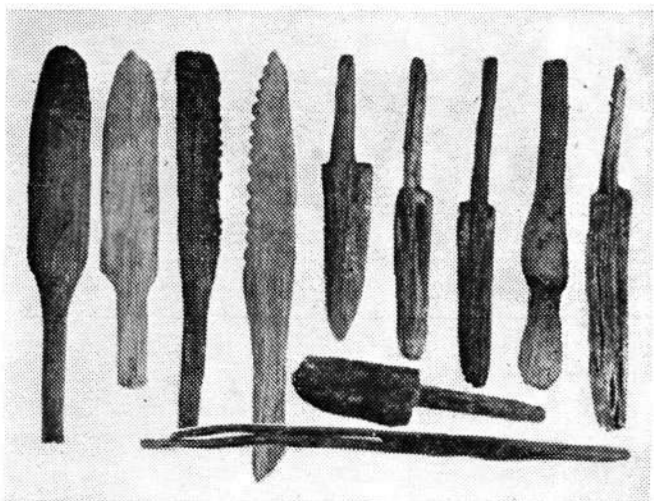
панных у стены постройки 109А, в верхние вырезы которых входили суженные выступы плахи. Верхняя половина пресса найдена в постройке. Она изготовлена из сосновой плахи длиной 145 см и шириной 34 см, ее форма и размеры соответствуют нижней плахе. Очевидно, размолотое и разогретое в печи льняное или конопляное семя в полотняном мешке помещалось между плахами пресса и сдавливалось посредством клиньев, а выжатое масло стекало по овальной канавке и стоку в сосуд. Ра-

Деревянные ножные ступы, масляный жом

бочая площадка, кольцевая канавка и сток имеют темный цвет.

Лен и конопля использовались для получения не только растительного масла, но и волокна для ткачества и прядения. Обрабатывалось оно деревянными льномялками, чесалом и трепалом. Льномялка рычажного типа состоит из длинного ножа-била (мяла), закрепленного одним концом на оси в не-

Деревянные трепала, чесала, песты ножной ступы, колотушки, рычаг льномялки

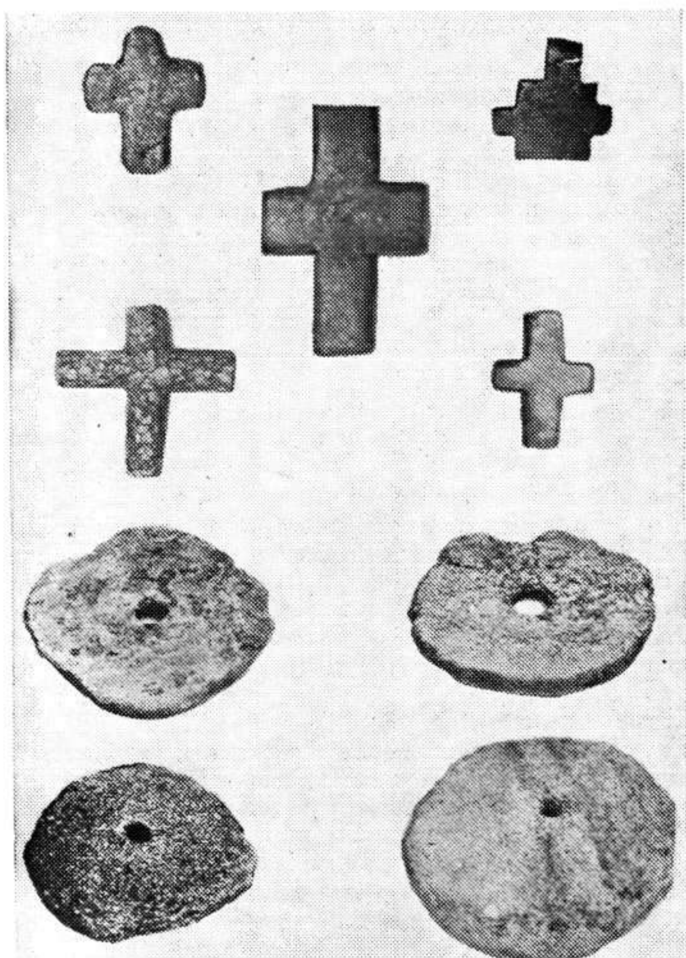
подвижном брусе, в паз которого входит нож и дробит подложенные стебли льна или конопли, частично отделяя кострицу (стержень стебля) от волокнистой оболочки. В Берестье найден подвижный двухлезвийный нож льномялки длиной 96 см, шириной ножа 4 см, длина рукояти 21 см. Двухлезвийная льномялка сложнее по устройству и эффективнее в работе.

Для вытряхивания измятой кострицы использовали трепала в виде симметричного обоюдоострого деревянного ножа длиной 25—27 см с длиной рабочей части 19—38 см, шириной лезвия 3,5—9 см. Таких трепал в слое XII—XV вв. найдено десять.

Для окончательной очистки от кострицы расти тельного волокна применяли чесала. Найдено три односторонних чесала ножевидной формы с зубчи ками на одной стороне лезвия и одно двустороннее чесало с зубчиками на обоих сторонах лезвия. К числу деревянных орудий переработки урожая относятся различные виды лопат, выявленные в слоях XI—XIII вв., с прямым краем рабочей части, применявшиеся при проветривании зерна.

КАМЕННЫЕ ЖЕРНОВА. ЯНТАРЬ

Из камня изготавливали жернова, пряслица, бруски, нательные крестики. Каменные жернова с ручным приводом — одно из основных орудий переработки урожая. В Берестье в пластах XII—XIII вв. найдено 17 жерновых камней, из которых восемь сохранились целиком. Они имеют вид каменных дисков диаметром 38—47 см с отверстием в центре. Работают попарно: в верхнем жернове рабочей поверхностью является нижняя, имеющая вогнутую поверхность. Они имеют более широкое отверстие — 5—8 см, сквозь которое засыпается зерно и в котором крепится подшипник-порхлица. Нижний камень более толстый, массивный — 8—15 см, с выпуклой верхней рабочей поверхностью и отверстием меньшего диаметра — 3—4 см. Сквозь него проходила неподвижная ось, на которую опиралась деревянная (костяная или железная) порхлица, служившая опорой для верхнего камня. Зазор между камнями, обеспечивавший тонкость помола, регулировался с помощью клиньев, поднимавших и опускавших нижний камень. Верхний камень обвязывали лубяной обвязкой, к которой крепили боковой подшипник, а в его отверстие нижним концом входил шток (палка), верхний конец которого крепился неподвижно. Круговым вращением штока приводился в движение верхний камень, и засыпанное зерно размалывалось в муку. Кроме жерновов в Берестье найдены порхлицы (отдельно и вместе с жерновами), боковые подшипники и обломки штоков. В окрестностях Берестья редко встречаются камни, пригодные для изготовления жерновов. Вероятнее всего, их за-

Каменные нательные крестики, мукомольные жернова

возили из других районов, имевших сырье и развитые камнесечное и камнетесное ремесла.

Шиферные пряслица — цилиндрические или биоконические каменные грузики диаметром 1,7—2,5 см с отверстием 0,4—1,0 см в центре. Их надевали на конец веретена для придания вращательной инерции веретену, что позволяло спрясть более длинную нить за одно приданное пальцами вращательное

движение. Их изготавливали в Овруче, где есть выходы на поверхность мягкого сланца-шифера. В Берестье в слоях XI — начала XIV в. найдено около 200 пряслиц. Следов местного изготовления пряслиц не выявлено, очевидно, они привозились с Волыни в готовом виде.

Точильные бруски — необходимое приспособление для заточки инструментов, орудий труда. Они изготавливались из различных пород камня (песчаник, сланец), имели различные размеры (длина — 4—20 см, ширина — 1,6—5 см, толщина — 0,9—2,7 см), в основном прямоугольную форму, иногда сохраняли следы затачивавшихся инструментов. Небольшие бруски из мягкого сланца в некоторых случаях имели отверстие для шнурка.

В Берестье в культурном слое изредка встречаются небольшие куски янтаря и изделия из него — бусы, крестики. Найден равносторонний крестик с квадратным средокрестием. Скорее всего, янтарь завезен сюда из Прибалтики. Следов его обработки в Берестье не выявлено.

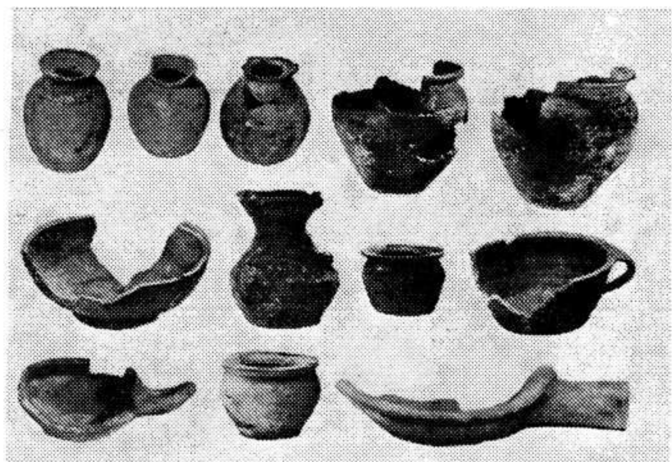
В слоях XII—XIII вв. встречаются нательные крестики из пестрого камня, аккуратно вырезанные и тщательно отшлифованные, изготовлявшиеся в Херсонесе в Крыму.

КЕРАМИКА

Самой частой находкой в Берестье, как и вообще в раскопках древнерусских поселений, являются обломки глиняных сосудов. В верхних пластах встречаются глиняные курительные трубки, печные изразцы, строительный и лекальный кирпич. Глиняная посуда по назначению делится на кухонные горшки, сковороды, миски, ковши, макотры, кувшины.

Кухонные горшки были наиболее распространенным видом глиняной посуды. Их орнаментация, форма верхнего края (венчика) и очертания шейки наиболее подвержены изменениям. Каждая форма сосуда имеет свои хронологические рамки бытования, возникновения и исчезновения. Определить эти рамки — одна из задач изучения древней керамики. Это позволит использовать определенные

формы керамики для датировки других памятников, содержащих уже датированную на других памятниках керамику. В Берестье в XI в. существовало семь типов (десять вариантов) горшков. В XII в. появляются шесть новых типов, для которых характерны более короткие и крутоотогнутые шейки. В керамике XIII в. исчезают ранние формы и преобладают сосуды с завернутым внутрь краем венчика. Ке-

Глиняная посуда: кувшины, горшки, миски, макотра, ковшик, сковорода

рамика XIV—XV вв. отличается многообразием форм (свыше 30 типов и вариантов). Кухонные горшки имеют округлую форму тулова, сужающегося книзу. Их расчетная емкость — два—три литра. В малых количествах встречена керамика, характерная для соседнего западнославянского племени мазовшан.

Сковороды имели низкий плоскодонный корпус, иногда на глиняных ножках-подставках, и глиняные трубчатые ручки с коническим углублением для деревянной ручки.

Миски были с вертикальными стенками или сильно отогнутыми краями (типа тарелок). Последние встречались значительно чаще мисок с верти-

кальными стенками. Оба вида обнаружены в слоях XII—XIII вв., а миски с вертикальной стенкой встречались и в более поздних слоях.

К столовой посуде относятся небольшие плоскодонные ковшики высотой 5—5,5 см и диаметром 11—13 см, с вертикальной стенкой на коническом или округлом тулове, с кольцевидной или плоской глиняной ручкой.

В Берестье найдены сосуды типа макотры с коническим корпусом и плоским дном, у которых диаметр венчика равен диаметру тулова или превышает его.

В слоях XIII—XIV вв. выявлены узкогорлые кувшины с шарообразным туловом, плоским дном, высокой (10—11 см) и узкой (5—5,5 см) шейками, расширяющимся венчиком и плоской глиняной ручкой. Широкогорлые кувшины с горлышком диаметром 10—11 см встречаются в слоях XV—XVII вв.

В постройке 8 (XIII в.) найдены кувшиновидные сосуды с овальным яйцевидным туловом, плоским дном с низкой крутоотогнутой шейкой и широким отлогим венчиком с поднятым краем. Они, очевидно, предназначались для хранения жидких продуктов. На днищах глиняных сосудов иногда встречались клейма. На сосудах XI—XII вв. они имеют простейшую форму — круг с крестом, две концентрические окружности, крест и так называемая птичья лапа. Керамика позднего времени имеет более разнообразные и сложные виды клейм: «трезубец», «сияние», «дуга с колокольцами» и др.

В XII в. в Берестье стали изготавливать большемерные кирпичи. Их производство в Берестье, по-видимому, связано со строительством Берестейского «столпа» — башни-донжона. Из кирпичей таких же размеров сложен Каменецкий столп, одновременный Берестейскому.

В XVI в. появился новый вид керамики — крупные сосуды с черной лощеной поверхностью, тонким, белым в изломе черепком, содержащим в своем составе значительное количество извести.

* *
*

Завершая описание предметов, выявленных в раскопках Берестья, следует еще раз подчеркнуть их многочисленность и особенно многообразие категорий. Выявленные изделия относятся к предметам самого различного назначения и изготовлены из разных материалов: черного и цветных металлов, дерева, кости, камня, стекла, кожи, глины. В числе находок — орудия труда сельскохозяйственного и ремесленного производства, предметы вооружения (дальнего и ближнего боя, защитное вооружение, снаряжение коня и всадника), бытового назначения (деревянная и глиняная посуда, замки, ключи, кресала, ножи, ножницы и т. д.), принадлежности костюма (булавки, фибулы, пряжки, пуговицы и т. д.), разнообразные женские украшения (металлические и стеклянные браслеты, бусы, привески, височные кольца, перстни), предметы церковного обихода (иконки, крестики, кадильница и т. д.), ряд уникальных находок различного назначения (гребень с азбукой, шахматная изобразительная фигурка короля, рало, масляный жом, ножные ступы, тележные оси и колеса, рулевые весла крупных лодей и т. д.). Они относятся к разным областям быта и помогают воссоздать картину всесторонней жизни древнего города.

Несомненно, большинство выявленных предметов изготовлено руками местных ремесленников, владевших различными технологическими приемами изготовления высококачественных изделий. Все основные потребности города и ближайшей сельской округи обеспечивались местным городским производством, а привозные из других мест изделия немногочисленные и относятся в основном к категории украшений (стеклянные браслеты, бусы, отдельные предметы из кости, цветных металлов). Местное происхождение имели орудия труда и предметы повседневного быта.

В Берестье были развиты железообрабатывающее, гончарное, кожевенное, сапожное, косторезное ремесла, в значительно меньшей степени — обработка цветных металлов. Обработка дерева была

повседневным занятием местного населения. Высокого уровня производственного мастерства, владения тонкими и сложными технологическими приемами достигли местные ремесленники в обработке черных металлов, кожевенном, гончарном, косторезном и деревообрабатывающем ремеслах. По качеству изготовления их продукция нисколько не уступала изделиям ремесленников других городов.

Помимо технологии и качественного уровня изделий обращает на себя внимание и общее сходство конструктивного устройства и внешнего вида берестейских изделий с аналогичными изделиями других городов Древней Руси, что говорит о принадлежности их к одному родственному кругу материальной культуры, имеющей одинаковый уровень развития, одинаковые производственные и бытовые традиции.

ЗАНЯТИЯ ГОРОЖАН

Берестье, как и другие города, было сравнительно крупным населенным пунктом со сложными и разнообразными функциями. Прежде всего город был административно-политическим центром окрестных территорий. В нем проживали представители княжеской администрации, осуществлявшие надзор за выполнением повинностей, организацией и проведением общих работ, соблюдением обычаев и законов, установленных в древнерусском обществе.

Являясь административно-политическим центром, древний город, как правило, был защищен оборонительными сооружениями и являлся одновременно военно-оборонительным центром окрестных территорий, в котором размещались воины княжеской дружины.

Древний город был и центром экономической жизни. В нем сосредоточивались наиболее крупные производительные силы и высшие достижения древнего ремесленного производства.

Берестье было центром транзитной и местной торговли, в нем осуществлялся обмен продукции городского ремесла и привозных товаров на продукцию прилегающих сельских территорий. Город являлся центром культурной и религиозной жизни, в котором находились высшие представители церковной иерархии, крупнейшие монастыри, бывшие центрами письменности и грамотности, осуществлялись местное летописание, монументальное церковное и гражданское строительство. Здесь находили своего потребителя дорогостоящие высокохудожественные изделия местного ремесленного производства и импортного происхождения.

Естественно, в общественно-политической, экономической и культурной жизни города различные слои его населения принимали различное участие. Очевидно, что в управлении городом и прилегающими землями помимо княжеской администрации принимали участие и влиятельные слои местной феодальной аристократии. В событиях 1204 г., когда берестяне просили дать им князем сына Романа Мстиславовича, или в 1287 г., когда они вступили в сговор с Юрием Львовичем, едва ли следует усматривать проявление всеобщего демократического мнения, решение местного всеобщего городского собрания или местного веча. Скорее всего, это решение местной феодальной верхушки, стремившейся занять правящее положение при установлении самостоятельного княжества при новом приглашенном ими князе. Очевидно, верхушка играла и ведущую роль в организации обороны города. Ей, видимо, принадлежали и владения в сельской местности. Эта же верхушка была основным потребителем высокохудожественных и импортных товаров.

Военно-оборонительное значение Берестья неоднократно подчеркивалось в летописных сообщениях. Уже в XI в. в воспоминаниях Владимира Мономаха о событиях 1073 г. и в сообщении и переговорах Святополка Изяславовича с польским королем Болеславом в Берестье (1097 г.) оно неоднократно названо городом. В записи о событиях 1101 г. говорится о том, что племянник Святополка Ярослав Ярополчич «затворися у Берестии». Из этих сообщений видно, что Берестье было защищено оборо-

нительными сооружениями и играло роль опорного военного пункта на западных рубежах древнерусского государства. В летописях XII—XIII вв. Берестье упоминается как город, защищенный оборонительными сооружениями. В 1227 г. его обороняет пинский князь Владимир, в 1240 г. он, очевидно, успешно выдерживает осаду монголо-татарских отрядов, в 1272 г. Владимир Василькович «по отци своем зруби Берестии...» и во второй половине XIII в. Берестье — сборный пункт галицких и волынских отрядов, участвовавших в походах на Польшу и Литву по требованию и в составе монголо-татарских отрядов. Очевидно, в условиях пограничного местоположения защита города и участие в походах были обязанностью не только профессиональных воинов-дружинников, но и большинства боеспособного населения, выступающего в летописи под общим собирательным именем «берестьяне».

Однако, несомненно, основной функцией города была производственная, и основная масса его населения была занята различными видами хозяйственной деятельности. Как можно судить по находкам, в Берестье немаловажное значение в жизни горожан играло ремесленное производство по обработке различных материалов и изготовлению из них разнообразных изделий. Наиболее важным было железообрабатывающее ремесло, производившее высококачественные орудия труда и предметы повседневного спроса. В Берестье найдены железные изделия самого разнообразного назначения, количество различных видов железных изделий превышает 100. По сложности изготовления они могут быть расчленены на две группы — изделия высококачественного производства и изделия простой кузнечной обработки. К первой группе относятся предметы с рабочим краем из наваренной стальной полосы (ножи, топоры, долота, сверла, косы, серпы, ножницы, кресала, различные виды оружия и т. д.). Во вторую входят изделия простой кузнечной ковки — гвозди, дверные кольца, ведерные ручки и обручи, пробои, скобы и т. д.

Находки подтверждают, что кузнецы при изготовлении качественных изделий хорошо освоили и такие сложные технологические операции, как

сварка железа со сталью, наварка стали на железную основу, различные способы закалки стали. Часто при изготовлении несложного изделия приходилось применять несколько сложных технологических приемов. Так, например, изготовление только одного комплекта замка, ключа и запирающей пружинной дужки требовало тщательной подгонки и соединения от 30 до 50 деталей! При этом применялись операции литья, ковки, склепывания, пайки медью и меднения, обтачивания, слесарной подгонки. Художественная отделка изделий производилась с применением различных операций. Таким обширным набором технологических способов обработки металлов мог владеть только мастер-профессионал высокой квалификации.

Сложных технологических приемов требовало изготовление оружия, предметов снаряжения боевого коня и всадника. В Берестье найдены оружие и военное снаряжение, при изготовлении которых производились сварка железа со сталью, закалка изделий со стальным лезвием, инкрустация. Не исключено, что наиболее сложные предметы военного снаряжения были привозными или являлись военными трофеями (кольчуги). Но многие более простые предметы вооружения, безусловно, были изготовлены местными оружейниками. Значительное количество бытовых изделий Берестья не требовало при своем изготовлении сложной технологии и было под силу рядовому кузнецу (гвозди, скобы, пробои, ведерные обручи и ручки и т. д.).

Какая-то часть населения Берестья занималась обработкой цветных металлов. В коллекции изделий ювелирного производства несколько предметов высокохудожественного изготовления, очевидно, привозных. Это бронзовый наперсный крест с чернением серебром, биллоновый колт, колокол, лампада, балтская фибула и т. д. Вместе с тем найдены инструменты ювелира (тигелек, каменная литейная формочка, ювелирные пинцеты, свинцовая подкладка), куски необработанного свинца, служившего, видимо, сырьем для свинцовых изделий, а также несложные в изготовлении ювелирные изделия (височные кольца, привески, браслеты, перстни и др.), бракованная подвеска бронзового паникадила.

Судя по находкам, берестейские ювелиры владели приемами литья по заранее подготовленной форме, чеканки, зернения, покрывали оловянной полудой и медью предметы из черных металлов. Тем не менее ювелирное ремесло Берестья значительно уступало по масштабам развития и качественному уровню крупнейшим городам Древней Руси — Киеву, Новгороду, Чернигову, Смоленску, Рязани, Полоцку, Турову и др.

Косторезное ремесло получило в Берестье значительно большее развитие. Здесь не было недостатка в местном сырье, а технология резьбы по кости не отличалась большой сложностью, была доступна широкому кругу лиц, что обеспечивало более низкую стоимость и большую доступность изделий для покупателей. Однако косторезное дело требовало определенных навыков и инструментов, что заставляет предполагать существование несложного, но все же самостоятельного ремесла. О местной обработке кости говорят находки заготовок полуфабрикатов и костяных изделий. Из кости изготавливались всевозможные накладки, проколки, рукояти, муфточки, пуговицы, иглы, гребешки, игральные кости, детали лука, арбалета, наконечники охотничьих стрел на мелкого пушного зверя. Среди находок встречаются втулки, изготовленные на токарном станке, украшенные циркульным, сверленым и геометрическим орнаментом. Из особых изделий следует упомянуть костяное навершие рукояти в форме головки лошади, мастихин художника с остатками розовой минеральной краски на нем, плоские накладки с резным изображением оленя, изобразительную объемную шахматную фигурку. Впрочем, две последние находки, возможно, импортного происхождения.

Существование местных кожевенного и сапожного ремесел в Берестье не вызывает сомнения. Отходы этих производств встречались в раскопах в значительных количествах. О ремесленном характере их говорят скопления отходов выделки кож и обрезки кож от раскроя при пошиве обуви и других изделий. Берестейская обувь очень похожа на обувь других городов Древней Руси, но ее орнаментация имеет свои особенности. Однообразие исходного

сырья и готовой продукции дает основание предполагать единые способы обработки кож и пошива изделий.

В Берестье не выявлено устойчивых традиций монументального культового или оборонительного строительства. По летописным сообщениям известны Берестейский «столп, яко каменецкий», и церковь св. Петра. Но они, по-видимому, были отдельным эпизодом в строительной практике города. Оснований говорить о местном камнесечном и камнерезном ремесле нет. Не было местных источников сырья. Каменные мукомольные жернова и хозяйственные бруски (в основном из песчаника), скорее всего, были привозные. Мелкие каменные крестики, видимо, привозились из районов традиционного изготовления этих изделий — Крыма и Херсонеса, янтарные крестики и бусы — из Прибалтики.

Из дерева строили жилые дома, возводили оборонительные сооружения и уличные мостовые, а также изготавливали многочисленные изделия повседневного быта самого различного назначения. Обработка дерева в древнеруских городах была повседневным занятием большинства жителей. Каждый взрослый горожанин занимался изготовлением орудий и предметов бытового назначения. Но были и отдельные виды изделий, требовавшие специальных навыков и инструментов. Самостоятельными видами ремесла были, очевидно, бондарная и токарная (резная) обработка дерева, изготовление колес и телег. Из деревообрабатывающих инструментов в Берестье найдены долота, струги, сверла, в нижней части бондарной посуды видны запилы специальной узкой (уторной) пилкой. Узкий круг ремесленников занимался изготовлением точеной и резной посуды. Таким образом, в Берестье наряду с широко распространенной бытовой обработкой дерева можно предполагать специальное ремесленное производство по изготовлению из дерева сложных предметов и изделий.

Несомненно, профессиональный, ремесленный характер имело и гончарное производство. Глиняная посуда составляла подавляющее большинство всей кухонной и столовой посуды в Древней Руси. Сырья для ее изготовления было в природе предостаточно,

а технология ее производства была несложной. Глиняная посуда была жаростойкой и водонепроницаемой, но довольно непрочной и часто разбивалась, о чем свидетельствует огромное количество черепков разбившихся глиняных сосудов. Это требовало постоянного ее пополнения в каждом доме и обеспечивало высокий спрос на изделия гончаров-ремесленников. В таких условиях производство гончарной посуды неизбежно приобретало ремесленный характер. Одновременно это способствовало развитию профессионального гончарного дела. Источники сырья здесь были местные, а технология общепринятая. Большинство найденной глиняной посуды, по нашим наблюдениям, имело размеры и формы, характерные для обширных территорий Древней Руси.

Ремесла в Берестье играли значительную роль в жизни местного населения. Первостепенное значение имело железообрабатывающее ремесло, производившее орудия труда, затем ремесла кожевенное, сапожное, гончарное и деревообрабатывающее, которые обеспечивали повседневные нужды городского населения. Не получило развития местное стеклоделие, слабо было развито ювелирное ремесло, немногочисленны предметы художественной обработки кости.

Направленность берестейских ремесел на удовлетворение повседневных потребностей горожан, слабое развитие художественных видов отражают характер социальной структуры населения Берестья. В нем, очевидно, не было мощной феодальной прослойки, которая раскупала бы в большом количестве высокохудожественные изделия, а основной массе населения они были недоступны. В Берестье и прилегающей к нему сельской местности для широкого развития местного ювелирного ремесла и производства высокохудожественной продукции, очевидно, не было надежной социальной базы.

Говорить о роли и значении ремесленного производства в хозяйственной жизни Берестья на основании собранных материалов можно только предположительно. Число местных изделий значительно превосходит число импортных, и это свидетельствует о преобладающем значении ремесленного производства над торговлей. В то же время количество сель-

скохозяйственных орудий превышает количество ремесленных инструментов, что, однако, не означает преобладания сельского хозяйства в жизни берестян. Ведь сельскохозяйственные работы имеют сезонный характер, и в их выполнении могли участвовать и ремесленники-профессионалы, а часть найденного в городе сельскохозяйственного инвентаря могла принадлежать им, ремесленникам. Это подтверждает большую роль в жизни города сельского хозяйства, но не служит основанием для вывода о недостаточном развитии в нем ремесленного производства. Значительная роль сельского хозяйства в экономической жизни была характерна для всех городов Европы. И древнерусские летописи приводят прямые свидетельства о том, что горожане повсеместно занимались земледелием: «Вси ваши городы предашася мне и яшася по дань и делают нивы своя и землю свою, а вы хощете голодом измерети...»— укоряла княгиня Ольга непокорных жителей Искоростеня, затворившихся в своем осажденном городе и забросивших полевые работы. Верно и то, что город не мог полностью удовлетворить свои потребности в сельскохозяйственной продукции, и значительное количество необходимых продуктов поступало сюда из прилегающей сельскохозяйственной округи в порядке местной торговли или обмена на товары, производимые городскими ремесленниками.

Дополнительным источником продуктов питания служили охота, рыболовство, собирательство (ягод, грибов, плодов дикорастущих растений и т. п.). Тем не менее роль и значение местного городского производства в обеспечении населения продуктами земледелия и животноводства оставались весьма значительными, а очень часто — главными и определяющими. Особенно сильной такая зависимость была на ранней стадии существования города. В дальнейшем с развитием ремесленного производства и расширением торговых связей возрастало количество привозных продуктов и сокращался удельный вес местного городского производства.

Археологические находки из раскопок Берестья (орудия труда по обработке почвы, переработке сельскохозяйственной продукции, многочисленные кости домашних животных и т. д.) подтверждают

предположение о важной роли сельского хозяйства в жизни населения Берестья. Судя по набору орудий, оно включало в себя земледелие и животноводство, возделывание зерновых и масличных культур, полеводство и огородничество, посевы на старопахотных и вновь осваиваемых участках. Земледелие в Берестье было пашенным, система почвообработки — паровая, в форме двухпольного или трехпольного севооборота. Земли использовались как старопахотные, так и вновь вводимые в оборот после расчистки из-под лесных массивов (подсечное земледелие). Использовались повторно вводимые земли после перелога.

Одной из самых частых находок на детинце Берестья были кости диких и домашних животных. Они и являются основным источником при изучении занятия местного населения животноводством и охотой. Определение костных остатков производилось по итогам каждого года, а общий учет — по количеству особей, который более точно отражает состав домашнего стада и охотничьей добычи. Конечно, эти данные условны, так как зависят от многих обстоятельств — попадания в слой и сохранности в нем, выявления и отбора при раскопках и т. д.

Всего по костным остаткам из раскопов 1971—1977 гг. на детинце Берестья определены остатки 1897 животных, в том числе 1399 домашних (73,7%). Соотношение диких и домашних животных в Берестье типично для древнерусских городов Белоруссии, где животноводство, как правило, преобладает над охотой.

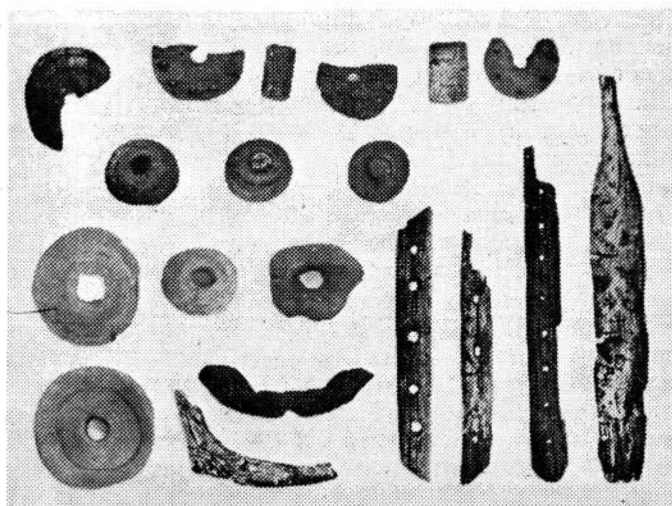
Среди домашних животных превалирует крупный рогатый скот. Выявлены кости 552 особей (39,4%). Он был значительно мельче (100—110 см) нынешнего крупного рогатого скота (130—140 см). На втором месте по численности среди домашних животных — свиньи (288 особей — 20,6%). Третье место по количеству особей в стаде домашних животных принадлежало мелкому рогатому скоту (286 особей — 20,5%). Довольно высоким был процент лошадей (225 особей — 16%). В небольшом количестве (3,3%) встречаются кости собаки, а в слое XIII в. найдены кости двух кошек. Учитывая преобладание домашних животных крупного веса

(крупный рогатый скот, свиньи), можно считать, что население в основном снабжалось мясными продуктами за счет животных домашнего стада.

Охота была постоянным занятием населения Берестья. В коллекциях костных остатков определено 498 особей диких животных, что составляет 26,3% от общего числа домашних и диких животных. Это говорит о том, что в обеспечении мясными продуктами охота играла вспомогательную роль. Среди костей выявлены остатки кабана, зубра, лося, оленя, косули, бобра, медведя, волка, выдры. По находкам особей в охотничьей добыче первое место занимает благородный олень (112 особей — 22,6%). Такое же количество особей определено по костным остаткам дикого кабана. Выявлено много костных остатков зубра (90 особей — 18%) и лося (87 особей — 17,6%). Значительно уступают им косуля (55 особей — 11%), бобр (32 особи — 6,4%). В небольшом количестве выявлены остатки хищных животных—медведя (семь особей — 1,4%), волка (одна особь — 0,1%), выдры (две особи — 0,2%). По составу охотничьей добычи можно сделать вывод, что основным объектом охоты населения Берестья были крупные парнокопытные животные (олень, зубр, кабан, лось). Они составляли 79,6% охотничьей добычи. Основной целью охоты было получение мяса диких животных для продовольственных целей. Пушная охота имела ограниченный набор животных (бобр, выдра) и не представлена большим количеством животных.

Рыболовство в Берестье было одним из постоянных видов промыслов. Об этом говорят найденные пласты рыбьей чешуи и костных остатков различных видов рыб и различные орудия рыболовства. В культурном слое найдены кости и чешуя лосося, сома, леща, плотвы, уклеи, щуки, окуня, ерша. О сетевом лове рыбы свидетельствуют находки многочисленных и разнообразных поплавков из сосновой и березовой коры, поддерживавших на плаву верхний край сетевого полотна, и свинцовых или глиняных грузил, оттягивавших вглубь его нижний край. Неводом ловили с лодок. В слое найдены шпангоуты небольших лодок и гребные весла. При сетевом лове использовали ботало, с помощью которого рыбу

загоняли в сети. Применялись и другие орудия лова — удочки, дорожки, остроги, гарпуны. Удочкой ловили на крючек. Найдено четыре рыболовных крючка длиной от 4,4 до 12,3 см и диаметром загиба от 2,2 до 4,7 см, а также три блесны длиной до 14 см и шириной 2,7—2,9 см. Одна из них, медная, имеет ширину загиба жала 4,4 см. В двух железных загиб крючка отломан. Одна из них покрыта оло-

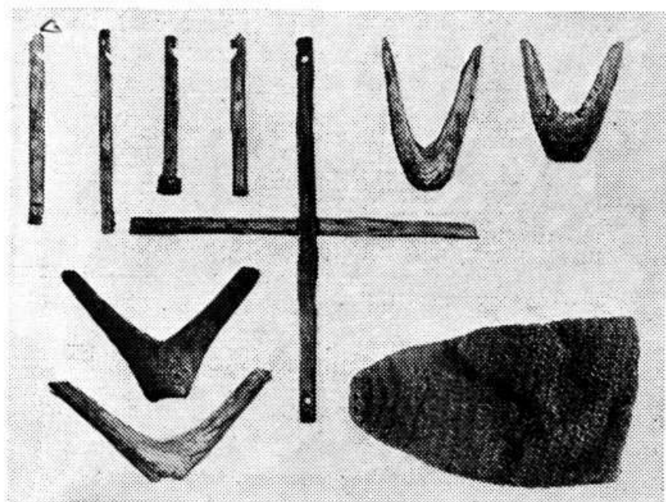
Деревянные рыболовные поплавки, лодочные шпангоуты, весло планочки для обсадки сетей

вянной полудой. У нее сохранилось проволочное кольцо-поводок. Найдено пять острог длиной 17,6—31,2 см с шириной пера 1,1—1,6 см. При зимнем подледном лове использовали пешню (длина железного наконечника 27 см, диаметр втулки 3,5 см, ширина лезвия 2,0 см).

В слое XIII в. найдены детали горизонтального ткацкого станка: челнок полого типа, бердо, тяги, ниченки (ниты), подножки. О развитии прядения и ткачества говорят находки тканей в слоях XI—XIII вв. Ткани сохранились только из шерстяных нитей. Они различаются по плотности, расцветке,

технологии ткачества. Изготавливались они в технике полотняного и саржевого переплетения. Часто на тканях встречаются полосы желтого, зеленого, красного, коричневого цветов, образованные крашеными нитями. Красители применялись, очевидно, натуральные.

Из предметов одежды в слое XIII в. найдены войлочная шапка и шерстяные рукавички. Шапка

Тяги ткацкого станка, вилки мотовила, крестовина мотовила. Шерстяная вязаная рукавичка

имеет коническую форму и завернутые прилегающие к тулье поля. Она изготовлена из тонкого войлока и напоминает более поздние белорусские шапки-магерки, а также головные уборы на древнерусских миниатюрах. Маленькая рукавичка с одним большим пальцем связана из шерстяных нитей в технике игольного плетения.

Занимались жители Берестья и собирательством. При раскопках неоднократно встречались скорлупа орехов, желуди, лесные яблоки.

О развитии торговых отношений Берестья можно судить по предметам импортного происхождения. Это шиферные пряслица, стеклянные браслеты, бу-

сы, перстни, амфоры, предметы религиозного культа, металлические женские украшения, принадлежности костюма и т. д. Из соседней Волыни привозились шиферные пряслица, изготовление которых было организовано в районах Овруча и Искоростеня в мастерских, снабжавших пряслицами всю Восточную Европу и соседние страны.

Стеклянные браслеты в Берестье завозились в основном из Киева, где работали крупные мастерские по их изготовлению. Сходство берестейских и киевских браслетов по форме и цветовой гамме очевидно. Браслеты стали поступать во второй половине XII в., а резкое падение их количества приходится на конец XIII в.

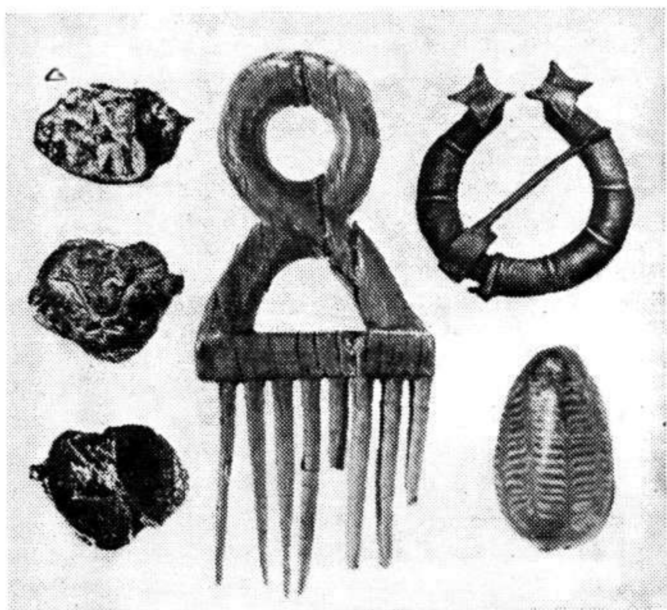
Стеклянные бусы также были предметом импорта. Их форма и расцветка аналогичны бусам Древней Руси, и, скорее всего, они тоже происходят из Киева. Свыше 70% всех бус найдены в слоях XI—XII вв. И стеклянные перстни — предметы импорта. Днища конусовидных бокалов с широким устьем и узким дном типичны для такой продукции из киевских мастерских. По всей вероятности, из Киева завезена небольшая игральная кость кубической формы с нанесенными очками-метками от одного до шести на всех шести ее гранях. Из Киева и разноцветная поливная погремушка-писанка, найденная в слое XII в. Несомненно импортное происхождение некоторых ювелирных изделий высокохудожественного изготовления.

Нет в окрестностях Берестья и источников полиметаллических руд, импортными являются кусочки свинца и медная проволока, похожая на проволоку каркаса дреговичской бусины. Несомненно, признаком импортной торговли являются свинцовые товарные пломбы, привешивающиеся к тюкам с товарами.

Привозными следует признать и многие предметы религиозного культа, требующие в изготовлении специальных знаний, высокого профессионального и художественного мастерства. Скорее всего, привозными были колокол и кадильница, бронзовый крест-энколпион с чернением серебром, свинцовый крест-складень в форме квадрифолия, свинцовый амулет-змеевик, каменные крестики-тельники.

Не местного происхождения амфоры, которые

служили для перевозки оливкового масла и вина. Гребешки из самшита привезены из Крыма и Кавказа, янтарь и бронзовая подковообразная фибула из Прибалтики. Импортного происхождения и бронзовое круглопроволочное кольцо с S-видным завитком на конце, широко распространенное у мазовшан, и часть керамики с вертикальным венчиком и налепным валиком с насечками у его основания.

Свинцовые пломбы, деревянный гребешок, прибалтийская фибула, глиняная поливная погремушка

Шахматный король также принадлежит к предметам западного импорта, так как на западе были развиты традиции изготовления шахмат высокого художественного уровня.

Безусловно, не все перечисленные предметы попали в Берестье в результате торгового обмена. Часть из них является военной добычей, другая — предметы дарения или выкупа. Но большинство их все же попало в Берестье по торговым каналам.

Краткий обзор привозных изделий показывает, что Берестье имело торговые связи со Средним Поднепровьем с центром в Киеве, с соседней Волынью, Причерноморьем, Прибалтикой, соседними землями Повисленья. Существование этих связей подтверждается находками товарных свинцовых пломб и летописными сообщениями об отправке из Берестья хлебных караванов в земли ятвягов.

Регулярный торговый обмен осуществлялся между Берестьем и окрестными сельскими территориями. Город снабжал сельских жителей ремесленными изделиями (орудия труда, ювелирные изделия, товары транзитной торговли и т. д.), а они поставляли городу продукты земледелия и животноводства, домашних промыслов, товарные железные крицы. Город концентрировал поступавшие товары и организовывал их включение в широкий торговый оборот.

Берестье жило полнокровной и разносторонней экономической жизнью. По интенсивности и напряженности ее оно уступало крупным экономическим центрам Древней Руси (Киеву, Новгороду, Чернигову, Полоцку, Турову), но по уровню развития производства находилось на уровне требований современной ему эпохи.

КУЛЬТУРА БЕРЕСТЬЯ

Городская культура Берестья, как и других городов Древней Руси, включала в себя много составляющих элементов. Наиболее существенными были архитектура города, его планировка, застройка, благоустройство. Застройка и планировка Берестья соответствовали существовавшим в то время градостроительным традициям. Планировка была характерна для городов Западной Руси X—XI вв. Основным элементом, регулирующим застройку, были уличные мостовые. Постройки ориентировались по их направлению.

С XIII в. в Берестье начинается монументальное строительство, возводятся церковь св. Петра и башня-донжон. В шурфе в 1972 г. был выявлен развал кладки из крупных валунов на извести в небольшом тонком культурном слое, содержащем предметы XIII в. В 1987 г. в шурфе на большой глубине найден крупноформатный кирпич-пальчатка, применявшийся в XIII в., и обломок неполивной керамической

плитки прямоугольной формы. Подобные плитки применялись для укладки полов в монументальных культовых сооружениях.

Сооружения монументальной архитектуры способствовали формированию планировочной структуры и внешнего облика Берестья. Город формировался в соответствии с архитектурными традициями древнерусских и западноевропейских городов лесной зоны, в которых основным строительным материалом было дерево, и по внешнему облику сильно отличался от каменных городов южной, западной и центральной Европы и крупных древнерусских городов с развитым монументальным строительством.

Благоустройство города проводилось в доступных и возможных для того времени пределах. Уличные проезды выстилались деревянными мостовыми, проходы и пространство между постройками — настилами из колотых досок. Между постройками вдоль улиц устанавливались частоколы, которые ограждали пространство перед постройками, если они были удалены от улицы.

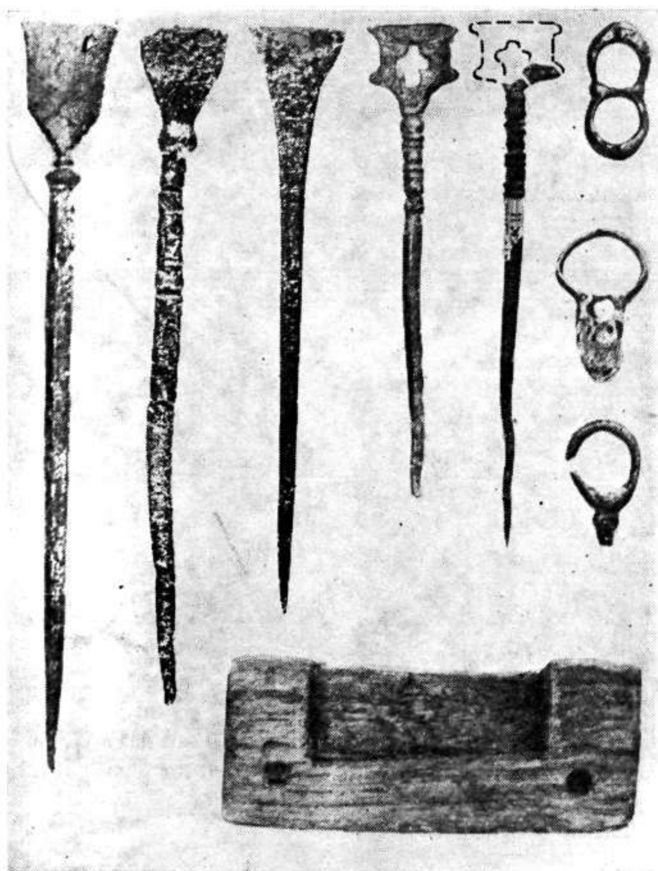
Одним из показателей развития Берестья является высокий уровень мастерства ремесленников, украшавших изделия орнаментацией, чеканкой, инкрустацией, что придавало дополнительную привлекательность и эстетический вид. Ювелиры и косторезы уделяли большое внимание художественной обработке поделок из кости и цветных металлов. Многие из них украшены циркульным или геометрическим орнаментом, прорезанным резцом или выбитым чеканом. Кожаные изделия часто украшались прорезным орнаментом или вышивкой из цветных нитей. Ткани в Берестье часто орнаментировались полосами из нитей разной окраски, комбинированием в основе и утке нитей из различного материала, в результате чего получался сложный клетчатый узор.

Гончарную посуду часто орнаментировали поясками из горизонтальных прямых и волнистых линий, иногда применяли насечки, штампы, зигзаги.

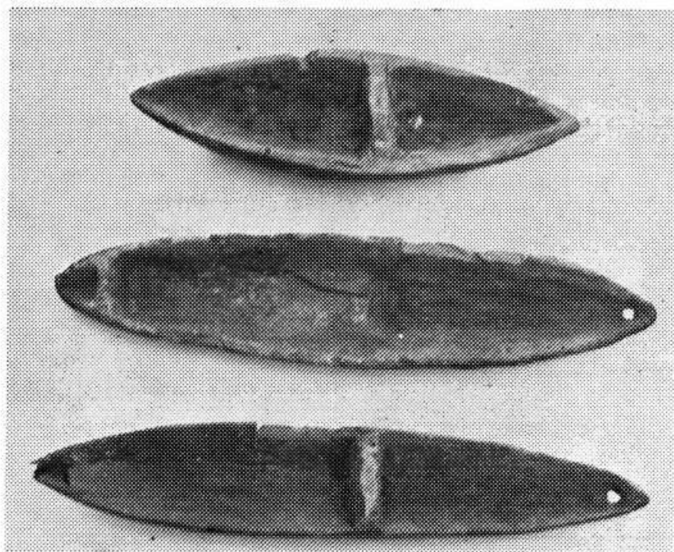
Показательным элементом культуры Берестья была грамотность местного населения. Письменных

источников древнерусского периода из Берестья не сохранилось. Нет сведений о существовании местного летописания. Не найдено и берестяных грамот. Тем не менее есть веские основания говорить о грамотности местного городского населения: в раскопе найдены стили-писала, цера — дощечка для письма, книжные застежки, азбука-кириллица на гребешке.

Стили-писала (пять штук) найдены в слоях XI—XIV вв. Они имеют вид заостренного стержня с ло-

Предметы письменности: писала, книжные застежки, цера.

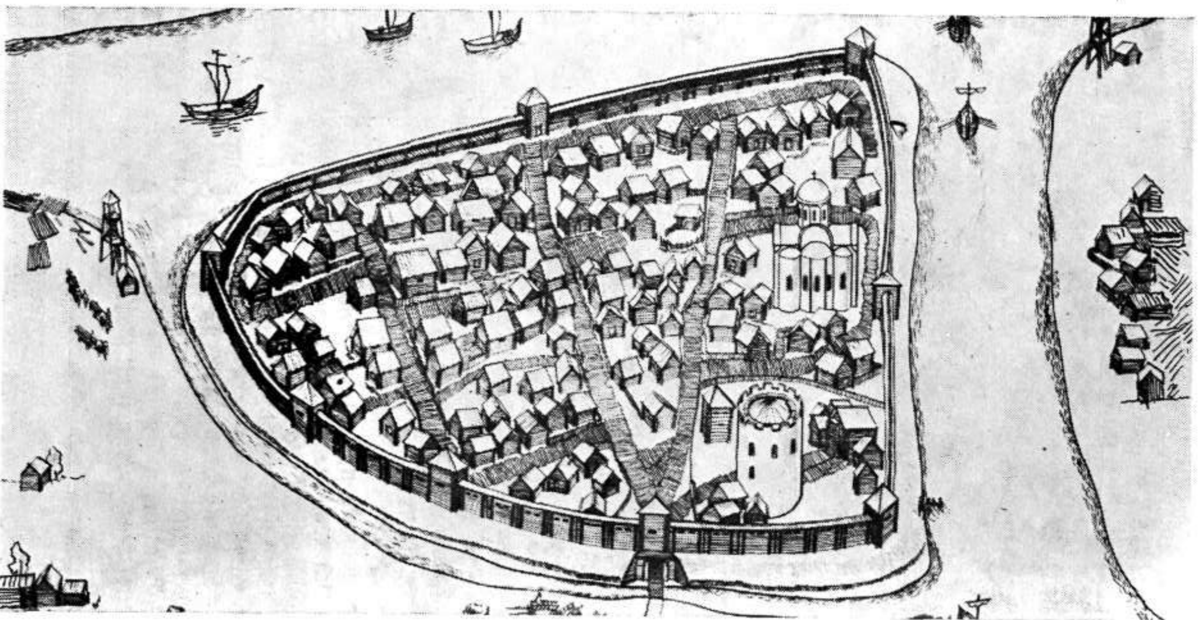

Игрушечные лодочки из коры

паточкой на конце. Заостренным концом писали по навощенной дощечке, а плоской лопаточкой стирали старую надпись и заглаживали слой воска, подготавливая дощечку для написания нового текста. В слое начала XIII в. найдена часть деревянной дощечки для письма-церы. Ее углубленную середину заливали воском, бортики предохраняли надпись от повреждений. По углам дощечки есть отверстия для шнурка, которым скрепляли две—три таких дощечки в своеобразный блокнот.

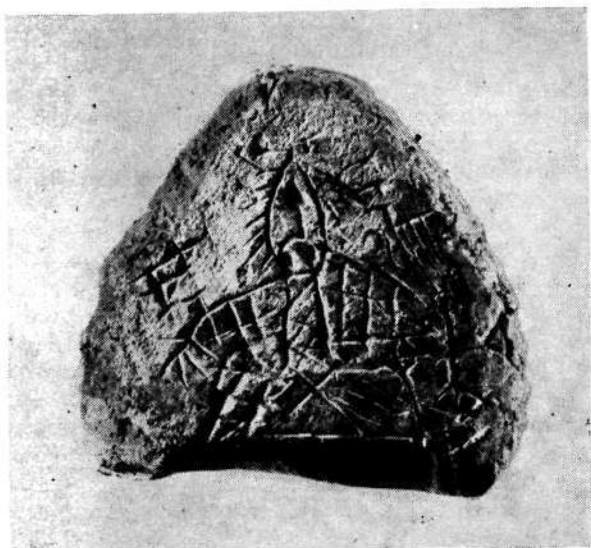
В слоях XI—XII вв. найдены три маленькие бронзовые пряжки-застежки, скреплявшие твердые переплеты древних массивных и тяжелых рукописных книг из пергамента. Однако наиболее убедительный свидетель распространения грамотности в Берестье — самшитовый гребень с вырезанной азбукой-кириллицей. Зубья гребня с одной стороны аккуратно обрезаны. На одной поверхности вырезано: АБВГДЕ, на другой — ЖЗИІКЛ.

Находка в Берестье алфавита на гребне — одна

Общий вид древнего Берестья в XIII в.
Реконструкция автора. Художник С. А. Кузьмар.

из немногих на территории Древней Руси, первая и единственная на территории Белоруссии. Это своеобразный древний букварь. Гребень найден в постройке 8, датирующейся концом XIII — началом

Погрудное каменное изображение воина в шлеме и доспехах.

XIV в. По особенностям начертания букв его можно датировать началом XIII в. Значит, по древности берестейский «букварь» уступает только алфавиту на любечском пряслице, одновременен грамотам мальчика Онфима из Новгорода и древнее новгородской азбуки на дощечке (начало XIV в.).

Культурную жизнь города характеризуют мастихин художника, шахматные фигурки, шашки, кости для игры в бабки, игральная кость с шестью очками, различные детские игрушки — мячи, лодочки из сосновой коры, обломанные рукояти детских мечей, керамическая погремушка-писанка, деревянные точеные яйца.

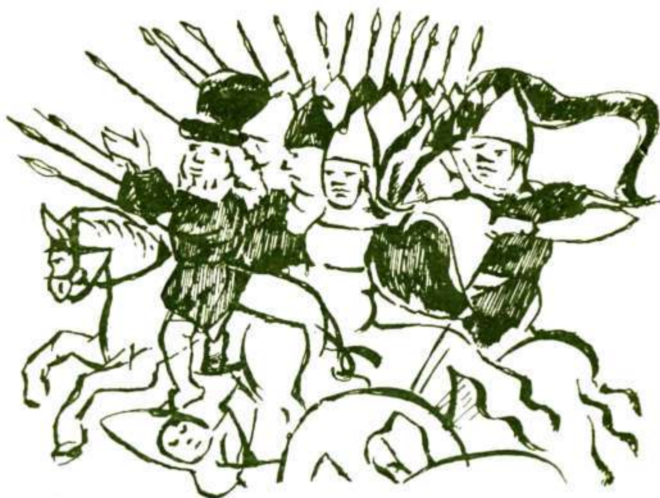
О развитии искусства говорит также найденное в слое XI в. резаное на камне поясное изображение воина в шлеме и пластинчатом доспехе с круглым

щитом в левой руке и мечом в правой. На щите — четырехконечный лапчатый крест. У правого плеча — меч.

По найденным предметам культурная жизнь города представляется разносторонней. В городе велось упорядоченное строительство, проводились работы по его благоустройству, развивались прикладные ремесла, была развита письменность, существовала живопись. Город поддерживал интенсивные торговые и культурные связи с соседними и отдаленными территориями. Уступая наиболее развитым городам в уровне отдельных видов ремесел, Берестье находилось на высоком уровне экономической и культурной жизни, характерной для Древней Руси.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

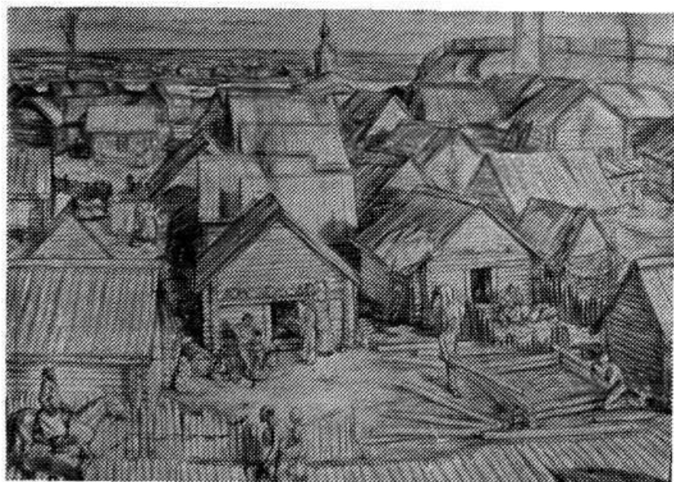

Рассказывая об удивительном археологическом памятнике — городе Берестье, я старался ответить на вопросы, которые часто приходилось слышать от посетителей музея,— как нашли город, почему он оказался под землей, почему так плотно расположены постройки, чем занимались жители древнего города, что нашли во время раскопок, как создавался музей.

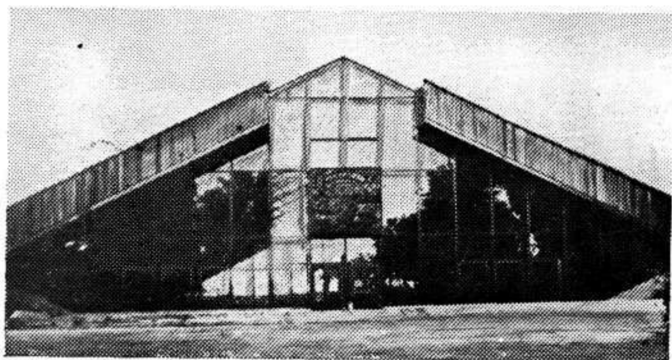
Вполне возможно, что не все вопросы на сегодняшний день освещены достаточно полно. Исследования Берестья еще не завершены. Со временем будет возрастать и объем наших знаний.

Хочется верить, что издание этой книги поможет расширить и дополнить наши представления о прошлом нашего народа, его жизни и истории.

В результате археологических исследований древнего Берестья скудные и отрывочные сообщения обогатились огромным и разносторонним вещевым материалом, характеризующим жизнь города со стороны его социально-экономического и политического развития, торговых и культурных связей.

Древнее Берестье (реконструкция автора, художник С. Г. Коробушкин)

Музей «Древнее Берестье»

Жизнь города предстала перед нами во всем многообразии и разносторонности, получили освещение вопросы, постановка которых по письменным сообщениям была невозможна. Исследованиями установлено местоположение города, решен вопрос об основании его дреговичами на рубеже X—XI вв.,

выявлены планировка и застройка, раскрыты условия жизни и занятия населения.

Хорошая сохранность предметов из различных материалов позволила собрать многочисленную и разнообразную археологическую коллекцию, имеющую большое значение для изучения материальной культуры городов всей Древней Руси и европейского города лесной полосы.

Сохранность сооружений, разносторонность и разнообразие археологической коллекции позволили создать уникальный музей древнерусского города, в котором посетитель может не только ознакомиться с предметами повседневного быта наших далеких предков, но и воочию на оригинальных древних сооружениях ознакомиться с условиями древнего быта.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Лысенко Петр Федорович

ОТКРЫТИЕ БЕРЕСТЬЯ

Заведующий редакцией *А. И. Валаханович*
Редактор *А. К. Хоревская*
Художник *А. А. Шуплецов*
Художественный редактор *В. В. Савченко*
Технический редактор *Л. А. Корнеева*
Корректор *Е. В. Будько*

ИБ № 3590

Печатается по постановлению РИСО АН БССР. Сдано в набор 05.05.89. Подписано в печать 21.08.89. АТ 13446. Формат 84×100[1]/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 7,80. Усл. кр.-отт. 14,59. Уч.-изд. л. 7,28. Тираж 10 000 экз. Зак. № 890. Цена 30 к. Издательство «Наука и техника» Академии наук БССР и Государственного комитета БССР по печати. 220072. Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска Скорины издательства «Наука и техника». 220072. Минск, Ленинский проспект, 68.